

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2016

№ 1(9)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – председатель
О.И. Блинова (Томск, Россия) – зам. председателя
Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв. секретарь
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
В.Е. Гольдин (Саратов, Россия)
А.Д. Жакупова (Кокчетав, Казахстан)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.М. Мокиенко (Санкт-Петербург, Россия)
О.В. Фельде (Красноярск, Россия)
Р. Ханзен-Кокоруш (Грац, Австрия)
Л.И. Шелепова (Барнаул, Россия)
Е.А. Юрина (Томск, Россия)
И. Янышкова (Брно, Чехия)

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Tatiana A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Chairperson
Olga I. Blinova (Tomsk, Russia) – Deputy Chairperson
Dmitry A. Katunin (Tomsk, Russia) – Executive Editor
Nikolai D. Golev (Kemerovo, Russia)
Valentin Ye. Gol'din (Saratov, Russia)
Aygul D. Zhakupova (Kokshetau, Kazakhstan)
Yekaterina V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
Valery M. Mokienko (Saint-Petersburg, Russia)
Olga V. Felde (Krasnoyarsk, Russia)
Renate Hansen-Kokoruš (Graz, Austria)
Lyudmila I. Shelepova (Barnaul, Russia)
Yelena A. Yurina (Tomsk, Russia)
Ilona Janyšková (Brno, Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Иванцова Е.В. Концепт КУЛЬТУРА в словарях русских народных говоров.....	5
Игнатъева Н.Д. Лексикографические проблемы русско-чешской интерференции	22

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Резанова З.И., Веснина Г.Ю. Подкорпус русской речи билингвов лингвистического корпуса «Томский региональный текст»: Принципы разметки и метаразметки корпуса	29
Сидоренко К.П. О концепции словаря интертекстовых единиц из басен И.А. Крылова	40
Толстова Г.А. О словаре старообрядческой языковой личности Агафьи Карповны Лыковой	64
Фесенко О.П. Компьютерный словарь фразеологизмов дружеских писем пушкинской поры: проект дискурсивного динамического словаря	82

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Гынгазова Л.Г. «Полный словарь диалектной языковой личности» как источник изучения темпоральной картины мира языковой личности сибирского старожила.....	99
---	----

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Антипов А.Г. Рецензия на книгу: Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1: Блюда и продукты питания / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под. ред. Е.А. Юриной.....	111
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	118

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Ivantsova Ye.V. The concept “culture” in dictionaries of Russian folk dialects.....	5
Ignateva N.D. Lexicographic problems of Russian-Czech interference	22

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Rezanova Z.I., Vesnina G.Yu. Meta-data and annotation design of the Russian-speaking bilinguals speech subcorpus in the structure of the Tomsk Regional Corpus ..	29
Sidorenko K.P. On the principles of the dictionary of intertextual units from I.A. Krylov’s fables	40
Tolstova G.A. On the dictionary of the Old Believer language personality of Agafya Karpovna Lykova	64
Fesenko O.P. Computer dictionary of phraseological units of friendly letters of Pushkin’s time: a project of a discursive dynamic dictionary.....	82

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Gyngazova L.G. <i>Complete Dictionary of the Dialect Language Personality</i> as a source of studying the temporal worldview of the language personality of a Siberian old-timer	99
---	----

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Antipov A.G. Book Review: Yurina, E.A. (ed.) <i>Slovar’ russkoy pishchevoy metafory</i> [Dictionary of Russian Food Metaphor]. Vol. 1.	111
---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	118
--	-----

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 801.3

DOI: 10.17223/22274200/9/1

Е.В. Иванцова

КОНЦЕПТ КУЛЬТУРА В СЛОВАРЯХ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ¹

На материале данных русских областных словарей рассматривается концепт КУЛЬТУРА как составляющая диалектной концептосферы. Показано, что его своеобразие в плане содержания обусловлено соотносительностью со сферами духовного и материального, репрезентируемой через частные смыслы «образованность», «следование морали», «улучшение условий жизни», «воздействие на природу» и др. Ядерными средствами плана выражения являются общерусские и диалектные лексемы с корнем -культур-, многие из которых образуют антонимические оппозиции. Концепт имеет ярко выраженный ценностный характер с диаметрально противоположной оценкой проявлений культуры и бескультурья, демонстрирует связи с другими единицами русской концептосферы. Областные словарные источники свидетельствуют о первичной освоенности концепта КУЛЬТУРА в народно-речевой среде и в то же время отражают его своеобразие в местных говорах.

Ключевые слова: *концепт, культура, словари, русские народные говоры.*

Изучение системы концептов, в которых отражено мировосприятие и миропонимание народа, входит в число актуальных проблем современной науки о языке. В связи с тем, что местные говоры рассматриваются в наши дни как источники моделирования основ национальной ментальности, исследование народно-речевой концептосферы приобретает особое значение. В последнее десятилетие на диалектном материале предметом анализа становились концепты ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, БОГ, ГРЕХ, ДУША, ТЕЛО, ДОМ, ЗЕМЛЯ, ПРОСТРАНСТВО, ПУТЬ, ВОЛЯ, БОЛЕЗНЬ, ХЛЕБ, КАРТОШКА, ГОЛОД, ЧИСТОТА, МАГИЯ, ЖЕНЩИНА, МОДА и др. (Н.Г. Архипова, Н.А. Власкина, Ю.Н. Грицкевич, Л.Г. Гынгазова, Т.А. Демешкина, Е.А. Забродкина, Л.С. Зинковская, И.А. Морозова,

¹ Исследование осуществлено при поддержке РГНФ (грант № 14-14-70006 а/р «Развитие источниковой базы изучения народно-речевой культуры русских старожилов Среднего Приобья») и Научного фонда им. Д.И. Менделеева НИ ТГУ (№ 8.1.31.2015 «Разработка концепции электронной энциклопедии "Словесная культура Сибири"»).

Е.Д. Хасанова и др.). При этом концепт КУЛЬТУРА, насколько нам известно, еще не рассматривался.

Обращение к его исследованию обусловлено двумя моментами. С одной стороны, культура входит в круг фундаментальных понятий, определяющих материальное и духовное бытие человека; изучение этого объекта актуально в свете антропоцентрической научной парадигмы. Важен и характер самого концепта: как отмечает Л.Г. Гынгазова, при выборе концептов для описания «зону повышенного интереса составляют слова, концептуально нагруженные, репрезентирующие сложное понятийное пространство, способное быть обращённым к разным сферам бытия и в силу этого моделировать описываемую говорящим действительность» [1. С. 295]. *Культура*, несомненно, является таким именем концепта. С другой стороны, можно говорить об особом месте КУЛЬТУРЫ в народной концептосфере. В отличие от большинства в той или иной степени описанных концептов, которые можно считать исконными, отражающими многовековое развитие национального языка, это концепт позднего образования¹, внедряющийся в диалектную концептосферу из литературной, книжной концептосферы и своеобразно трансформируемый в народно-речевой среде. Изучение концептов такого рода также представляет научный интерес.

Реконструкция концепта КУЛЬТУРА в русских народных говорах сложна в связи с недостаточностью источниковой базы. Текстовые массивы, фиксирующие диалектную речь, в настоящее время доступны диалектологу только в пределах регионального архива того научного центра, где производился сбор материала. Обращение к электронным базам данных сегодня не дает необходимых сведений: круг русских диалектных корпусов еще невелик (многие находятся в стадии создания или апробации), а общий объем введенных текстов весьма незначителен. Не является исключением в этом отношении диалектный подкорпус Национального корпуса русского языка. Так, поиск контекстов со словом *культура* в нем не дал результатов (для сравнения: в основном корпусе письменных текстов поисковая система отмечает 37 083 вхождения этой единицы, в уст-

¹ Латинское по происхождению слово *культура* вошло в русский литературный язык только в 30-е гг. XIX в., а активно стало использоваться лишь с 80-х гг. того же столетия [2. С. 9–12]; в местные говоры оно проникло еще позднее как вторичное заимствование из литературной языковой подсистемы.

ном корпусе – 1931) [3]. Нулевой результат выборки можно объяснить не отсутствием лексемы в диалектной речи (хотя, безусловно, она не входит в круг высокочастотных), а несбалансированностью НКРЯ, его «литературноцентричностью», минимальной представленностью народно-речевой сферы бытования национального языка. Поскольку диалектный подкорпус по количеству словоупотреблений составляет всего 0,1% от общего объема [4], этот источник, как справедливо указывает В.И. Беликов, дает мало информации о нелитературных языковых подсистемах и редко употребляющихся единицах [5].

При изучении концептосферы литературного языка лингвисты опираются также на данные ассоциативных экспериментов и отражающих такие эксперименты словарей. С опорой на эти источники, в частности, проведено сопоставительное описание концепта КУЛЬТУРА в английском и якутском языках М.И. Кысылбаиковой [6]. Экспериментальные методы и методики при сборе диалектного материала с учетом характера речевых компетенций носителей традиционных говоров и специфики их ментальности почти не применяются. Таким образом, в качестве главного источника реконструкции концепта КУЛЬТУРА в народно-речевой среде могут быть привлечены областные словари.

Кратко обозначим методологические принципы исследования. Концепт вслед за А. Вежбицкой трактуется как «объект из мира „Идеальное“, имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире „Действительность“» [7. С. 23]. Таким образом, это реконструируемый исследователем культурно значимый факт сознания, имеющий языковое выражение. Для выявления средств репрезентации названного концепта в народно-речевой среде была предпринята выборка контекстов, включенных в словарные статьи на заглавное слово *культура* и его дериваты, из максимально возможного числа источников. В методике лингвокультурологического анализа концепта КУЛЬТУРА автор опирается на разработки Л.Г. Гынгазовой, посвятившей большой цикл статей моделированию ключевых концептов народной культуры на основе данных «Полного словаря диалектной языковой личности» ([1, 8, 9, 10] и др.). Текстовые фрагменты полученной выборки анализировались с учетом состава отраженных в них лексем, их сочетаемости, системных связей, наличия/отсутствия вербально репрезентируемых

смежных понятий в иллюстративном лексикографическом материале. План содержания концепта моделировался с опорой на выявленные средства плана выражения, семантику этих единиц и содержательную сторону высказываний в целом. Методически важным является то, что «все признаки концепта описываются на основе контекстных реализаций слов, представляющих план выражения концепта» [1. С. 295].

Обращение к словарям русских народных говоров не во всех случаях дало необходимый для анализа материал. Во многих изданиях словарные статьи на слово *культура* и его однокоренные образования отсутствуют¹. Думается, что причин тому несколько; в их числе – преобладание и в наши дни дифференциальных лексиконов, имеющих давние традиции в словаростроении, над недифференциальными, а также принятая в некоторых коллективах составителей установка на исключение из словников неполно освоенных лексем, пришедших из литературного языка².

В то же время часть областных словарей содержит сведения об употреблении интересующих нас единиц. В их числе – дифференциальные «Словарь русских народных говоров» (СРНГ) [12], «Словарь пермских говоров» (СПГ) [13], «Словарь русских говоров низовой Печоры» (СРГНП) [14], «Словарь русских говоров Новосибирской области» (СРГНО) [15], «Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая» (ИЭСРГА) [16], «Словарь русских говоров Сибири» (СРГС) [17], «Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края» (СРГК) [18], «Словарь русских старожильче-

¹ Так, не были обнаружены интересующие нас сведения в «Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» (М., 1969), «Ярославском областном словаре» (Ярославль, 1981–1999), «Словаре русских говоров Забайкалья» Л.Е. Элиасова (М., 1980), «Словаре вологодских говоров» (Вологда, 1983–2007), «Словаре русских говоров Приамурья» (М., 1983), «Словаре диалектной личности» В.Д. Лютиковой (Тюмень, 2000), «Словаре говоров казаков-некрасовцев» О.К. Сердюковой (Ростов н/Д, 2005) и ряде других; нет их и в некоторых крупных многотомных словарях (например, «Архангельском областном словаре»), еще не доведенных до соответствующих выпусков.

² Ср. комментарий лексикографов во введении к «Словарю русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби»: «Так называемые «искажения» литературных слов (типа хольхоз, фатера, лисапед, лестричество и т.п.), очень распространенные в старожильческих говорах, в нашем словаре не представлены» [11. С. 5]. Следует отметить, что позднее позиция томских диалектологов претерпела изменения, и нелитературные варианты усваиваемых носителями местных говоров слов нашли отражение в дополнительных выпусках этого словаря.

ских говоров средней части бассейна р. Оби. Дополнение» (ССД-1) [19], «Среднеобский словарь» (ССД-2) [20]. Наиболее богатую информацию можно найти в диалектных словарях полного типа: «Псковском областном словаре с историческими данными» (ПОС) [21], «Словаре говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области» (СГДА) [22], «Вершининском словаре» (ВС) [23] и «Полном словаре диалектной языковой личности» (ПСДЯЛ) [24]¹.

Дефиниция слова *культура* – «совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни» [25. Т. 2. С. 148] – свидетельствует о том, что одноименный концепт связан с разными сферами действительности, охватывающими практически все стороны бытия человека. Это подтверждает и выборка материала из словарей русских народных говоров: контексты отражают области материального и духовного, социального и природного, традиционного и нового.

Лексикографический материал показывает, что сложное, многоплановое понятие «культура» в обыденном сознании носителей местных говоров репрезентируется через осмысление отдельных его сторон, а те, в свою очередь, – через более частные смыслы.

В словарных источниках отражено понимание этого феномена как развития цивилизации, связанного с ее духовными аспектами.

В представление о культуре входит компонент «получение знаний», «образованность». Об этом свидетельствуют контекстуальные связи лексем *культура*, *культурный* и *учиться*, *грамотный* (*И у'чацца к таму', штоп харо'шая была' культу'ра*. ПОС²; *Вот у меня хрёсный был такой – как же сказать? Культурный такой, грамотный был, культурный, мамин брат*. ПСДЯЛ), *знать*. Отсутствие знаний, полученных в результате специального обучения, расценивается как признак отсутствия культуры *тёмных* сельских жителей, в отличие от образованных горожан (*А дере'вню на'шу Зале'шцыа зва'ли, некурту'рный наро'т там*. ПОС; *Культу'рныи вы, а мы ничиво' тако'ва ни зна'им, тёмныи, скабари' мы*. ПОС). Про-

¹ Список не является исчерпывающим. К сожалению, многие низкотиражные областные словари при отсутствии электронных версий остаются малодоступными для исследователей; не создана пока и база данных, репрезентирующая достижения отечественной диалектной лексикографии.

² Здесь и далее в примерах сохранены принципы передачи произносительных особенностей и постановки ударений цитируемых источников.

слеживаемая в контекстах оппозиция *мы/вы* отражает не только связи понятий «культура» и «образование», но и антиномичные оппозиции «культура – ГОРОД», «отсутствие культуры – ДЕРЕВНЯ».

В связи с распространением образования и все возрастающим влиянием литературной языковой подсистемы на местные говоры немаловажной составляющей культуры для диалектоносителей становится следование нормам кодифицированного языка. Речевая культура соотносится с обучением *по книгам* и знанием выученных правил: *Мы лю'ди культу'рные, ня гавари'м «цаво'», и маладѣш гавари'т па кни'гам* (ПОС); *Мы ня культу'рнѣ гавари'м, пра'вила ня учи'ли* (ПОС). Здесь уже отмеченная ранее оппозиция «мы/вы» расширяется за счет противопоставления возрастных групп *молодѣжь*/старшее поколение. В аспекте культуры осмысливается освоение литературного произношения (*Мы лю'ди культу'рные, ня гавари'м «цаво'»*) и вытеснение диалектной лексической нормы литературным аналогом¹. Такие контексты особенно многочисленны. Уходящее в прошлое областное словоупотребление воспринимается носителями диалектов как некультурное, зеркально актуализируются смыслы *культурный* – «вежливый, уважительный»; на уровне синонимических связей они проявляются и в тексте. Причиной негативной оценки нелитературного слова в одних случаях можно считать бо'льшую «физиологичность» областных наименований, связанных с телесным низом (*А это «гу'зка» называ'тся [нижня часть прялки]. Ну как вроде бы раньше, так «жо'пка» называли, а по-культурному-то «гу'зка», мале'нько повежливей*. ПСДЯЛ), в других – нарушение коммуникативной нормы при постоянном употреблении пейоративного имени (*[Имя «Натальюшка» – неуважительное?] Ну конечно, некультурно, уж так-то не назовѣшь*. Картотека ПСДЯЛ). Как можно видеть, в оценке речевых аспектов культуры языковое тесно переплетается с эстетическим и этическим. В большинстве контекстов, содержащих метаязыковую рефлексия, прослеживаются и связи некультурного/культурного с временной дихо-

¹ Нечеткая разграниченность в метаязыковой рефлексии диалектоносителей средств, относящихся к разным подсистемам национального языка, приводит к оценке как более культурных по сравнению с областным словоупотреблением не только литературных, но и просторечных единиц: *Раньше «гуляли» называли, а теперь – «дружат»*. Культура появилась (ВС); *«А с кем она игра'т?» <...> Это, а «дру'жут» не говорили. Угу. Это некультурно, было раньше* (ПСДЯЛ).

томией раньше/теперь. Они наблюдаются не только в отношении стилистически сниженных единиц говора, но и нейтральных слов, которые, очевидно, воспринимаются как менее культурные на фоне распространяющих литературных соответствий: *Слова-то, они что дальше, то культурней. Ну, а раньше это [бусы] звали «гагатки». А теперича культурнее назвали «бусы»* (ВС); *Ишь, говорили «ча». «А ча?» <...> [Сейчас «чѣ» говорят ведь?]* Ну, наверно, покультурней стали (ПСДЯЛ); *Крыльцо' называ'ют фсѣ бо'льши вера'нда – наро'т-ть культурней стал; Она «Гера» его звала. Ну, по-культурному. А Гоша... Егор [был] (картотека ПСДЯЛ); Перехва'тка, а за'фтракать мы не гавари'м, мо'жэ кто пакультур'не ска'жэт; И как тяпе'рь фсѣ харашо' гаваря'т, культу'рна, фсѣ так акура'тна называ'ют* (ПОС).

Весьма значимым смыслом является также «следование нормам поведения, принятым в социуме». Спектр этих норм широк – от правил поведения в бытовом общении до глобальных заповедей морали. В высказываниях диалектоносителей состав этих норм отражен неполно, а сами нормы не всегда формулируются прямо, но они легко восстанавливаются из содержания контекстов.

В некоторых иллюстративных материалах словарей прослеживается связь между обучением, дающим человеку полезные знания, и усвоением культурными людьми новых форм поведения в быту: *Культурный такой, грамотный был, культурный, мамин брат, дак он всегда цистил [зубы]. Всегда шишоточка у него, цистил.* ПСДЯЛ; *Ста'ли пакультур'нее лю'ди, лампа'тку в гразу' не зажыга'ют.* ПОС.

Фрагменты текстов, относящихся к употреблению еды по-культурному, (вероятно, с ориентацией на «городские» нормы), дают основание для выделения смыслов «соблюдение меры», «эстетика питания»: *А, голубцы: «Дай пополам разрежем? По половине, так больши'». Я говорю... «Чѣ, доедать не надо. А то пополам разрежем – культурненько»; А я [готовя передачу для заболевшего родственника] по-культурному бутылку это молоко большу' налила литро'ву, баночку сгушонки, баночку пол-литрову мѣду накла'ла ему и чѣ-то ешо тако' – в больницу раз, дак чѣ?* В то же время эти нормы в некоторой степени соотносятся не только с влиянием города, но и с традициями сельского социума: второстепенные для повседневности, они приобретают особую актуальность в ситуациях угощения гостей как составляющая обряда потчевания: *Ну, она [се-*

стра] така'... проста', ли така' ли? Некультурна, в общѐм. Я хоть сама така' же, ну всё равно, я бы... и могла получче как-то изде'лать. Она это мясо, сковороду прям [поставила гостям]: «Ешьте!»; Я вас «по-культурному»: со сковороды прямо [угощаю] (ПСДЯЛ).

Немногочисленны, но очень ярко иллюстрации, отражающие связь представлений о культуре и нравственных нормах в сознании диалектоносителей. Так, невыполнение детьми своего долга, обязательств по отношению к престарелым родителям выражается лексемой *бескультурье*, содержащей осудительную коннотацию (*А у нас своёго отца и то выкидыват. Вот оно, бескультурье-то наше!* СГДА). В основании морально-этического кодекса носителей местных говоров можно видеть переплетение общечеловеческих представлений о гуманизме и справедливости, опору на традицию, роль которой особенно важна в диалектной среде, и, наконец, религиозную составляющую. Наличие культуры как соблюдения норм морали соотносится в крестьянском социуме с прошлым, когда эти нормы поддерживались усвоенной с детства верой в страх божественного наказания (*Ра'ньшѐ была' культу'ра, патаму' што Бох был, Бо'уа бая'лись ПОС*).

Культура поведения, иронически представленная через антинорму в частушке (*Вы не смейтесь над нами, мы не смехотурные, по-дойдѐм, по морде треснем, девочки культурные*. ВС), включает компоненты «вежливость», «сдержанность в проявлении негативных эмоций». Эти же смыслы отражены в ряде высказываний о речевом поведении: *Вчара' культурненько так подошѐл: «Поедем» [а не закричал, как обычно]* (ПСДЯЛ); *Я магу' тябя' культу'рна напроси'ть аб вы'хаде из кварти'ры; Арка'шка тако'й культу'рный, я заруга'лася, а ён настисня'лся чужы'х люде'й* (ПОС). Ситуативная синонимия лексем *культура* и *вежливость* отражена в единственном метатексте, попавшем в выборку материала: *Культу'ръ – е'тъ ве'жливьсть друг дру'гу, патхо'т, разгово'р не то што пусто'й ПОС*.

Материалы словарей не отражают включенности компонента «искусство» в представления диалектоносителей о культуре. Отсутствуют тексты, где культура соотносится с кино, театром, музыкой, художественными произведениями и т.д. На периферии смыслов, связанных духовными аспектами культуры, можно отметить «орга-

низованный досуг». На основе метонимического переноса культурой именуются учреждение или коллектив, занимающиеся культурно-массовой работой: клуб, дом культуры, агитбригада: *Челаве'к прилич'ный, ф како'м-та культу'ре он рабо'тал* (ПОС); *Пришо'л с культу'ры ужэ' по'зна* (ПОС); *А ф культу'ры гуля'ют и'ли нет?* (ПОС); *Вот культура едет выступать на левый берег* (СРГНП).

Словари русских народных говоров позволяют также реконструировать смыслы концепта КУЛЬТУРА, соотносимые с материальными аспектами рассматриваемого феномена.

Характеристики культуры в быту передают контексты о жизни российской деревни в первой половине XX в. Негативную оценку через лексемы *некультурье, некультурно, некультурный* получают неразвитость социальной сферы (*Было такое некультурье, домродов не было.* ССД-1), отсутствие условий для проведения досуга (*Сидели, только так некультурно, брёвна каки-то лежали, на их посидим.* ВС), бытовых удобств (*А тут была ста'йка, така' просто... покрыта, жерди да соломой покроют. От и ходили туда [в туалет]. А потом стали делать. Правда, правда, это было. Я-то всё думаю: каки' люди-то были... Правда, это... некультурны [усмехается] ли ка'ли.* ПСДЯЛ).

Подведение к культурности, в представлении диалектоносителей, подразумевает улучшение условий жизни, общественного и домашнего быта (*К камуни'зму нас па культу'рности подво'дят, лян'ястри'чества да'ли.* ПОС; *Капиту'лу не хватат культу'рность заводит'.* СПГ), переход от старого бытового уклада к современному (*Га'шник и'ли куша'к, ня так давно' вы'шли, когда' культу'ра пашла'; Ба'ня была' свая', бы'ли приви'кишы старики', сича'с ста'ла культу'ра свая'.* ПОС; *Некультурный народ, грязные. Сей'час-то к культу'ре идут.* СГДА). Стремление освоить эти новые формы быта отражается и в словосочетаниях с объектно-целевыми отношениями (*заводит' культу'рность, идти к культу'ре*), и в диалектном глаголе *культу'риться*, отмеченном в псковских и печерских говорах. Словарные иллюстрации показывают, что это процесс соотносится сельскими жителями с заменой на современные традиционных предметов утвари и особенно одежды – следовании моде: *Поло'ли полуту'хами, а ны'н'це культ'уриця лю'ди ста'ли, так и повыбра'сывали фсё; а ра'ньше в полуту'хах и короби'цах и держа'ли муку'* (СРГНП); *Она одева'еция, культу'риция. Я уж остаре'ла, не*

культу'рюсь (СРГНП); *Наро'т как культу'рицца стал, пат платё' стал адива'цца; Я гаварю' – Пань, фсё-таки ты культу'ришися, пана'мку но'сиш, а ана' смяёцца; А молодёш топе'рь ужэ' культу'рицца, мо'дицца, хо'дит, вообража'ет, не зна'ю чово' (ПОС). Сближение понятий «культура» и «мода» прослеживается не только в последнем из приведенных примеров с дублетным использованием глаголов культу'риться и мо'диться, но и в высказываниях, где культура/культурность выступает как синоним слова мода, обозначая «господство в определенной общественной среде в определенное время тех или иных вкусов, проявляющихся во внешних формах быта, в особенности в одежде» [25. Т. 2. С. 285] и демонстрируя связи одноименных концептов: *Зипуны долгие и короткие шили, культура така была. Шаровары широкие были, культура така была (СРГНО); Тепе'рь фси наряжо'ны, фси по мо'ды, фси по культу'рнасти (ПОС).**

Ориентация жителей села на совершенствование культуры быта проявляется в позитивной оценке «культурных» артефактов. Оценочные контексты, посвященные домашней утвари, посуде, транспортным средствам, постройкам, одежде, продуктам питания позволяют выявить в составе соотносимых с культурой признаков такие, как «усовершенствование конструкции, удобство пользования» (*А самовар, Катя, был ведёрный – вот такой большу'чий, грели угля'ми <...> И кода угле'й мало там чё, не хватит, так это, у'гли... таки туши'лки были, чугу'нки таки' больши', вот это угребают горя'чи угли, и закрывают сковородой. <...> А туши'лки таки', на трёх но'жскав, желе'зны – тоже, вот таки' вот они были... я всё время... как тушилка покультурней была. Они на но'жскав были, всё дак... Я тушилки покупала, кода' вза'муж вышла. А у наших, не помню, была ли нет ли, помню только, в это, в ско... в чугу'нку большу'.* ПСДЯЛ; *Лине'йка е'та са'мая культу'рная, так и зы'блит на рисо'рах. ПОС), «внешняя привлекательность» (Ла'тка, ча'шка гни'линая [глиняная], никульту'рная така'я, ни палива'ная, чо'рная. ПОС; Я вот рубашку-то хоро'шу, беленьку Вальке купила. А нет ли у тебя каких нето штанишек покультурнее? СГДА; Худое, старое, некультурное, широкое, не по себе [пальто]. СГДА; Спирт весной гонят, но какой-то некультурный, чёрный получатся. СГДА); «изящество формы, небольшой размер» (*Он [магазин] большой, а так покультурней сделали бы, поменьше; Железный ходок, уж он лё-**

гонький такой. Так у него где садятся-то... Культурненький, в общем. ПСДЯЛ; Пра'вдѣ, ани' культу'рненькии до'мики. ПОС). Во многих контекстах прослеживаются связи дихотомии культурный/некультурный с временными параметрами (старый/новый, раньше/сейчас). Прагматические и эстетические оценки нередко переплетаются: (Ве'чна у жэ'нишины е'тай хле'бы раско'латые, никульту'рный хлеп, плахо'й тако'й; Кака'я-то никульту'рна ка'рточка, пло'хо снѣмиш. ПОС). Данные словарных источников, таким образом, отражают аксиологический слой концепта КУЛЬТУРА, в сфере материального соотносимый носителями языка с высоким качеством чего-либо созданного людьми в синтезе его внешних и внутренних проявлений. Низкокачественный, некультурный артефакт, соответственно, оценивается как плохой (ср. два последних примера из приведенных выше).

Та же оценочная оппозиция реализуется и при характеристике натурфактов. Как некультурное и культурное противопоставляется все, что встречается в дикой природе (растения, животные, земля), выращиваемому и возделываемому человеком, который совершенствует их свойства в результате приложенного труда: А яшиш' каляро'фка, ади'н глазо'чик атнима'иш у культу'рной я'блани, и за кару' фставля'иш; Культур'ные я'блаки – три'цать капе'ек; Культур'ные пчо'лы, ани' до'ма жы'ли (ПОС); Мы сюда в первых приехали, а кругом залог, земля некультурная (СРГНО). Один из сортов картофеля с крупными плодами также получает название культурка (Сейчас больше культурку садим. Она крупная. СРГК). Семантика выращивания растений и животных, как отмечают исследователи, является наиболее древней в латинском culture; впоследствии она трансформируется в обобщенное обозначение процессов развития и совершенствования вообще [2], однако первоначальный смысл также сохраняет свою актуальность. Он реализуется и при использовании лексемы культура в терминологизированном значении «сельскохозяйственное растение», в том числе в словосочетаниях зерновые культуры и технические культуры. В среднеобских говорах такое употребление отмечено исключительно в деловых бумагах (Проверка семян всех культур; Отбирал образцы всех культур зерновых, технических и овощных для проверки в контрольную лабораторию; Боронили разные культуры. ВС), в псковских – и в устной речи (В эт'м гаду' у мяня' нявно'га грядт, на адно'й гряд'тки сра'зу

иэсть культу'р – там чо'снак, агурцы', лук, капу'ста, а яшио' свёкла и марко'фь; Дадут на цэ'лый гот зерна', патишыта'ют трудадни', и там рош, пиани'ца, жы'та, фсе эти зернавы'и культу'ры; У нас усавна'я тихни'ческая культу'ра – э'та лён. ПОС). Диалектная единица культу'рник используется для именования «огородника, который сажал и сеял много культур» (ИЭСРГА).

Таким образом, русские областные словари дают возможность реконструкции концепта КУЛЬТУРА в среде диалектоносителей. Словарные материалы не отличаются полнотой, однако думается, что они в целом адекватно отражают общую картину. Лексикографические труды позволяют сделать вывод о своеобразии рассматриваемого концепта. План содержания концепта охватывает сферы духовного и материального, мир человека, вещей и природных явлений. С разными аспектами осмысления культуры носителями местных говоров соотносятся частные смыслы «получение знаний», «образованность», «следование нормам литературного языка», «соблюдение принятых в социуме моральных норм», в том числе обусловленных традициями и религиозными заповедями, «вежливость и сдержанность в общении с окружающими», «соблюдение меры», «улучшение условий жизни», «современные формы бытового уклада», «воздействие на природу для эффективного обеспечения продовольствием» и др. Ядерными средствами плана выражения являются как общерусские, так и диалектные лексемы с корнем *-культур-* (многие из которых составляют антонимические пары), периферийными – вступающие с ними в гипонимические и синонимические отношения единицы *учиться, грамотный, знать, правила, вежливость, мода, модиться*.

Словарные источники показывают, что культура осмысливается как аксиологически значимый для общества и его членов феномен. Яркой особенностью рассматриваемого концепта является его антинимическая организация, реализуемая через систему оппозиций *культура/культуристство/культурность, культурный, культурно – некультура, бескультурье, некультурный/некуртурный, некультурно*. Она воплощается на уровне смыслов с диаметрально противоположной коннотацией «позитивное – негативное». Позитивная оценка всего *культурного* связана с принятием цивилизационных перемен, улучшающих условия жизни человека. Носители местных говоров стремятся к освоению культурных новаций, осознавая необходи-

мость *подводить* или *подходить* к культуре, *заводить* ее, *культурироваться*. Поскольку эти новации соотносятся в первую очередь с образованием и городским социумом, традиционная культура оценивается неоднозначно: наряду с негативным восприятием диалектной речи как некультурной встречается одобрение норм морали, поддерживаемых в прошлом религиозными верованиями, следования ритуалам сельского сообщества. Своеобразие содержательного наполнения концепта в народно-речевой среде связано не только с ориентацией крестьянской культуры на городскую в качестве образца, вниманием к культуре земледелия и животноводства, но и с лакунами в области обозначения форм и продуктов интеллектуальной, прежде всего художественной, деятельности (литература, живопись, музыка, театр, кино и т.д.).

Дихотомическое воплощение концепта в языке поддерживается рядом других противопоставлений на временной и социальной шкалах (культурное утверждается *сейчас, теперь, теперича, нынче* – некультурное соотносится с прошлым, тем, что *было раньше*; в качестве носителей культуры позиционируются образованные горожане и молодежь, типична самооценка пожилых диалектоносителей как *некультурных*).

Многоплановость смыслов концепта КУЛЬТУРА, отраженных в областных словарях, наличие как общерусских, так и собственно диалектных средств выражения концепта, многозначность некоторых из них, функционирование таких единиц в различных жанрах и формах речи диалектоносителей (монолог и диалог, устная бытовая речь, фольклор, деловые бумаги, спонтанные тексты и метатексты, воспоминание, рассказ) свидетельствуют о его первичной освоенности в народно-речевой среде. Можно говорить также о взаимодействии КУЛЬТУРЫ с такими составляющими диалектной концептосферы, как ЧЕЛОВЕК, ВРЕМЯ, ГОРОД, РЕЧЬ, ДОМ, ЗЕМЛЯ, МОДА, РЕЛИГИЯ и др. Своеобразие рассматриваемого концепта определяется высокой степенью абстрактности понятия «культура», порождающего множество более конкретных, частных смыслов, охватывающих отдельные стороны этого феномена, низкой частотностью репрезентантов концепта, доминированием антонимических связей между ними при слабой развитости других видов системных отношений, а также отсутствием фразеологических, метафорических номинаций и паремий. Последнее обстоятельство порождает осо-

бенности структуры концепта КУЛЬТУРА, в котором при наличии понятийного и ценностного слоев практически отсутствуют образный и символический слои.

Литература

1. Гынгазова Л.Г. Миромоделирование в языке диалектной личности // Европейские исследования в Сибири. – Вып. 4. – Томск, 2004. – С. 293–303.
2. Ионин Л.Г. История слова культура // Ионин Л.Г. Социология культуры. – М., 1998. – С. 9–12.
3. Национальный корпус русского языка. <http://search1.ruscorpora.ru/search> (дата обращения: 01.12.2015).
4. Национальный корпус русского языка. Статистика корпуса. <http://www.ruscorpora.ru/corpora-stat.htm> (дата обращения: 01.12.2015).
5. Беликов В.И. Чего не хватает в «оцифрованном мире» лексикографу и социолингвисту. <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/ru/pdf/8.pdf> (дата обращения: 01.12.2015).
6. Кысылбаикова М.И. Концепт «Культура» в языковой картине мира предстателей английского и якутского культурных сообществ // Вестн. Северо-Восточного федерального ун-та им. М.К. Аммосова. – 2007. – Вып. 4, т. 4. – С. 101–103.
7. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. – Ann Arbor, 1985. – 368 p.
8. Гынгазова Л.Г. Картина мира языковой личности диалектоносителя: наивная религия // Язык и общество в синхронии и диахронии. – Саратов, 2005. – С. 158–165.
9. Гынгазова Л.Г. О концепте «Воля» в индивидуальном сознании носителя традиционной речевой культуры // Актуальные проблемы русистики. Языковые аспекты регионального существования человека. – Томск, 2006. – С. 220–230.
10. Гынгазова Л.Г. Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте. – Томск, 2007. – С. 78–109.
11. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / под ред. В.В. Палагиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964. – Т. 1. – 143 с.
12. Словарь русских народных говоров (СРНГ). – М.; Л., (СПб.): Наука, 1965–2013. – Вып. 1–46 (изд. продолжается).
13. Словарь пермских говоров (СПГ) / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. – Пермь: Кн. мир, 2000–2002. – Вып. 1–2.
14. Словарь русских говоров низовой Печоры (СРГНП) / ред. Л.А. Ивашко. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003–2005. – Т. 1–2.
15. Словарь русских говоров Новосибирской области (СРГНО) / под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 1979. – 605 с.
16. Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая (ИЭСРГА) / под ред. Л.И. Шелеповой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007–2013. – Вып. 1–7 (изд. продолжается).
17. Словарь русских говоров Сибири (СРГС) / сост. Т.Н. Бухарева, А.И. Федоров; под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 2001. – Т. 2.

18. *Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края* (СРГК). – Красноярск, 2003–2010. – Т. 1–5.
19. *Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: Дополнение (ССД-1)* / ред. О.И. Блинова, В.В. Палагина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. – Ч. 1–2.
20. *Среднеобский словарь: Дополнение (ССД-2)* / ред. В.В. Палагина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983–1986. – Ч. 1–2.
21. *Псковский областной словарь с историческими данными (ПОС)*. – Л.: Изд-во ЛГУ (СПбГУ), 1967–2013. – Вып. 1–24.
22. *Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области* (Акчимский словарь) (СГДА). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1991–2011. – Вып. 1–6.
23. *Вершининский словарь (ВС)* / гл. ред. О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. – Т. 1–7.
24. *Полный словарь диалектной языковой личности (ПСДЯЛ)* / под ред. Е.В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. – Т. 1–4.
25. *Словарь русского языка*. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981–1984. – Т. 1–4.

THE CONCEPT “CULTURE” IN DICTIONARIES OF RUSSIAN FOLK DIALECTS

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography. 2016. 1 (9). 5–21.

DOI: 10.17223/22274200/9/1

Ivantsova Yekaterina V., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: ekivancova@yandex.ru

Keywords: concept, culture, dictionaries, Russian folk dialects.

The article discusses the concept of culture as a component of the Russian dialect concept sphere. Unlike most of the described concepts that can be considered native, the concept under study is a late formation that came to dialects from the literary concept sphere, and originally converts in the folk speech environment. Regional dictionaries can be the main source of the culture concept reconstruction, in the absence of data of dialect corpora and associative experiments with dialect speakers.

The concept “culture” in the ordinary consciousness of local dialect speakers is represented through the understanding of all sides of human existence in the spheres of the material and the spiritual, the social and the natural.

The spiritual aspects of this phenomenon include the components “acquisition of knowledge”, “education”, “adherence to norms of the codified language”, “adherence to norms of behavior accepted in the society”, “observance of measures”, “politeness”, “self-restraint in the manifestation of negative emotions”. At the same time there are no contexts in which culture is related to art and literature.

The material side of culture is related to the improvement of living conditions, social and family life, the transition from the old to the modern structure of everyday life, to following fashion. The cultural attributes of artifacts include “design improvement”, “ease of use”, “external appeal”, “elegance of form, small size”. Among natural facts everything that is found in the wild is opposed to what is grown and cultivated by man as uncultured and cultural.

Nuclear means of expression are words with the root -cultur- (many of them are antonymous pairs), peripheral ones are words that enter hyponymy and synonymy relations with the former.

A special feature of the concept under consideration is its antinomic organization implemented through the system of oppositions with a diametrically opposite evaluation of manifestations of culture and of lack of it. The dichotomous verbalization of the concept is supported by a number of other oppositions on temporal and social scales: the cultural refers to the present, to educated citizens and young people, the uncultured to the past and to the elderly dialect speakers.

The diversity of the culture concept meanings reflected in regional dictionaries, the presence of the all-Russian dialect means of expressing the concept, the function of such words in a variety of genres and forms of speech indicate its primary development in the folk speech environment. There is interaction between culture and other components of the dialect concept sphere: MAN, TIME, CITY, SPEECH, HOUSE, LAND, FASHION, RELIGION, etc. The distinctive features of the considered concept are determined by the high degree of abstraction of the concept “culture” that generates a lot of more specific meanings, by the low frequency of the concept representatives, by the domination of antonymous relations between them, by the lack of idioms, metaphorical nominations and proverbs. The latter fact is the cause of the particular structure of the concept that includes the conceptual and axiological layers and almost lacks figurative and symbolic ones.

References

1. Gyngazova, L.G. (2004) [World modeling in the language of a dialect personality]. *Evropeyskie issledovaniya v Sibiri* [European research in Siberia]. Proceedings of the conference. Is. 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 293–303. (In Russian).
2. Ionin, L.G. (1998) *Istoriya slova kul'tura* [The history of the word “culture”]. In: Ionin, L.G. *Sotsiologiya kul'tury* [Sociology of Culture]. Moscow: Logos.
3. The Russian National Corpus. [Online]. Available from: [http:// search1. ruscorpora.ru/search](http://search1.ruscorpora.ru/search). (Accessed: 01 December 2015). (In Russian).
4. The Russian National Corpus. The Corpus Statistics. [Online]. Available from: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-stat.html>. (Accessed: 01 December 2015). (In Russian).
5. Belikov, V.I. (2011) *Chego ne khvataet v "otsifrovannom mire" leksikografu i sotsiolingvistu* [What lexicographers and sociolinguists lack in the “digitized world”]. [Online]. Available from: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/ru/pdf/8.pdf>. (Accessed: 01 December 2015).
6. Kysylbaikova, M.I. (2007) Kontsept “Kul'tura” v yazykovoy kartine mira predstaviteley angliyskogo i yakutskogo kul'turnykh soobshchestv [The concept “culture” in the linguistic picture of the world of representatives of the English and the Yakut cultural communities]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova – Herald of North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov*. 4:4. pp. 101–103.
7. Wierzbicka, A. (1985) *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor.
8. Gyngazova, L.G. (2005) [Picture of the world of the language personality of a dialect speaker: naive religion]. *Yazyk i obshchestvo v sinkhronii i diakhronii* [Language and society in synchrony and diachrony]. Proceedings of the conference. Saratov: Nauchnaya kniga. pp. 158–165. (In Russian).
9. Gyngazova, L.G. (2006) [On the concept “will” in the individual consciousness of the traditional speech culture]. *Aktual'nye problemy rusistiki. Yazykovye aspekty regional'nogo sushchestvovaniya cheloveka* [Topical problems of Russian philology. Language aspects of regional human existence]. Proceedings of the conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 220–230. (In Russian).

10. Gyngazova, L.G. (2007) Fizicheskoe i dukhovnoe prostranstvo v diskurse nosite-lya traditsionnoy kul'tury [The physical and spiritual space in the discourse of a traditional culture representative]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennyye modeli v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: spatial patterns in language and text]. Tomsk: UFO-PLUS.
11. Palagina, V.V. (ed.) (1964) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi* [Dictionary of Russian old-timer dialects of the middle part of the Ob river basin]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
12. V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sci-ences. (1965–2013) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vols 1–46. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka.
13. Borisova, A.N. & Prokosheva, K.N. (eds) (2000–2002) *Slovar' permskikh govorov* [Dictionary of Perm dialects]. Vols 1–2. Perm: Knizhnyy mir.
14. Ivashko, L.A. (ed.) (2003–2005) *Slovar' russkikh govorov nizovoy Pechory* [Dictionary of Russian folk dialects of the low Pechora]. Vols 1–2. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
15. Fedorov, A.I. (ed.) (1979) *Slovar' russkikh govorov Novosibirskoy oblasti* [Dictionary of Russian dialects of Novosibirsk Oblast]. Novosibirsk: Nauka.
16. Shelepova, L.I. (ed.) (2007–2013) *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkikh govorov Altaya* [Historical and etymological dictionary of Russian dialects of Altai]. Vols 1–7. Barnaul: Altai State University.
17. Fedorov, A.I. (ed.) (2001) *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [Dictionary of Russian dialects of Siberia]. Vol. 2. Novosibirsk: Nauka.
18. Vasil'eva, S.P. (ed.) (2003–2010) *Slovar' russkikh govorov tsentral'nykh rayonov Krasnoyarskogo kraia* [Dictionary of Russian dialects of the central districts of Krasnoyarsk Krai]. Vols 1–5. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
19. Blinova, O.I. & Palagina, V.V. (eds) (1964) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi. Dopolnenie* [Dictionary of Russian old-timer dialects of the middle part of the Ob river basin. Supplement]. Vols 1–2. Tomsk: Tomsk State University.
20. Palagina, V.V. (ed.) (1983–1986) *Sredneobskiy slovar': Dopolnenie* [The Middle Ob Dictionary: Supplement]. Vols 1–2. Tomsk: Tomsk State University.
21. Bashmakova, A.P. et al. (eds) (1967–2013) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Oblast dictionary with historical data]. Vols 1–24. Leningrad; St. Petersburg: Leningrad State University; St. Petersburg State University.
22. (1991–2011) *Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo rayona Permskoy oblasti* [The Dictionary of the dialect of v. Akchim of Krasnovishersky district of Perm Oblast]. Vols 1–6. Perm: Perm State University.
23. Blinova, O.I. (ed.) (1998–2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky Dictionary]. Vols 1–7. Tomsk: Tomsk State University.
24. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006–2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete Dictionary of the Dialect Language Personality]. Vols 1–4. Tomsk: Tomsk State University.
25. Ozhegov, S.I. (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vols 1–4. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.

Н.Д. Игнатьева

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКО-ЧЕШСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

В статье представлен краткий обзор лексикографических работ первой половины XX в., отразивших проблему омонимии у близкородственных славянских языков. Приводится также анализ «Русско-чешского словаря омонимов» Й. Влчека и электронного словаря чешско-русской интерференции Карлова университета. Анализируется русско-чешская интерференция в области омонимии. Особое внимание уделено особенностям омонимии у близкородственных языков.

Ключевые слова: двуязычная лексикография, русско-чешская интерференция, омонимия, словари омонимов, заимствования, ошибки.

Статья посвящена отражению русско-чешской интерференции в области омонимии в двуязычной лексикографии. Представляло интерес выяснить, является ли количество ошибок, вызванных интерференцией, ограниченным и появляются ли вслед за новой лексикой и новые примеры интерференции в области омонимии. Для ответа на этот вопрос был проведен анализ Русско-чешского словаря омонимов Й. Влчека [1] и электронного словаря чешско-русской интерференции Карлова университета [2].

Явление русско-чешской омонимии подробно исследовал чешский лингвист Йозеф Влчек в 60-е гг. XX в. в своем труде «Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie» [1]. Работа состоит прежде всего из словаря русско-чешских омонимов, а также исследования, посвященного проблеме включения части лексики близкородственных языков, между которыми присутствует семантическая связь, в межъязыковые омонимы. Автор также разбирает причины межъязыковой омонимии и паронимии.

Во введении к словарю русско-чешских омонимов и паронимов Йозеф Влчек разделяет всю лексику русского и чешского языков на 5 групп:

- 1) слова, отличные в звуковом плане и не имеющие эквивалентов в другом языке (*пельмени, шашлык, борщ; knedlík, špekáčky*);
- 2) слова, отличные в звуковом плане, но близкие по значению (*каникулы – prázdniny*);

3) слова одинаковые или подобные как в звуковом плане, так и в плане содержания (*школа- škola*);

4) слова одинаковые или подобные как в звуковом плане, так и в плане содержания, но отличные стилистически (*здравый-zdravý, война-vojna*);

5) слова, схожие по своей звуковой структуре, но отличающиеся по значению (запоминать (*pamatovat si*) – *zapomínat* /забывать/)

Пятая группа слов, русско-чешская омонимия, и стала главным объектом лексикографического исследования Й. Влчека. Словарь включает не только лексику повседневной коммуникации и современного литературного языка, но и устаревшие единицы, историзмы, экспрессивные слова.

В России в начале XX в. вышли дифференциальные словари славянских языков: словацкого, сербского и болгарского Л.А. Мичатка [3, 4, 5]. Однако составитель при включении слов-омонимов руководствовался не только семантическими критериями, но и морфологическими, фонетическими. С таким более широким подходом его словарь больше походил на переводной [6. С. 142–143]. В Чехии подобный дифференциальный словарь составил Josef Fuhrich [7] в первой половине XX в. Словарь состоит из 9 разделов. Первые 4 включают существительные, которые одинаковы по значению в чешском и польском, но различаются правописанием, произношением либо грамматическим родом. Следующие два раздела посвящены существительным, глаголам, прилагательным, которые при полной или близкой схожести по звучанию имеют различное значение. В последних двух разделах приводятся безэквивалентные примеры в чешском и польском языках.

Однако стоит отметить, что сейчас термин «дифференциальный словарь» стал шире и включает в себя, по сути, переводной словарь [8. С. 39].

Следует упомянуть и карманный чешско-русский словарь Ржиги-Кульчицкого [9]. Авторы включили в него раздел «Слова», где привели список слов, сходных по звучанию или написанию, но разных по значению в русском и чешском языках.

Особенности чешских и русских лексических соответствий нашли свое отражение также в небольшом электронном словаре чешско-русской интерференции [2], который был создан при грантовой поддержке философского факультета Карлова университета в 2011 г.

Его основными задачами стали отражение явления чешско-русской интерференции, а также помощь русским студентам, изучающим чешский, и чехам, занимающимся русским языком. В команду по разработке словаря вошли Карл Шебеста, Дагмар Тоуфарова, Михаил Кипчатов, Валерия Иванова и др.

Словарь устроен следующим образом: чешские слова идут в алфавитном порядке, приводятся русские соответствия, затем указываются тип интерференции и словарная статья, в которой даются определения чешского и русского слова и грамматические особенности. Несомненной заслугой данного пособия является определение вида интерференции. Авторы выделяют следующие ее типы: ложные друзья переводчика (*falešní přátelé*): *čichat* (1. обонять 2. нюхать) – *чихать*, *zarazit* (1. забить, вбить 2. прервать 3. поразить 4. ошеломить) – *заразить*; дополнительное значение (*doplňková sémantika*): *blesk* (1. молния 2. яркий свет, сияние) – *блеск*, *bystrý* (1. быстрый 2. находчивый, сообразительный) – *быстрый*; валентность (*valence slovesná, předložková*): *dbát na* + *Acc* – *следить за* + *твор. надеж*, *chránit se před* + *Instr.* – *беречься* + *род.надеж*; родовое различие (*rodový rozdíl*): *chřipka* (*ж. р.*) – *грипп (м. р.)*, *riziko* (*ср. р.*) – *риск (м. р.)*; стилистические особенности (*stylistické rozdíly*): *studený* (*холодный*) – *студёный (прост. и обл.)*, *lékář* (*врач*) – *лекарь (устар.)*; возвратность (*verbální reflexivita*): *vyhnout se / vyhubat se* – *избежать / избежать*, *zabloudit* – *заблудиться*; различия в грамматическом числе (*rozdíl v gramatickém čísle*): *inkoust* (*ед. ч.*) – *чернила (мн. ч.)*, *šaty* (*мн. ч.*) – *платье (ед. ч.)*.

Можно было бы сопоставить русско-чешский словарь омонимов Й. Влчека и небольшой электронный словарь чешско-русской интерференции Карлова университета. Несомненно, будет неправомерно сравнивать структуру данных словарей, количество статей в них. Словарь Карлова университета задумывался лишь как вспомогательное учебное пособие и по объему значительно уступает словарю Й. Влчека. Цели у данных работ тоже различны: Й. Влчек хотел прежде всего показать многообразие явления русско-чешской омонимии, а исследователи Карлова университета сосредоточились на проблеме интерференции вообще, поэтому включили в свое исследование помимо омонимов и другие явления.

Однако можно и сейчас сделать некоторые предварительные выводы. Эти две работы дают возможность увидеть, как изменилась

лексика за более чем сорок лет, которые их разделяют. Некоторые омонимы в новом словарном проекте Карлова университета (*baletka*, *žiletka*, *hluk*) отсутствуют у Й. Влчека.

Есть также примеры, где значение не полностью совпадает в обоих словарях:

Словарь омонимов Й. Влчека:

давка – *dávka*: 1) доза, порция
2) очередь
из пулемета

Электронный словарь Карлова университета:

давка – *dávka*: 1) доза, порция
2) налог

А есть случаи и полного расхождения в значениях:

прах – *prach*: 1) порошок
2) пыль

кура – *kúra*: кора

прах – *prachy*: (экспр.) деньги

кура – *kúra*: курс лечения

В словаре Й. Влчека не представлены такие слова, например, как *služba*, *propiska*, *uhodit*, которые сейчас стали достаточно употребительны и были включены в словарный проект Карлова университета:

служба – *služba*: 1) служба
2) сервис, услуги
3) дежурство

прописка – *propiska*: письменная
принадлежность

угодить – *uhodit*: ударить,
стукнуть

Анализ работ чешских студентов, изучающих русский, показывает, что количество новых примеров ошибок, вызванных интерференцией, растет. Появляются примеры, которые не были отражены в обоих словарях. Вот один из них: *спорт помогает оставаться в хорошей кондиции* – вместо *спорт помогает оставаться в хорошей форме*.

Подобного рода ошибки могут встретиться и у слов, происходящих от одного многозначного слова (*rokojní* /спокойный, мирный/ –

покойный), и у единиц со случайным звуковым сходством (*hráč* (игрок) – *грач*), а также и в заимствованиях, которые приобрели в русском и чешском различные значения или оттенки значений (*termín* /срок/ – *термин*, *sympatický* /милый, приятный/ – *симпатичный*, *intelligentní* /умный/ – *интеллигентный*).

В данной статье на примере русского и чешского языков мы попытались показать, как квалифицируется межъязыковая интерференция в двуязычных словарях и как словари помогают ее предупредить. С помощью анализа «Русско-чешского словаря омонимов» Й. Влчека и электронного словаря чешско-русской интерференции, было выяснено, что количество ошибок, вызванных интерференцией, нельзя считать ограниченным и постоянно появляются все новые примеры интерференции в области омонимии.

Литература

1. Vlček J. Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie. – Praha: Svět sovětů, 1966. – 232 s.
2. Česko-ruské interference. <http://interference.ajoda.eu/o-projektu> (дата обращения: 20.12.2015).
3. Мичатек Л.А. Дифференциальный словенско (словацко-)русский словарь. Turc. Sv. Martin, 1900. – 459 с.
4. Мичатек Л.А. Дифференциальный сербско-русский словарь. – СПб., 1903. – 798 с.
5. Мичатек Л.А. Дифференциальный болгарско-русский словарь. – СПб.: Славянское Благотворительное Общество, 1910. – 778 с.
6. Булаховский Л.А. Введение в языкознание. – Ч. 2. – М.: Учпедгиз, 1953. – 177 с.
7. Fuhrich J. Diferenční slovník polsko-český. Pro praktickou potřebu. – Praha: Nákladem vlastním, 1925. – 183 s.
8. Vlček J. Česko-ruská homonymie a paronymie // Interference v ruském lexiku, Jaromira Zimová a kol. – Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1967. – S. 38–63.
9. Ржигза И., Кульчицкий А. Карманный словарь чешско-русский. – Прага, 1924. – 512 с.

LEXICOGRAPHIC PROBLEMS OF RUSSIAN-CZECH INTERFERENCE

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography. 2016. 1 (9). 22–28.

DOI: 10.17223/22274200/9/2

Ignateva Natalya D., Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: nataliagasheva@yandex.ru

Keywords: bilingual lexicography, Russian-Czech interference, homonymy, dictionaries of homonyms, borrowings, errors.

The article is devoted to the image of Russian-Czech interference in homonyms in bilingual lexicography. It was interesting to find out whether the number of errors caused by interference is limited, and whether new examples of interference in homonyms appear with the new vocabulary? To answer these questions, the author has made a brief overview of the lexicographic works of the first half of the 20th century that reflect the problem of homonymy in closely related Slavic languages, and analyzed two dictionaries: 1) the *Russian-Czech Dictionary of Homonyms* by J. Vlček that includes the vocabulary of everyday communication and modern literary language, as well as outdated words, historicisms, expressive words, and 2) the *Electronic Dictionary of Czech-Russian Interference* by Charles University in Prague, each entry of it indicates the kind of interference of a Czech-Russian match.

It would be inappropriate to compare the structure of these two dictionaries, the number of articles in them, because the Charles University project was conceived only as an auxiliary textbook, and its volume is considerably inferior to J. Vlček's dictionary. The aims of these works are also different: J. Vlček first of all wanted to show the diversity of the phenomenon of Russian-Czech homonyms, while Charles University researchers focused on the problem of interference in general. That is why their research involved other phenomena in addition to homonyms.

However, these two works provide an opportunity to see how the vocabulary has changed for more than forty years that separate them. Some homonyms in the new dictionary of Charles University (*baleška, žiletka, hluk*) are not recorded in J. Vlček's one. There are also examples where the meaning is not exactly the same in both dictionaries, there are also cases of complete divergence.

J. Vlček's dictionary does not have such words as *služba, propiska, uhodit*, which have now become quite common, and were included in the dictionary project of Charles University. The analysis of works of Czech students studying Russian shows that the number of new examples of errors caused by interference is increasing. There are examples that have not been reflected in either of the dictionaries.

In this article on the example of the Russian and Czech languages, the author has tried to show how interlingual interference is qualified in bilingual dictionaries, and how dictionaries help to prevent it. By analyzing the *Russian-Czech Dictionary of Homonyms* by J. Vlček and the *Electronic Dictionary of Czech-Russian Interference*, it was found that the number of errors caused by interference cannot be considered as limited and new examples of interference in homonyms in closely related languages constantly appear.

References

1. Vlček, J. (1966) *Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie* [Pitfalls of Russian vocabulary. Dictionary of Russian-Czech homonymy and paronymy]. Prague: Svět sovětů.
2. Interference.ajoda.eu. (2010) *Česko-ruské interference* [Czech-Russian interference]. [Online]. Available from: <http://interference.ajoda.eu/o-projektu>. (Accessed: 20 December 2015).
3. Michatek, L.A. (1900) *Differentsial'nyy slovensko (slovatsko)-russkiy slovar'* [Differential Slovenian (Slovak)-Russian Dictionary]. Turc. Sv. Martin.
4. Michatek, L.A. (1903) *Differentsial'nyy serbsko-russkiy slovar'* [Differential Serbian-Russian dictionary]. St. Petersburg: Tipografiya V.D. Smirnova.

5. Michatek, L.A. (1910) *Differentsial'nyy bolgarsko-russkiy slovar'* [Differential Bulgarian-Russian dictionary]. St. Petersburg: Slavyanskoe Blagotvoritel'noe Obshchestvo.
6. Bulakhovskiy, L.A. (1953) *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to Linguistics]. Pt. II. Moscow: Uchpedgiz.
7. Fuhrich, J. (1925) *Diferenční slovník polsko-český. Pro praktickou potřebu* [Differential Polish-Czech dictionary. For practical use]. Prague: Nákladem vlastním.
8. Vlček, J. (1967) Česko-ruská homonymie a paronymie [Czech-Russian homonyms and paronyms]. In: Zimová, J. et al. *Interference v ruském lexiku* [Interference in the Russian lexicon]. Prague: Státní pedagogické nakladatelství.
9. Rzhiga, I. & Kul'chitskiy, A. (1924) *Karmannyi slovar' cheshsko-russkiy* [Czech-Russian Pocket Dictionary]. Prague.

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

УДК 81'27

DOI: 10.17223/22274200/9/3

З.И. Резанова, Г.Ю. Веснина

ПОДКОРПУС РУССКОЙ РЕЧИ БИЛИНГВОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОРПУСА «ТОМСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТЕКСТ»: ПРИНЦИПЫ РАЗМЕТКИ И МЕТАРАЗМЕТКИ КОРПУСА¹

В статье представлено описание подкорпуса речи русскоязычных билингвов лингвистического корпуса «Томский региональный текст»: характеризуются особенности материала (тип двуязычия), предопределяющие необходимость коррекции разметки и метаразметки подкорпуса по отношению к основному корпусу. Цель создания подкорпуса речи билингвов – выявление грамматической и семантической интерференции первого языка (L1) в рамках второго (русского – в данном случае) языка (L2). Для этого в разметку корпуса вводятся специальные теги, которые маркируют факты интерференции.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, лингвистический корпус, лингвистическая разметка, региональная лингвистика, билингвизм, языковая интерференция, русский язык.

Данная статья является продолжением серии публикаций, посвящённых Томскому региональному корпусу текстов, разрабатываемому в Лаборатории когнитивных исследований языка филологического факультета Томского государственного университета. Ранее были описаны ключевые параметры построения корпуса: принцип региональности [1], сбалансированность и репрезентативность [2, 3]. В рамках настоящей публикации обсуждаем проблемы разметки и метаразметки подкорпуса русской речи билингвов.

Цель проекта по созданию корпуса «Томский региональный текст» – представить структуру общения на региональном варианте русского языка, характерном для Томска и Томской области. Корпус стремится к отображению полидискурсивности и к пропорциональному представлению языковой ситуации в регионе. Поскольку в настоящее время территорию Томской области

¹ Публикация подготовлена в рамках проектов РГНФ №14-14-70010 и РФФИ № 14-36-50404.

населяют представители более 120 национальностей (русские – 92,1%, татары – 1,7%, украинцы – 1,1%, немцы – 0,9%, чувашаи – 0,4%, узбеки – 0,4%, азербайджанцы – 0,4%, белорусы – 0,3% и др.) и функционирует более 40 национально-культурных объединений, включая 6 региональных и 15 местных национально-культурных автономий¹, невозможно не учесть би- и полилингвизм как компонент языковой ситуации региона. Таким образом, появление подкорпуса обусловлено стремлением отразить языковое своеобразие Томской области.

Подкорпус речи билингвов наследует некоторые черты учебных корпусов (*learner corpora*), эритажных корпусов (*heritage language corpora*) и корпусов ошибок (*error corpora*). Среди известных работ в этом направлении, на которые мы ориентировались, можно назвать корпус русского как иностранного и русского как эритажного языка RLC [7], международный корпус английского языка как иностранного ICLE [8], корпус немецкого языка Falko [9] и работы S. Granger [10, 11].

Специфика проектируемого нами подкорпуса считают в том, что в нём будет представлена речь людей, для которых русский язык не является первым, но уровень его освоения стремится к уровню владения первым языком. Кроме того, это не коллекция текстов, созданных в результате учебных заданий, а свободные беседы на определённые темы (работа, семья, язык).

1. Параметры метаразметки

Цель создания подкорпуса речи билингвов – формирование лингвистически размеченного собрания текстов, отражающих специфику русского языка в условиях его существования в билингвальных ситуациях, а также ряд социокультурных характеристик билингвов, потенциально способных повлиять на способы функционирования языка. Специфика русской речи билингвов находит отражение в фиксации в системе *разметки* подкорпуса фактов языковой интерференции, которая проявляется в ошибках использования языковых единиц разного типа. В *метаразметке* корпуса фиксируется информация об этно- и

¹ В исследовании в данном аспекте мы опирались на данные источников: Национальные объединения. Администрация Томской области, Официальный сайт Томского отделения «Росстата» [4, 5], см. также [6].

социокультурных характеристиках билингвов – типе второго языка, степени овладения им, а также ряде социальных характеристик (см. далее). Соотнесение параметров разметки и метаразметки дает возможность пользователю подкорпуса делать целенаправленные выборки текстов, позволяющих соотнести тип языковой интерференции и социокультурные характеристики билингва.

Своеобразие билингвальных ситуаций заключается в языке контактирования, который обуславливает влияние как на структуру русского языка, так и на речевую реализацию этого влияния. Поэтому нас интересует тип языка, который является контактирующим в каждой конкретной ситуации. Как следствие, в метаразметке подкорпуса появляется два особых параметра, а именно: этническая принадлежность говорящего и языка, которыми он владеет. Так как этническая принадлежность определяется человеком в силу самосознания и отнесения себя к какому-либо этносу, значение этого параметра для каждого текста определяется: а) в аудиозаписях – прямым опросом информантов; б) в архивных документах и виртуальных текстах – исходя из анализа косвенных текстовых данных.

В исследованиях, посвящённых изучению параметров билингвизма, часто встаёт вопрос обозначения языковой пары. Существуют следующие пары терминов: родной – неродной (иностранн^{ый}), первый – второй. Поскольку при попытке определить родной язык мы сталкиваемся с целым набором критериев, такими как первоочерёдность усвоения языка, принадлежность к определённому этносу, язык окружающего общества, уровень владения языком [12], из которых лишь первоочерёдность является неоспоримой, нам представляется разумным придерживаться пары терминов первый и второй языки, обозначив их, как это принято при исследовании билингвизма, соответственно L1 и L2. При этом язык исследуемого этноса может занимать любую из этих позиций.

Аналогично данным об этнической принадлежности информанта данные о L1 и L2 информантов выявляются для устных текстов методом прямого опроса, в отношении архивных документов – предположительно исходя из анализа косвенных текстовых данных. При этом по аналогии со снятой и неснятой омонимией пользователь корпуса получает возможность работать как с текстами, где точно

определены языковые пары, так и с текстами с неснятой неопределённостью.

При изучении процессов овладения L2 важны социальная среда, тип овладения языком – бытовой, естественный, в ходе контактов с носителями или же учебный, системный, способ овладения языком. Значимым является не только путь, но и степень овладения языком. Согласно выработанным Советом Европы общеевропейским компетенциям выделяют три широких уровня владения языком: А (элементарное владение), В (самостоятельное владение) и С (свободное владение) – и два подуровня в каждом из них – А1 (уровень выживания), А2 (предпороговый уровень), В1 (пороговый уровень), В2 (пороговый продвинутый уровень) С1 (уровень профессионального изучения), С2 (уровень владения в совершенстве) [13]. Уровень владения языком, несомненно, влияет на степень интерференции, однако на данном этапе, без проведения специализированных тестов, мы можем оценить уровень владения тем или иным языком для каждого информанта лишь относительно. Согласно Вайнрайху этот относительный уровень владения можно определить, установив, какой язык является доминирующим вследствие того, что одним из языков билингв владеет лучше [14].

По сравнению с метаразметкой, приводимой для корпуса ICLE [8], мы не включаем в рассмотрение языковую технику автора текста и условия обучения, однако оставляем прочие параметры. Метаразметка подкорпуса билингвов включает: данные о месте и времени записи текста, Ф.И.О. собирателя, данные об информанте (Ф.И.О., пол, год рождения, образование, социальное положение, национальность, используемые языки L1, L2 и относительный уровень владения ими), данные о тексте (форма, тип, дискурс, субжанр, жанр, тема) (табл. 1).

По сравнению с параметрами описания L1 и L2, приведёнными в корпусе немецкого языка Берлинского университета им. Гумбольдта Falko, мы не указываем время освоения L2 и языковое окружение, поскольку при рассмотрении письменных текстов начала XX в. эти данные точно установить невозможно.

Таблица 1. Пример метаразметки в подкорпусе

Информация о месте записи текста	Томск
Информация о времени записи текста	Ноябрь 2014
Собиратель	NNN
Информант	
• ФИО	NNN
• Пол	мужской
• Год рождения	1935
• Образование	среднее специальное
• Социальное положение	пенсионер
• Этническая принадлежность	татарин
• L1	татарский
• Уровень владения	доминирующий
• L2	русский
• Уровень владения	второстепенный
Форма текста	устный
Тип текста	диалог
Дискурс	личностный
Группа субжанров	информативные
Жанр	беседа
Тема	Семья (приезд внука)

2. Параметры разметки

Специфика разметки подкорпуса русской речи билингвов состоит в фиксации фактов языковой интерференции при помещении текстов в подкорпус. Так как интерференция охватывает все уровни языка – фонетический, морфологический, семантический, синтаксический, и размечаться она должна на каждом из этих уровней. Однако поскольку среди задач создания данного подкорпуса и корпуса в целом не значилась фиксация фонетических признаков, отображается только морфологическая, семантическая и синтаксическая интерференция.

При разработке параметров разметки мы принимали во внимание те параметры, которые выделяются создателями корпусов ошибок и параллельных корпусов переводных текстов [15, 16]. Опираясь на классификации ошибок, представленные в работах S. Granger [17], мы вводим категории, представленные в табл. 2.

В отличие от решений, предлагаемых S. Granger, пунктуационные ошибки и опечатки или описки в подкорпусе русской речи билингвов не размечаются, поскольку при транскрипции устных текстов данные параметры не являются релевантными.

Таблица 2. Типология ошибок и тэги разметки

Интерференционные ошибки по уровням языка		Интерференционные ошибки в конкретных категориях и процессах	
#ДЕР#	Деривационные ошибки	#ПРЕ# #СУФ#	Префиксация Суффиксация
#ГР#	Грамматические ошибки	#РОД# #ЧИС# #ПАД# #НКЛ# #ВИД# #ВИД# #ЗЛГ# #РЕФ#	Род Число Падеж Наклонение Вид Время Залог Рефлексивность
#ЛЕКС#	Лексические ошибки	#ЗНЧ# #СОЧ# #L1# #L2# #L1+L2#	Неверное значение Неверная лексическая сочетаемость Калькирование из первого языка Калькирование из второго языка Модифицированное заимствование, имеющее компоненты первого и второго языка
#СИН#	Синтаксические ошибки	#ПОР#	Неверный порядок слов

В морфологической разметке в подкорпусе, как и в основном корпусе, фиксируются следующие параметры: морфологические категории, лексико-грамматические категории. К этому мы добавляем фиксирование отклоняющихся грамматических категорий.

(1) кое-какое #ГР# #РОД# подвижка

(2) больше пять #ГР# #ПАД# лет

(3) Вот он у меня проучил #ГР# #РЕФ# там сентябрь, октябрь

На лексическом уровне в основном корпусе предусматривается только распределение слов по лексико-семантическим группам. В подкорпусе маркируем заимствования из L1 или L2. Следовательно, вводится помета заимствованных слов: #L1#, #L2#:

(4) Конечно / кызым #L1# / сейчас сложнее//

Кроме того, при помощи тэгов будут отмечаться отклонения от лексического значения слова при интерферентных ошибках в лексико-семантической сочетаемости, изменение формы слова:

(5) Какой он переводчик? Ну так/ для обзора #ЛЕКС# #ЗНЧ#.

(6) ну отпишитесь дусларчики #ЛЕКС# #L1+L2#!!!

(7) Однако, в большинстве своем, танцам в Татарстане характерны #ЛЕКС# #СОЧ# светлые и добрые замыслы #ЛЕКС# #ЗНЧ#.

Синтаксическая разметка в основном корпусе ориентирована на передачу дискурсивных особенностей речи в регионе и предполагает членение текста на формально-содержательные единицы (текст, блок, предложение) и характеристику риторических связей между ними (в соответствии с теорией риторической структуры У. Манна и С. Томпсон [18, 19]), обеспечивающих связность текста. В подкорпусе русской речи билингвов целевая направленность обуславливает введение дополнительных компонентов разметки, связанных с проявлением в структуре текста интерференционных влияний. Несмотря на то, что в русском языке нет устойчивого порядка слов, при нарушении устойчивых конструкций, обусловленном синтаксическими особенностями иного языка, данные факты размечаются тэгами #СИН#, #ПОР#:

(8) *Тот короче путь.* #СИН# #ПОР#

Выводы

Итак, основным принципом разметки и метаразметки подкорпуса русской речи билингвов корпуса «Томский региональный текст» является в первую очередь соответствие принципам основной разметки и метаразметки всего корпуса. В метаразметке данного подкорпуса учитываются параметры «национальность» и «L1», «L2» – языки, которыми владеет информант. Для каждого из языков указывается приблизительный уровень владения.

Для грамматической, семантической и синтаксической разметки подкорпуса русской речи билингвов важным является учёт фактов интерференции на всех уровнях языка. С этой целью была разработана классификация ошибок, которые могут быть обусловлены интерференцией, выявляемых на каждом уровне языка.

На данный момент собрана начальная база текстов и ведётся её разметка. В ближайшей перспективе запланировано включение первичной разметки в программную оболочку (созданную под руководством В.В. Поддубного, см. [20]) и её тестирование. Апробация может привести к необходимости скорректировать изначальные параметры.

Литература

1. Мишанкина Н.А. Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: теоретико-методологическое обоснование проекта // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2014. – № 389. – С. 28–37.
2. Sologub Olga, Rezanova Zoya, Temnikova Irina. The Concept of the Tomsk Regional Corpus: Balance and Representativeness // The XXV annual international academic conference, Language and culture, 20–22 October 2014 / Procedia – Social and Behavioral Sciences, 154 (2014). – P. 175–178.
3. Резанова З.И. Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: типологически релевантные параметры сбалансированности и репрезентативности // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2015. – №1(33). – С. 38–50.
4. Национальные объединения. Администрация Томской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://tomsk.gov.ru/ru/grazhdanskoe-obschestvo/natsionalnye-ob-edineniya> (дата обращения: 16.11.2014).
5. Официальный сайт Томского отделения «Росстата» [Электронный ресурс]. – URL: http://tmsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tmsk/ru/statistics/ (дата обращения: 16.11.2014).
6. Резанова З.И. Дискурсивные стратегии презентации национально-культурной идентичности // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2012. – № 4 (8). – С. 40–54.
7. The Russian Learner Corpus (RLC). URL: <http://web-corpora.net/RussianLearnerCorpus/search/> (дата обращения: 16.11.2014).
8. International Corpus of Learner English v2. – URL: <https://www.uclouvain.be/en-277586.html> (дата обращения: 16.11.2014).
9. Das Falko-Handbuch Korpusaufbau und Annotationen, Version 2.01 - Reznicek, Marc; Lüdeling, Anke; Krummes, Cedric und andere (2012). – URL: <http://www.linguistik.hu-berlin.de/institut/professuren/korpuslinguistik/forschung/falk> (дата обращения: 16.11.2014).
10. Granger S. Corpus d'apprenants, annotation d'erreurs et ALAO: une synergie prometteuse // Cahiers de Lexicologie. – Vol. 91, no. 2. – P. 117–132. – URL: <http://hdl.handle.net/2078.1/75650> (дата обращения: 16.11.2014).
11. Granger S. The Learner Corpus: A Revolution in Applied Linguistics // English Today 39, Vol. 10, no. 3. – P. 25–29 (1994). – URL: <http://hdl.handle.net/2078/75699>. (дата обращения: 16.11.2014).
12. Чиршева Г.Н. Родной и неродной языки в условиях формирования раннего детского билингвизма // Филологический класс. – 2014. – №1 (35). – С. 101–104. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rodnoy-i-nerodnoy-yazyki-v-usloviyah-formirovaniya-rannego-detskogo-bilingvizma> (дата обращения: 17.11.2014).
13. Common European Framework of Reference for Languages Learning, Teaching, Assessment. – Council of Europe, Language Policy Unit, Strasbourg, 1986. – URL: <http://www.coe.int/lang-CEFR>
14. Вайнрайх У. Языковые контакты. – Киев: Вищ. шк., 1979. – 364 с.
15. Al-Jarf R. Spelling error corpora in EFL // US-China Foreign Language. Sino-US English Teaching. Vol. 7, No.1 (Serial No.73). – P. 6–15.

16. *Díaz-Negrillo Ana & I Ángel García-Cumbreras M.* A tagging tool for error analysis on learner corpora International Computer Archive of Modern and Medieval English. – URL: <http://clu.uni.no/icame/ij31/ij31-page197-204.pdf>.

17. *Granger S.* Error-tagged Learner Corpora and CALL: A Promising Synergy // *CALICO Journal*, 20 (3). – P. 465–480.

18. *Mann William, Matthiessen Christian, Thompson Sandra A.* Rhetorical structure theory: A Framework for the Analysis of Texts. Reprinted from IPRA Papers in Pragmatics. – Vol. 1. – Washington, 1987. – 22 p.

19. *Литвиненко А.О.* Описание структуры дискурса в рамках теории риторической структуры: применение на русском материале // *Труды Междунар. семинара Диалог'2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям.* – Аксаково, 2001. – С. 159–168.

20. *Поликарпов А.А., Поддубный В.В., Кукушкина О.В., Күбарев А.И., Варламов А.А., Суровцева Е.В., Пирятинская Е.Ф.* Комплексная тексто-аналитическая система «СтилеАнализатор-2», основанная на Web-технологиях: разработка, наполнение данными и тестирование на прикладных задачах // Сайт лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии МГУ, 2014, <http://istina.msu.ru/publications/article/5848839/>

META-DATA AND ANNOTATION DESIGN OF THE RUSSIAN-SPEAKING BILINGUALS SPEECH SUBCORPUS IN THE STRUCTURE OF THE TOMSK REGIONAL CORPUS

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography. 2016. 1 (9). 29–39.

DOI: 10.17223/22274200/9/3

Rezanova Zoya I., Vesnina Galina Yu., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: resso@rambler.ru / resso@mail.tsu.ru / galina.y.vesnina@gmail.com

Keywords: corpus linguistics, linguistic corpora, markup, regional linguistics, bilingualism, language interference, Russian.

This article continues a series of publications devoted to the Tomsk Regional Corpus of texts developed by the Laboratory for Cognitive Studies of Language of the Faculty of Philology, Tomsk State University. The purpose of the project of the Tomsk Regional Corpus is to present the structure of communication in the regional version of the Russian language typical of Tomsk and Tomsk Oblast. The corpus tends to display the polydiscursivity and the proportional representation of the linguistic situation in the region. The subcorpus of bilinguals' speech inherits some features of learner corpora, heritage language corpora and error corpora. The article describes the Russian-speaking bilinguals speech subcorpus of the Tomsk Regional Text corpus: features of the material (type of bilingualism) that determine the need for markup and meta-markup correction of the subcorpus in relation to the main corpus are characterized. The meta-markup of the bilinguals' subcorpus includes: data on the place and time of text recording, the collector's name, data about the informant (name, gender, year of birth, education, social status, nationality, languages used (L1, L2) and their level), data about the text (form, type, discourse, subgenre, genre, topic). The purpose of the bilinguals speech subcorpus is to identify the grammatical and semantic interference of the first language (L1) with the second (Russian in our case) language (L2). Thus, the morphological markup of the subcorpus, like that of the main corpus, registers the following parameters: morphological

categories, lexical and grammatical categories. The authors also register the deviating grammatical categories. The syntactic markup in the main corpus is focused on the reflection of the discursive features of speech in the region, and involves division of the text into formal and substantive units (text, block, sentence) and description of rhetorical links between them that ensure coherence of the text. The purpose of the subcorpus of the Russian speech of bilinguals requires the introduction of additional markup components connected with the interference effects that show in the structure of the text. The corpus markup uses special tags that mark the facts of interference.

References

1. Mishankina, N.A. (2014) Linguistic corpus "Tomsk regional text": theoretical and methodological background of the project. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 389. pp. 28–37. (In Russian).
2. Sologub, O., Rezanova, Z. & Temnikova, I. (2014) The Concept of the Tomsk Regional Corpus: Balance and Representativeness. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 154. pp. 175–178.
3. Rezanova, Z.I. (2015) Tomsk Regional Corpus: typologically relevant parameters of balance and representativeness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1(33). pp. 38–50. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/33/4
4. Tomsk Oblast Administration. (n.d.) *Natsional'nye ob"edineniya* [National associations]. [Online]. Available from: <http://tomsk.gov.ru/ru/grazhdanskoe-obschestvo/natsionalnye-ob-edineniya>. (Accessed 16 November 2014).
5. The official website of the Tomsk branch of Rosstat. [Online]. Available from: http://tmsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tmsk/ru/statistics/. (Accessed 16 November 2014).
6. Rezanova, Z.I. (2012) Discourse strategies of presentation of national cultural identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie. – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 4 (8). pp. 40–54. (In Russian).
7. The Russian Learner Corpus. [Online]. Available from: <http://web-corpora.net/RussianLearnerCorpus/search/>. (Accessed 16 November 2014).
8. International Corpus of Learner English v2. [Online]. Available from: <https://www.uclouvain.be/en-277586.html>. (Accessed 16 November 2014).
9. Reznicek, M. et al. (2012) *Das Falko-Handbuch Korpusaufbau und Annotationen, Version 2.01* [The Falko manual corpus construction and annotation, version 2.01]. [Online]. Available from: <http://www.linguistik.hu-berlin.de/institut/professuren/korpus-linguistik/forschung/falko>. (Accessed 16 November 2014).
10. Granger, S. (2007) Corpus d'apprenants, annotation d'erreurs et ALAO: une synergie prometteuse [Learner corpora, annotation errors and CALL: a promising synergy]. *Cahiers de Lexicologie*. 91:2. pp. 117–132. [Online]. Available from: <http://hdl.handle.net/2078.1/75650>. (Accessed 16 November 2014).
11. Granger, S. (1994) The Learner Corpus: A Revolution in Applied Linguistics. *English Today*. 39:10:3. pp. 25–29. [Online]. Available from: <http://hdl.handle.net/2078/75699>. (Accessed 16 November 2014).

12. Chirsheva, G.N. (2014) Native and non-native languages in the development of early childhood bilingualism. *Filologicheskiy klass*. 1 (35). pp. 101–104. [Online]. Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/rodnoy-i-nerodnoy-yazyki-v-usloviyah-for-mirovaniya-rannego-detskogo-bilingvizma>. (Accessed: 17 November 2014). (In Russian).

13. Council of Europe, Language Policy Unit. (1986) Common European Framework of Reference for Languages Learning, Teaching, Assessment. Strasbourg. [Online]. Available from: <http://www.coe.int/lang-CEFR>.

14. Weinreich, U. (1979) *Yazykovye kontakty* [Language contacts]. Kiev. Vishcha shkola.

15. Al-Jarf, R. (2010) Spelling error corpora in EFL. *US-China Foreign Language. Sino-US English Teaching*. 7:1 (Serial No. 73). pp. 6–15.

16. Díaz-Negrillo, A. & García-Cumbreras, M.A. (2007) A tagging tool for error analysis on learner corpora. *ICAME Journal*. 31. pp. 197–204. [Online]. Available from: <http://clu.uni.no/icame/ij31/ij31-page197-204.pdf>.

17. Granger, S. (2003) Error-tagged Learner Corpora and CALL: A Promising Synergy. *CALICO Journal*. 20 (3). pp. 465–480.

18. Mann, W., Matthiessen, C. & Thompson, S.A. (1987) *Rhetorical structure theory: A Framework for the Analysis of Texts*. Reprinted from IPRA Papers in Pragmatics. Vol. 1. Washington.

19. Litvinenko, A.O. (2001) [Description of the structure of discourse within the rhetorical structure theory: application to Russian material]. *Trudy Mezhdunarodnogo seminara Dialog'2001 po komp'yuternoy lingvistike i ee prilozheniyam* [Proceedings of the International Workshop Dialog'2001 on computational linguistics and its applications]. Aksakovo. pp. 159–168. (In Russian).

20. Polikarpov, A.A. et al. (2014) *Kompleksnaya teksto-analiticheskaya sistema "StileAnalizator-2", osnovannaya na Web-tekhnologiyakh: razrabotka, napolnenie dannymi i testirovanie na prikladnykh zadachakh* [Integrated text-analytical system "StileAnalizator-2" based on Web-technology: the development, filling and testing of data on applied problems], [Online]. Available from: <http://istina.msu.ru/publications/article/5848839/>.

К.П. Сидоренко

О КОНЦЕПЦИИ СЛОВАРЯ ИНТЕРТЕКСТОВЫХ ЕДИНИЦ ИЗ БАСЕН И.А. КРЫЛОВА

Статья посвящена некоторым принципам отбора и лексикографического описания интертекстовых единиц (цитат, литературных образов, крылатых выражений) из басен И.А. Крылова, на основе которых был создан словарь-справочник. Авторское слово рассматривалось в нем функционально, с учетом изменяемости, вариантности, нормативной подвижности, многообразия и противоречивости иллюстративных контекстов. Обработка источников начиная от первых десятилетий XIX в. и до начала XXI в. показала, что весь басенный корпус И.А. Крылова (198 произведений) вошел в цитирование. Словник издания насчитывает более 1700 словарных статей.

Ключевые слова: интертекстема, интертекстовая динамика, интертекстовая дисперсия, интертекстовое пространство, цитата, крылатое выражение, литературный образ.

Разработка основ современного русского интертекстового фонда привела к лексикографической попытке сплошной обработки басен Крылова как источника интертекстовых единиц. Обращение к художественным, публицистическим, учебным, научно-популярным и научным текстам, словарям, литературной критике, мемуарам, письмам начиная с первого десятилетия XIX в., а также ресурсам Интернета позволило сформировать картотеку, на основе которой был создан словарь-справочник цитат, литературных образов и крылатых выражений, восходящих к басням Крылова [1]. Под интертекстовой единицей, или интертекстемой, понимается «межуровневый реляционный (соотносительный) сегмент содержательной структуры текста – грамматической (морфемно-словообразовательной, морфологической, синтаксической), лексической, просодической (ритмико-интонационной), строфической, композиционной, – вовлеченный в межтекстовые связи» [2. С. 11–12].

Как отмечают С.Г. Шулержкова и Л.П. Дядечко, в настоящее время выделяются три подхода к отбору и представлению крылатых слов и близких к ним единиц в справочной литературе. Во-первых, это сборники цитат без комментариев, отбираемых по усмотрению составителей; во-вторых, крылатые слова и крылатые выражения, получившие языковой статус, толкуемые и иллюстрируемые; в-тре-

тых, издания, куда вводятся разнородные фрагменты текста, «служащие доказательством функционирования авторского текста как интертекста» [3. С. 158]. К разряду словарей последней разновидности относится и представляемое в настоящей статье издание. Отбор материала и его обработка основаны на развитии ряда теоретических и практических вопросов, возникших более двадцати лет тому назад при обращении к материалу, соотносимому с текстами А.С. Пушкина и получившему первую интерпретацию в словарном издании, в котором интерпретировались цитаты из «Евгения Онегина» (см. [4]). Стремление максимально рассмотреть функциональные проявления «текста в тексте» определило разработку лексикографической методики, названной интертекстовой динамикой (в противопоставлении «интертекстовой статике»), согласно которой словарная обработка «чужого слова» проводится с опорой на учет особенностей его приспособления к новому контексту и дискурсу [2. С. 13]. Этот подход определил методику подготовки изданий, посвященных Пушкину, Грибоедову [5, 6], а также Крылову. Словарное описание интертекстем было ориентировано, прежде всего, на материал фразеологизированный, хотя имел место также комментарий единиц разных уровней, если он был целесообразен.

Последовательная обработка показала, что все басни Крылова так или иначе вошли в состав русского макротекста, т.е. совокупности «высказываний или текстов, объединенных содержательно или ситуативно, а также связанных на основе структурно-композиционного и культурного единства» [7. С. 216]. Это 198 произведений, распределенных автором по 9 книгам, а также большая часть басен, находящихся за рамками «канона» (см. [8]). Словарь содержит около 1700 статей, включая отсылочные, что было отражено в двух разделах справочной части («Алфавитный указатель словарных статей» и «Алфавитный указатель басен и восходящих к ним словарных статей»).

При отборе материала и, соответственно, структурировании словарной статьи мы вводили то, что объективно отражает место Крылова в русской речи и обладает иллюстративной целесообразностью. Это приводило к минимизации количества контекстов, полученных из источников. При обработке содержательной структуры интертекстовой единицы в словарной статье приоритет отдавался тому, что соотносится с интертекстовым стереотипом, т.е. устоявшимся зна-

чением (при его наличии) и его возможными вариантами. Так, для крылатого выражения *А Васька слушает да ест* [1. С. 5–6] это – «Кто-либо не обращает внимания на доводы, упрёки и т.п.»:

Спроектированное архитектором Чечулиным громоздкое, многоэтажное здание гостиницы неизбежно будет главенствовать над Кремлем <...> Ну вот, получилось, как и во многих подобных случаях, по Ивану Андреевичу Крылову: «*А Васька слушает да ест*». Сколько спорили, писали, шумели, организовывали «круглые столы», разводили дискуссии, высказывали единодушное мнение, а Зарядья между тем нет... (В.А. Солоухин. Знаменский собор в Москве <1984>).

Далее следует интертекстовый дериват – «*В шутл. оценке внутренней сосредоточенности*»:

У меня гостит А.Н. Плещеев. На него глядят все, как на полубога, считают за счастье, если он удостоит своим вниманием чью-нибудь простоквашу <...> *А он «слушает да ест»* и курит свои сигары, от которых у его поклонниц разбаливаются головы (А.П. Чехов – А.С. Суворину, 30 мая 1883 г.).

Третья дефиниция занимает положение, которое, используя терминологию словообразования, можно соотнести с кодеривацией – «О кошках как басенных персонажах»:

Древнейший литературный жанр, в котором издавна «поселились» кошки, – это басни, начиная с Эзопа <...> Басенные коты олицетворяли такие людские пороки, как хитрость, жадность, коварство: «Свирепый тот мучитель-кот!» (А. Сумароков. Кот и Мышь), «под видом кротости он враг наш» (И. Дмитриев. Петух, Кот и Мышонок), «коты и все умны, но только лицемерны» (А. Измайлов. Черный Кот), <...> «*худые песни Соловью в котях у Кошки*» и «*а Васька слушает да ест*» (И. Крылов). (Н.П. Брешева. Образ кошки в мифологии, фольклоре и русской литературе <2010>).

Последний случай выходит за рамки интертекстового стереотипа, но хорошо иллюстрирует потенциал басни.

Представленные интертекстовые единицы не всегда позволяли воплощать жесткие принципы обработки в силу своего разнообразия, структурно-семантической нечеткости, проблемности выделения и паспортизации. Неоднородность материала, порождающую ряд классификационных и теоретических проблем при обращении к крылатым выражениям, отмечает и Л.П. Дядечко [9. С. 127].

После заголовка (инициальная часть) иногда приводились контекст или фрагменты басни с элементами пересказа, источниковедческими или этимологическими замечаниями (преамбулой). Это оживляло содержание басни и стимулировало обращение читателя к первоисточнику. Толковательная часть была ориентирована как на традиционные дефиниции, так и на указание на дискурсивные ситуации, дающие основания для использования соответствующего выражения. В иллюстративных контекстах мы стремились показать возможные варианты адаптации авторского слова в соответствии с принципами интертекстовой динамики. Все, что соотносилось с текстом басни, выделялось прописными буквами (в данной статье – полужирным курсивом). См. ниже сокращенный пример словарной статьи:

РЫБЬЯ ПЛЯСКА («Рыбья пляска»)

«От жалоб на судей, На сильных и на богачей» Лев «пустился сам свои осматривать владенья». Он видит Мужика, который был назначен «старостой над водяным народом», жарящего рыб, при этом «Бедняжки прыгали от жару кто как мог». Разгневанный Лев спрашивает: «Да отчего же... Они хвостами так и головами машут?» На это Мужик отвечает: «Оне от радости, тебя увидя, пляшут». <Ср. о выражении «рыбья пляска»: «Я подошел с ружьем к небольшому озерку, кругом обросшему высокою и плотною гривую камыша, и вдруг услышал какой-то странный шум воды <...>. Я осторожно вошел в камыш, по колени в воде пробрался до его края и увидел – настоящую рыбью пляску, производимую средней величины плотвою. Не вдруг догадался я, что значит такое явление, хотя слышал о нем. Впоследствии несколько раз имел я случай наблюдать этот процесс у лещей и особенно у карасей» (С.Т. Аксаков. Записки об ужении рыбы (1847)).>

- В оценке творчества Крылова.

Странно бы было говорить, что Крылова басни прекрасны: это все равно, что рассказывать за новость о белизне снега или о свете дневном. Но и в прекрасном есть степени: **«Рыбья пляска»** (напечатанная в «Сыне отечества») в своем роде совершенство (В.К. Кюхельбекер. Дневник. 25 ноября 1833 г.).

- Об истории создания басни.

Цензор, вообразив, что баснописец разумеет в ней [басне **«Рыбья пляска»**] путешествовавшего тогда по России императора Александра, положительно ее запретил. Это так оскорбило Крылова, что он в порыве негодования хотел было уничтожить свою басню, но уступил наконец просьбам друзей и переделал ее (В.Ф. Кеневич. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова <1869>).

<...>

- В ирон. характеристике веселья, сопровождающегося «плясками».

По воскресеньям у Катина собиралась молодежь, и тогда серьезные разговоры о народе заменялись пением, танцами <...>. Варавак сердито назвал это веселье: **«рыбьи пляски»** (М. Горький. Жизнь Климата Самгина <1927>).

- В обыгрывании и сравнении с содержанием басни.

Пореформенное вымирание русского народа, многие лета объявляемое нашими учеными статистиками, государственными мужами и демократическими журналистами «явлением, вполне естественным для всех благополучных стран», – разве не та же **«рыбья пляска»** от дедушки Крылова? (<http://newsnet.in.ua> <2009>).

[Назв. заметки: **Рыбьи пляски**] У одной же бабушки был старинный многоведерный аквариум с золотыми рыбками. В ее каморке он не помещался, и она держала его в общей кухне, где соседи жарили всякую рыбу, скумбрию и хек, на расширенных от ужаса глазах аквариумных рыбок <...> И кончилось все тем же криминалом: как-то, когда не было хорошей бабушки, плохая, одержимая злым голодом, выловила этих рыбок и изжарила на постном масле. <...> Но этот факт жестокого мучительства и рыбоедства не сломил хорошую бабулю. Напротив, лишь придал ей мстительного духу <...>. Тамошний опер, опухший от своих забот, долго ее слушал, открыв рот; наконец смачно плюнул и сказал: «Да подавись! Открою тебе дело – и судись!» И дело завели (А. Росляков. Рыбьи пляски <2008>).

<http://www.roslyakov.ru/cntnt/nijneemenu/sme/riquiryask.html>) [1. С. 445–447].

Принципы комментирования обладают двоякой направленностью: во-первых, перспективной, когда фрагменты басенного текста показываются в новом контексте, что и является основой словаря; во-вторых, ретроспективной (источниковедческой, исторической, этимологической). Например, заглавие басни «Ворона и Курица» вводится в словарь как вокабула, после которой в составе преамбулы дается комментарий:

*Басня, по-видимому, была реакцией на журнальную заметку о том, что французы в Москве едят ворон: «Теперь можно дать отставку старинной русской поговорке: попал, как кур во щи», а лучше говорить: «попал, как ворона во французский суп» (Сын Отечества, 1812, № 7, 44). Этот фразеологический неологизм кодифицируется позже, поговорка «попался, как ворона в суп» была помещена в сборнике Д.М. Княжевича (1822), ее вводит В.И. Даль (в нескольких вариантах) в «Пословицы русского народа» (1862). Итак, по Крылову, Ворона становится пищей французов, т.к. им больше нечего есть. Однако в самой басне и ее паремнологической интерпретации умышленно забыта одна подробность: французы едят ворон. Ворона стала жертвой своей «ложной пресуппозиции»: «Очевидцы рассказывают, что в Москве Французы ежедневно ходили на охоту стрелять ворон и не могли нахвалиться своим *soupe aux corbeaux*» (Сын Отечества, 1812, № 7, 44). Это сообщение дается в № 7 за 1812 г. «Сына Отечества», басня же напечатана в № 8. Перед нами намеренное переосмысление Крыловым заметки о воронах в пользу русского «гастрономического» стереотипа [1. С. 85].*

Прежде всего, словарь дает представление о круге выражений, соотносимых с баснями, которые условно можно назвать «общеизвестными», т.е. узнаваемыми, относительно регулярно цитируемыми (например, «Ворона и Лисица», «Слон и Моська», «Квартет», «Лебедь, Щука и Рак», «Ларчик», «Кот и Повар», «Волк и Журавль», «Волк на псарне», «Любопытный», «Мартышка и Очки» и др.). Количество их, по данным упрощенного опроса и опыта общения со студентами-филологами, относительно невелико, это 10–15 произведений, всего же, по наблюдениям С.Г. Шулешковой, в словарях кры-

латых единиц отмечено около 50 выражений [10. С. 90]. Особенно-стью выражений из «популярных» басен является идиоматическая контрастность, возникающая как результат противоречия между узуальными значением и формой и их функциональными вариантами. Приведем два примера, восходящих к басне «Лебедь, Щука и Рак».

Словарная статья **Воз и ныне там** открывается толкованием устоявшегося значения паремии «*Об отсутствии положительных изменений в каком-л. деле*» и иллюстрацией:

Вот и опять поп сделал больше профессора», – говоришь невольно, взглянув на компактный том священника Н.Р. Антонова «Русские светские богословы» <...>. Так и был бы **«воз и ныне там»**, если бы не старая, крепкая, трудолюбивая семинария: незаметный приходский священник Н.Р. Антонов <...> взял брошенное дело в свои руки (В.В. Розанов. [Рец.:] Н.Р. Антонов. Русские светские богословы и их религиозно-общественное мирозерцание <1912>) [1. С. 72].

Однако в словарной статье приводится и дефиниция-комментарий – «*В осмыслении басни с точки зрения физики*»:

Перед нами механическая задача на сложение нескольких сил, действующих под углом одна к другой <...> Не забудем, что существует еще четвертая сила – вес **воза**, которая направлена отвесно вниз. Басня утверждает, что **«воз и ныне там»**, другими словами, что равнодействующая всех приложенных к **возу** сил равна нулю. Так ли это? (Я.И. Перельман. Занимательная физика <1913>) [1. С. 73].

Ниже приводятся примеры из других басен, иллюстрирующие тезис об инновациях, отраженных в словаре. Так, слова из басни «Волк и Ягненок» **Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом Здесь чистое мутить питье Мое с песком и с илом**, вынесенные в заголовок словарной статьи, получают толкование «*Об абсурдных обвинениях, нелепых запретах*» и сопровождаются иллюстративным примером:

Употребление русского языка или местного, т.е. белорусского наречия, по официальной терминологии, принятой в Польше, в проповеди и церковнославянского за богослужением власти квалифицировали как злокозненные усилия, направленные на денационализацию православных поляков – цинизм, заставляющий вспомнить слова из знаменитой крыловской басни: **«Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом здесь чистое мутить питье мое с песком и с илом»** (Протоиерей Владислав Цыпин. Православная Церковь в Польше между первой и второй мировой войной. <http://www.orthedu.ru> <2009>) [1. С. 198].

Но функциональный вектор в современных контекстах отклоняется в сторону проблем экологии, гигиены и т.п. Ср.:

Суть нанотехнологий Дельта-фильтрации состоит в одномоментном упорядочении раскладки зерен и загрузки в завершении промывки фильтра <...> Anonymus <...> выдал свой уникальный пост прямо-таки по басне Крылова: **«Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом здесь чистое мутить питье мое с песком и с илом?»** (Ю.А. Ищенко. Нанотехнологии водоснабжения, теплоэнергетики, водоотведения <2009>. <http://www.nanonewsnet.ru/articles>); Просит налить гриб (чайный), налила, Гриша недопил. Петя решил допить. Гриша ему: **«Что ты своим рылом мой гриб мутить»**, все в шоке, потом я вспомнила, что в **«Волке и Ягненке»** Волк говорит **«Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом здесь чистое мутить питье мое...»** (<http://www.sol-agency.ru/blogs.html> <2009>) [1. С. 198].

Крылатое выражение **«Оглянуться не успела, как зима катит в глаза»** («Стрекоза и Муравей») последовательно используется в критике городских коммунальных служб, например:

«Уж зима катит в глаза.» [В тексте] Впервые в этом году все мероприятия по подготовке жилищно-коммунального хозяйства <...> к новому отопительному сезону проходили под пристальным оком городской прокуратуры. И уже сейчас можно сделать предварительный вывод о том, кто этим **«красным» летом** выступил в роли трудолюбивого **Муравья**, а кто оказался **попрыгуньей Стрекозой** (НЭП-плюс. Еженедельная газета [Ухта]. 2003. № 36) [1. С. 358].

В последнем примере исходная цитата стимулирует употребление ряда смежных единиц, втягивая их в «обслуживание» коммунално-хозяйственной тематики: расширяется интертекстовое пространство в рамках микротекста. Басня присутствует в новом тексте в целом, реализуется ее полидискурсивность, проявляющаяся в оценочной универсальности [11. С. 87].

Значительная часть фрагментов из басен Крылова, как и сами басни, воспринимаются нередко приблизительно или вообще не узнаются «средним» читателем. Тем не менее присутствие их в русском макротексте и сплошная лексикографическая выборка дают много неожиданностей. Полузабытая басня «Крестьянин и Лисица» оживает в цитировании и становится источником серии словарных статей (*В ком есть и совесть и закон, тот не украдет, не обманет; Некраденый кусок приелся скоро ей; Я ли воровством одна живу на свете* и др.). Восходящую к тексту басни поговорку *вору дай хоть миллион – он воровать не перестанет* («Крестьянин и Лисица») встречаем в рассуждении о причинах воровства:

Мы думаем, что *воровство* есть искусственная форма приобретения, к которой человек вынуждается крайностью; а Крылов говорит, что это есть естественное качество иных людей и что – *вору дай хоть миллион, он воровать не перестанет* (Н.А. Добролюбов. Луч света в темном царстве <1860>); Каждого четвертого жителя крупного города, по статистике, ежегодно обкрадывают. Воруют кошельки, документы, сотовые телефоны <...> *«А вору дай хоть миллион – он воровать не перестанет»* (Р. Боев. Тонкости «карманного» искусства) (Деньги. 2006. № 1-2) [1. С. 89].

Ср. эксплицированный вариант, объединенный с предшествующими смежными стихами басенного текста:

Грязинский городской суд Липецкой области приговорил к двум годам лишения свободы условно и к 5000 рублям штрафа бывшую главу администрации села Коробовка <...> обвинявшуюся в мошенничестве и семи случаях присвоения вверенного ей имущества <...>. *«В ком есть и совесть, и закон, Тот не украдет, не обманет, В какой бы нужде ни был он; А вору дай хоть миллион – Он воровать не перестанет»* (Липецкий информационно-справочный портал <2010>. <http://gorod48.ru>) [1. С. 47].

Редкое, но понятное и кажущееся знакомым выражение *А где пастух дурак, там и собаки дуры* («Волк и Волчонок») также вводится в словарь как вокабула. В новом применении эти слова получают производное значение – «О нападении собак на людей»:

[Заголовок] Кто остановит собак убийц? [В тексте] Не проходит и месяца, чтобы из какого-нибудь российского города не пришла трагическая новость о нападении *собаки* на человека (Кирилл Ильин) (Угличская газета. 2008. 8 апреля). [В реакциях посетителей сайта] *А где пастух дурак, там и собаки дуры!* (Крылов) (<http://uglich.ru> <2008>) [1. С. 9].

Мало кому сейчас известные слова *в глуши расцветший василек* из басни «Василек» – о выздоровлении тяжело заболевшего Крылова благодаря заботе императрицы Марии Федоровны [12. С. 195], вынесены в заглавие словарной статьи и получают толкование «О душевном возрождении»:

Ну, вот и выглянуло над Васильевским островом солнце! Оживаю под его лучами, как «*в глуши расцветший василек*» (А. Морозов. Прежние слова) (Знамя. 2002. № 4).

Однако об известности басни в XIX в. свидетельствует цитата, возникшая как шутовское обыгрывание имени:

Когда входил Милькеев, дети кричали как можно басистее и грубее: «Васька! Васька!», а когда входил Руднев, они кричали самым тонким дискантом: «Васинька! Васинька!» Сверх того, Милькеев был по-прежнему Василиск, а Руднева Федя прозвал: «*В глуши расцветший василек*» (К.Н. Леонтьев. В своем краю <1864>) [1. С. 44].

Даже если мы никогда не встречали приводимые сентенции, они, по сути, являются потенциальными паремиями и могут употребляться совершенно естественно, производя впечатление чего-то «своего», когда-то встречавшегося. В этом сила крыловского текста. Например, готовую поговорку представляет собой выражение из басни «Лев и Барс» в оценке неискренней поддержки, лукавой похвалы:

Вот истинное беспристрастие! Г-н Ф.Б. за одно нападает на г. Полевого, а за другое хвалит его <...>. Это напоминает басню Крылова «Лев и Барс», которая оканчивается этим стихом: ***Кого нам хвалит враг, в том, верно, проку нет*** (В.Г. Белинский. Литературные и журнальные заметки <1842>); <...> думаю, что этого автора вполне можно отнести к «нейтральному» обозревателю, памятуя при этом известную мораль басни Крылова: ***«Кого нам хвалит враг, в том, верно, проку нет»*** (Н. Шевельчинский. «Всяк человек ложь» (Православная Русь. 2004. № 18) [1. С. 222]).

Ср. подобные «готовые» афористические высказывания-заголовки словарных статей: ***А в аде первенство, известно, тот берет, кто ближнему наделал больше бед*** («Клеветник и Змея»); ***Быть сильным хорошо, быть умным лучше вдвое*** («Лев и Человек»); ***А мне, за песни и за сон, не надобен ни миллион*** («Откупщик и Сапожник»); ***Погода к осени дождливей, а люди к старости болтливей*** («Плотичка»); ***С разбором выбирай друзей, когда корысть себя личиной дружбы кроет*** («Роща и Огонь»); ***Свежесть лишь вода движеньем сохраняет*** («Пруд и Река»); ***Сила без ума сокровище плохое*** («Лев и Человек»); ***Собака нанялась и двор стережет, и хлебы печь*** («Крестьянин и Собака»); ***Ты все порхала да летала*** («Кукушка и Горлинка»); ***Хоть ты и в новой коже, да сердце у тебя все то же*** («Крестьянин и Змея»); ***Худые песни Соловью в когтях у Кошки*** («Кошка и Соловей»); ***Чем больше чистит он, тем только больше пятен*** («Голик»); ***Чем правом кто дурней, тем более кричит и ропщет на людей*** («Волк и Кукушка»); ***Я лишние хвалы считаю за отраву*** («Муравей») и мн. др.

Иллюстративный материал словаря показывает, что интертекстовые единицы в речи употребляются по-разному: это и прямая цитата с отсылкой к Крылову, и цитата скрытая, и фрагмент полного высказывания, выполняющий функцию аллюзии или реминисценции. Часто басенный фрагмент вводится во вторичный текст с изменениями, «нарушением» точности цитирования. В издании, рассчитанном на максимальное описание интертекстового потенциала одного писателя, такие «отклонения» не должны осуждаться как случаи небрежного отношения к авторскому слову, их целесообразно комментировать при помощи соответствующих словарных помет или помечать особым знаком. В нашем словаре употреблялся значок

звездочка – (*), если необходимо было выделить сам факт свободного цитирования. Так, слова **Уж братъ, так братъ, а то и когти что марасть** («Вороненок») были в измененном виде употреблены А.С. Пушкиным в значении «Если уж предпринимать что-л., так что-то важное, существенное»:

Если я друзей моих не слишком отучил от ходатайства, вероятно, они вспомнят обо мне <...>. ***Если братъ, так братъ – не то, что и совести марасть** – ради бога, не просить у царя позволения жить в Опочке или в Риге; черт ли в них? а просить или о въезде в столицы, или о чужих краях (А.С. Пушкин – П.А. Плетневу, 4–6 декабря 1825 г.); Что касается до моих занятий, я теперь пишу не роман, а роман в стихах – дьявольская разница. В роде Дон-Жуана – о печати и думать нечего; пишу спустя рукава. Цензура наша так своенравна, что с нею невозможно и измерить круга своего действия – лучше об ней и не думать – ***А если братъ, так братъ, не то что и когтей марасть** (А.С. Пушкин – П.А. Вяземскому, 4 ноября 1823 г.) [1. С. 540].

Неточное цитирование встречается и в литературной критике:

[В оценке басен Крылова] Остановимся над второю, переведенною из Лафонтена <...>. У Лафонтена и последователей его звери любят более говорить и действовать, нежели у фригийского невольника. Наш **ворон** думает себе: ***Уж братъ, так братъ, А то и что и когтей марасть** (М.Т. Каченовский. Новые басни Ивана Крылова <1812>) [1. С. 540].

Подобные случаи «небрежности» свидетельствуют о глубине вхождения авторского слова в живую речь, и словарь является ценным источником изучения этого явления. Заметим, однако, что словари, рассчитанные на описание «крылатого» фонда языка и соотносимые со многими авторами, учитывают авторские модификации с известной долей осторожности, что представляется совершенно справедливым (см. напр.: [13, 14]).

Намек на исходный крыловский текст также входит с соответствующим комментарием в состав словарной статьи. Например, словарная статья **Умный секретарь** соотносится с моралью басни «Оракул» «Судей таких видали, Которые весьма умны бывали, Пока

у них был умный секретарь», что и отмечается в преамбуле. Далее в зону толкования вводятся две интерпретационные позиции («Как измененная скрытая цитата» и «Ср. в рекламе оборудования для офиса»), сопровождающиеся иллюстрациями:

Жена и дети, друг, поверь – большое зло:
От них все скверное у нас произошло.
Но делать нечего: так если невозможно
Тебе скорей домой убраться осторожно,
И службою своей ты нужен для царя,
Хоть умного себе возьми секретаря
(А.С. Пушкин. Послание к цензору <1822>);

[Заголовок] **«Умный секретарь»**. [Далее] Компания Dok.Telecom предлагает инновационный подход к организации офисной телефонной связи с использованием собственных разработок. Одно из решений – **«Умный секретарь»**, которое сочетает в себе удобство, лояльность, функциональность и оперативность в общении с клиентами (<http://client.doktelecom.ru> <2010>) [1. С. 544].

В приведенной выше иллюстрации из Пушкина интертекстовый шаг поддерживается и композиционным сходством (финал басни > финал стихотворения) как особым типом интертекстемы.

Подобная характеристика имеет предположительный характер и может вызывать возражения у тех, кто пользуется справочником, поэтому нередко пометы типа «возможно», «сравни» и т.п.

При лексикографическом описании возникает вопрос о паспортизации паремиологического единства, когда оно разделяется на составляющие части (интертекстовая дисперсия), каждая из которых «стремится» к автономности. Так, слова **А смотришь, помаленьку то домик выстроит, то купит деревеньку** («Лисица и Сурок») употребляются в иронической оценке нечистых на руку предпринимателей, политиков, в осуждении корысти, прикрываемой патриотизмом, и т.п. При иллюстрировании значения на первом месте помещается пример, в котором исходное единство сохраняется, хотя скрытая цитата-вкрапление употребляется усеченно:

<...> науки и словесность у нас в самом блистательном состоянии. Укажу вам на книгопродавцев. **Посмотрите**, как они разжигаются: **то домик выстроят, то купят деревеньку**. Чем же? Тор-

говлею. Какою? Книжною (К.Н. Батюшков. Похвальное слово сну. Письмо к редактору «Вестника Европы» <1816>) [1. С. 513].

Однако достаточно типичным будет разделение паремии на два сегмента:

Имя «патриот» – как награда от потомков предкам. Если же человек сам себя одевает в имя «патриот» – это все равно, что он присваивает чужие награды <...>. Не похоже ли это на некоторых отечественных «патриотов», не стесняющихся одевать майки с гербом РФ, но при этом *«выстраивающих домики»*, то бишь виллы, на чужих морских берегах и *«скупающих деревеньки»*, то бишь земли, по всей России! (А. Степанищев. Патриотизм – последнее прибежище негодяев?) (Интернет-газета ZONA KZ. 2009. 23 дек. <http://rusedin.ru/author/stepanishev/index.html>) [1. С. 129].

В результате появлялись дополнительные словарные статьи, в данном случае – *домик выстроит* и *купит деревеньку*. Это приводило к увеличению словника и, соответственно, объема словаря, поэтому нередко вокабула имела отсылочный характер, например: *Матрена*. См. *И сделалась моя Матрена ни Пава, ни Ворона; Механикой был страстен*. См. *Как видно, молодец механикой был страстен; Совет из норки*. См. *Но кстати ли Орлу принять совет из норки; Овечьи старосты*. См. *В овечьи старосты у Льва просился Волк* и т.п.

Таким образом, словарь отражает разные виды связей первичного крыловского текста и текстов вторичных, что определяет особенности интертекстовой динамики. Довольно часто басенная цитата возникает как реакция на стимул (слово или тему), и это является единственным основанием для использования иллюстративного примера. «Традиционное» толкование становится неуместным, его заменяет дефиниция-комментарий *«как реакция на...»*: энергия басенного текста такова, что «значительная часть крыловских выражений употребляется в составе ассоциативных структур» [15. С. 301]. При этом достаточно типичным будет положение, когда содержание цитаты не соотносится с басенной содержательной доминантой и опирается, как отмечалось выше, на бытовую конкретику. Например, таким текстовым стимулом будет слово в буквальном значении при описании перипетий, связанных с реальным *мостом*. Возникает

«цитата для цитаты», не комментирующая *поиски брода*, как это было в басне «Лжец» (*мост > чем на мост нам идти, поищем лучше броду*):

«Когда же нам приказано выступать?» – спросил Коншин. «Сейчас надобно уж начать выступление», – ответил Шангин, и Ливенцев удивленно сказал, пожав плечами: «О чем же мы говорим еще, если сейчас? Сейчас – значит сейчас. И будем двигаться *на мост*. – *«Чем на мост нам идти, поищем лучше броду!»*» – неожиданно для всех продекламировал Тригуляев, и на этом закончилось обсуждение задачи. Через четверть часа рота Ливенцева первой подошла к *мосту* (С. Сергеев-Ценский. Преображение России <1958>) [1. С. 569].

Типична и цитатная реакция на предметную конкретику, обозначение которой лишь пересекается с басенным персонажем (*Слон > по улицам Слона водили*, басня «Слон и Моська»). При этом происходит инверсия в ассоциативной структуре, слово-стимул («фигура слона») располагается после реакции-цитаты:

В Международный день защиты детей Центр проводит на Дворцовой площади интерактивный праздник «Волшебная страна» <...>. В завершении праздника состоится акция *«По улицам Слона водили»* <...>. На площадке будет установлена 3-метровая фигура слона (Портал Северо-Запада России. 2009. 31 мая. [http:// spb.allnw.ru](http://spb.allnw.ru)) [1. С. 398].

Стимул может быть соотнесен с двумя реакциями, т.е. ассоциативное стремление микротекста к мегатексту (басня > книга басен) нередко приводит к расширению интертекстового пространства (см. ниже «Зеркало и Обезьяна» и «Обезьяны»):

«Слушай, ты понимаешь, что твой ученик – *обезьяна*? Только что прыгнул с ветки, да зацепился навеки, на ней и останется! Природу не перевернешь. Дедушка Крылов что говорил? *Я удавилась бы с тоски, когда бы на нее чуть-чуть была похожа...* – «Зеркало и Обезьяна», вспомнила?» – «Кто обезьян видал, те знают, как жадно все они перенимают...» – «Обезьяны», – пари-

рвала Лиза (Анафема. Правдивая история-буфф <2009>. <http://www.russianlife.nl/anafema.htm>) [1. С. 595].

Нередки случаи обыгрывания мотивационных связей, когда интертекстовый апеллатив стимулирует употребление онима в цитатном «ореоле» (см. ниже: *дуги* > *Дугин* > *дуги гнут...*): слова из басни «Трудолюбивый Медведь» *дуги гнут с терпеньем и не вдруг* возникают как реакция на фамилию *Дугин* в иронической оценке кропотливой, но бесполезной деятельности:

[Заголовок] *А Дугин гнет свое с терпеньем и не вдруг*. [В тексте] Александр *Дугин*, – фигура странная <...>. Читать его не то чтобы трудно, но удивительно заунывно (А. Андреев) (Лебедь. Независимый альманах. 1997. № 42. <http://legart.eto-ya.com/2009/04/10/trishkin-kaftan/>) [1. С. 132].

Ср. пример употребления этой же цитаты, ориентированной на буквальное значение слова *дуга*:

Русская телега на улицах Сан-Франциско <...>. На русской ярмарке в Стерн Гров парке телегу окружали сотни американцев <...>. *Дуга* и гужи приводили фермеров в восхищение <...>. *Дуга* была единственным предметом, занятым у шорной фирмы, владелец которой поведал, что во всей Америке не нашлось мастера для изготовления *дуг*. Недаром Крылов сказал, что «*дуги гнут с терпеньем и не вдруг*» (Г.С. Курганов, П.М. Куренков. Тайны русской революции и будущее России <1953>) [1. С. 132].

Как отношения стимула и реакции можно воспринимать и примеры лингвистических иллюстраций в учебной и научной литературе, например:

Существительные среднего рода с суффиксом [-j] (орфографически слова на -*ье*) имеют собирательное значение «группа однородных лиц, предметов, названных мотивирующим словом» <...>. *Оконье: бедняжка-нищенкий под оконьем таскался* (Крылов) (Русская грамматика. Т. I <1982>) [1. С. 28]; Отдельные существительные с ударением, колеблющимся или отступающим от нынешнего <...> «*Случай*» имеет долго в бытовой речи ударение на суф-

фиксе: *Да не вошел ли он в случай клыками?* (Крылов, Слон в случае) <...> *А только в случай попадись, – он первый явится в передней* (Крылов, Хмель) (Л.А.Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века <1954>) [1. С. 17].

Формальное обыгрывание, вызывающее ассоциативные реакции, было отмечено Т.А. Гридиной на примерах словообразовательной вариантности [16. С. 78], однако такой материал имел вспомогательный характер и вводился в словарную статью выборочно.

Пространство Интернета наполнено всякого рода словесными шутками, среди которых интертекстовые единицы из Крылова занимают осязаемое место. В этих случаях в словарной статье также дается не толкование, а комментарий – «в обыгрывании», «в словесной шутке» и т.п.:

Вопрос:

За третье место Фурманов и Анка

Играют в карты возле арсенала.

Он сто очков уж вытащил из банка [...]

Ответ:

Очков с полдюжины себе она достала.

Автор: Алексей Чаплун (Черкаassy). Источник: «Мартышка и Очки».

(База вопросов. БесКРЫЛОВки <2005>. <http://db.chgk.info/files/krylov-a.html>) [1. С. 388];

Слегка побраконьерствовать надумал рыболов,

И в воду динамит бросает наш молодчик.

Мы видим на поверхности следы его трудов [...]

Ответ:

Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек.

Источники: И.Крылов, «Демьянова уха». Авторы: Егор Тимошенко.

(Интернет-чемпионат по бескрылкам <2009>. <http://chgk.zaba.ru>) [1. С. 90].

Можно по-разному относиться к такому творчеству, но это живые факты, без умеренного привлечения которых обойтись невозможно.

Ср. также использование словесных шуток-центонов, т.е. стихотворений, составленных из разных стихов:

*Однажды лебедь, рак да щука
Затеяли сыграть квартет,
Так тянут плавно и протяжно –
А Васька слушает да ест...*

(Поиграем? Немножко центонов по Крылову <2008>. <http://rezoner.livejournal.com>) [1. С. 360].

Этот материал в силу своей специфики также давался как дополняющий основную часть словарной статьи с отсылочными пометами: цели его исчерпывающего описания и паспортизации авторы не ставили.

Несколько слов о литературных образах как объекте словаря. При ослаблении собственно цитатной функции возникает необходимость обращения к басенному образу, который и выносятся в заголовки словарной статьи. Это, прежде всего, имена персонажей животных (*Медведь, Лев, Обезьяна, Орел, Ворона, Ворон, Собака, Лошадь, Лисица* и др.). Например, словарная статья *Змея* разделяется на четыре комментируемые части: 1. О *Змее* как собирательном образе у Крылова. 2. *Змея* – персонаж басни «Крестьянин и Змея» (Книга 4, XIII). 3. *Змея* – персонаж басни «Клеветник и Змея». 4. *Змея* – персонаж басни «Крестьянин и Змея» (Книга 6, XVI). Каждый раздел такой словарной статьи иллюстрируется.

Чтобы показать разноплановость и неизбежную противоречивость материала, введенного в словарь, представим перечень словарных статей, соотносимых с басней «Разборчивая Невеста» (название, в свою очередь, стало литературным образом):

А ей считать большой досуг; А ныне, ах! ее зовут уж на бостон; А тот бы и в чинах, да жаль, карманы пусты; Вкруг ней бывало тесно; Вот наша девушка уж стала девой зрелой; Вышла за калеку; Ее зовут уж на бостон; Женихи, как на отбор, признатные катили к ней на двор; Женишонки; Зачнет считать своих подруг; Зеркало докладывать ей стало; Красавица была немножко прихотлива; Красавица, пока совсем не отцвела, за первого, кто к ней посватался, пошла; Кто ж может все иметь; Не женихи, а женишонки; Невеста-девушка смышляла жениха,

тут нет еще греха; От пленников ее вокруг ней бывало тесно; Рада, рада уж была, что вышла за калеку; Разборчивая невеста; Смышляла жениха; Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умен; Такие женихи другим невестам клад; То нос широк, то брови густы; Тот не в чинах, другой без орденов; Тут нет еще греха; уж стали женихи наворачиваться реже; Умильны ямочки пропали на щеках; чтоб был хорош, умен; Чтоб в одиночестве не кончить веку; Чтобы любить ее, а ревновать не сметь.

Итак, составление словаря интертекстовых единиц из басен Крылова основано на использовании принципов интертекстовой динамики, согласно которым описываемый текстовый фрагмент рассматривается функционально, с учетом изменяемости, вариантности, дробления, ассоциативной и нормативной подвижности, разнородности иллюстративных контекстов, соотносимых с «отрицательным языковым материалом», важность учета которого в лингвистике высоко ценил Л.В. Щерба [17. С. 33]. Классификация словарей, ориентированных на обработку интертекстового материала, помимо учета указанных выше трех подходов к отбору и организации материала (см. [3. С. 158]), позволяет ввести противопоставление «словари статические – словари динамические» [18. С. 479]. Сплошная выборка предполагает обработку как всего текстового наследия писателя, так и части принадлежащих ему текстов, в нашем случае – это корпус басен Крылова как мегатекст. Как типологически близкие мегатексты могут рассматриваться, например, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина или «Горе от ума» А.С. Грибоедова. В этой связи стоило бы отметить интересные лексикографические опыты словарного описания поэтического наследия А.В. Кольцова и крылатых выражений Н.В. Гоголя (см. [19, 20]).

Как говорилось выше, интертекстовые единицы представлены в первую очередь материалом фразеологическим и соответствующим исходному фрагменту претекста, однако в той или иной мере в словаре учитывалось все, что соотносится с интертекстом, под которым в аспекте лексикографическом целесообразно понимать совокупность инвариантных признаков, позволяющих устанавливать отношения деривационной общности между текстами.

Было бы неверным утверждать, что максимальное описание интертекстовых возможностей конкретного писателя имеет вспомогательный характер по отношению к комплексной «крылатой» лекси-

кографии. Это особое направление, способствующее исследованию творчества писателя, как исследуется оно, например, литературоведением. Еще в Предисловии к Словарю 1847 г. говорилось о роли конкретного писателя в истории языка и отмечалось место Крылова, который «блистательно довершил усовершенствование языка басни, соединил прелесть изящных поэтических образов с непринужденною свежестью народной речи» [21. С. 7].

Данный словарь может быть полезен студентам-филологам при изучении истории русского литературного языка, диалектологии, современного русского языка, русской речевой культуры и, в частности, истории формирования русской литературной нормы. Материалы словаря могут быть использованы в специализированных курсах по русской фразеологии, общей и писательской лексикографии. Говорить о предназначении справочника для широкой читательской аудитории, безусловно, нецелесообразно по ряду причин, однако в перспективе при тщательном отборе и значительном сокращении популярный словарь по басням Крылова мог бы быть интересен для всех, кто интересуется творчеством баснописца, русским языком и русской культурой. Однако и в этом случае принципы интертекстовой динамики должны сохраняться.

Наиболее перспективной представляется дальнейшая разработка двух видов интертекстовых справочников активного типа: во-первых, словарей, в меру лексикографической целесообразности охватывающих максимальное количество авторов и источников; во-вторых, писательских тезаурусов, стремящихся показать с наибольшей полнотой присутствие конкретного автора в круге словесной культуры.

Литература

1. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения: слов.-справ. / под общ. ред. К.П. Сидоренко. – СПб.: Свое издательство, 2013. – 680 с.
2. Сидоренко К.П. Интертекстовые связи пушкинского слова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – 253 с.
3. Шулежкова С.Г., Дядечко Л.П. Авторские образы и изречения в их лексикографическом отражении: (размышления по поводу книги В.М. Мокиенко и К.П. Сидоренко «Басни И.А. Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения». Санкт-Петербург, 2013 г.) // Филология и культура = Philology and Culture / Казан. (Приволж.) федеральный ун-т. – 2015. – № 2 (40). – С. 157–163.

4. *Сидоренко К.П.* Цитаты из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина в текстах разного жанра. – СПб.: Образование, 1998. – 318 с.
5. *Мокиенко В.М., Сидоренко К.П.* Словарь крылатых выражений Пушкина. – СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.
6. *Мокиенко В.М., Семенец О.П., Сидоренко К.П.* Большой словарь крылатых выражений А.С. Грибоедова («Горе от ума»). – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 800 с.
7. *Данилевская Н.В.* Макротекст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2003. – С. 216–221.
8. *Крылов И.А.* Басни / изд. подгот. А.П. Могилянский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 635 с. – (Лит. памятники / АН СССР; Отд-ние лит. и яз.).
9. *Дядечко Л.П.* Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность. – Киев: ИПЦ «Киевский университет», 2002. – 294 с.
10. *Шулежкова С.Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – М.: Азбуковник, 2002. – 286 с.
11. *Сидоренко К.П.* Полидискурсивность и интертекст («Волк на псарне» И.А. Крылова) // Вестн. Череповец. гос. ун-та. – 2012. – № 3, т. 1. – С. 84–87.
12. *Кеневич В.Ф.* Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. – 2-е изд. – СПб.: Тип. И.И. Глазунова, 1878. – 392 с.
13. *Аишук Н.С., Аишук М.Г.* Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – 4-е изд., доп. – М.: Худож. лит., 1987. – 528 с.
14. *Шулежкова С.Г.* «И жизнь, и слёзы, и любовь...»: происхождение, значение, судьба 1500 крылатых слов и выражений русского языка. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 848 с.
15. *Сидоренко К.П.* Басни И.А. Крылова в ассоциативных реакциях // Психолингвистические аспекты речевой деятельности / Урал. гос. пед. ун-т; Урал. психолингв. общество. – Екатеринбург, 2016. – Вып. 14. – С. 300–311.
16. *Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 1996. – 214 с.
17. *Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 24–38.
18. *Сидоренко К.П.* Опыт интертекстовой типологии словаря писателя // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие: пятые Жуковские чтения: материалы междунар. науч. симпоз., 4–6 мая 2011 г. / Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2011. – С. 476–479.
19. *Кольцова Л.М., Чуриков С.А.* Крылатое слово А.В. Кольцова: опыт словаря. – Воронеж: ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2009. – 172 с.
20. *Дядечко Л.П., Петренко О.В., Прайд Ю.Ф.* 250 крылатых слов и выражений Н.В. Гоголя: (рус.-укр. толковый словарь). 250 крылатых слов и выражений Н.В. Гоголя: (укр.-рус. толковый словарь). – Симферополь: Изд. ФЛП К.А. Лемешко, 2012. – 584, 236 с. – Книга-перевёртыш.
21. Предисловие // Словарь церковнославянского и русского языка, составленный 2-м Отделением Императорской Академии наук: в 4 т. – СПб., 1847. – Т. 1. – С. I–XXII.

ON THE PRINCIPLES OF THE DICTIONARY OF INTERTEXTUAL UNITS FROM I.A. KRYLOV'S FABLES

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography. 2016. 1 (9). 40–63.

DOI: 10.17223/22274200/9/4

Sidorenko Konstantin P., Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sidorenko274@yandex.ru

Keywords: intertext, intertextual dynamics, intertextual dispersion, intertextual space, segmentation of quotation, author's thesaurus.

The article considers some methods of lexicographical description of quotations, winged words and literary images from I.A. Krylov's fables. The fables by I.A. Krylov came into the circle of philological culture and have been present in the Russian macrotext for 200 years, from the beginning of the poet's fable creative work. The average educated native speaker of Russian knows 10–15 fables, about 70 fables can be found in dictionaries of winged words. The method of sequential selection shows that all 198 fables by I.A. Krylov were used in citation, but the position of such units is different. Krylov's intertextual dictionary has about 1700 vocables, a considerable part of them also shows the popularity of the writer's word, functioning of his expressions as a constantly transforming intertextual phenomenon which adapts to the changing discourse. In the article a classification of fables was proposed from the point of view of their common fame, frequency in quoting and new contexts producing. The analysis has shown that the main functional tendency of I.A. Krylov's expressions is semantic and structure change from a generalizing meaning to actualization of some components and their applying to everyday details.

In the Russian intertextual lexicography there were two directions which have determined the creation of two types of dictionaries: static and dynamic. First of all, it is the intertextual statics that assumes the description of material as an index of initial units focused on strict standard preservation of "someone else's word", and, as a rule, without illustrative material. On the other hand, the intertextual dynamics assumes that the author's word is considered functionally, first of all taking into account its convertibility, alternativeness, associative and standard mobility, variety and heterogeneity of illustrative contexts.

The dictionary of intertextual units from I.A. Krylov's fables has been focused on the processing of material according to the principles of dynamics. In this regard further development of two types of intertextual dictionaries is represented as most perspective: the personal thesaurus and the general vade-mecum covering the circle of verbal culture.

In Krylov's creativity one may find self-contained fables. Their content and quotation potential is polydiscursive and universal, applicable in a wide opened number of contexts. However, there are a lot of forgotten or half-forgotten (monodiscursive) fables that are still actively used in modern texts.

The dictionary is intended, first and foremost, for students-philologists in the study of the history of the Russian literary language, dialectology, modern Russian language, Russian speech culture and history of the formation of Russian literary norms.

References

1. Mokienko, V.M. & Sidorenko, K.P. (2013) *Basni Ivana Andreevicha Krylova: tsitaty, literaturnye obrazy, krylatye vyrazheniya: slovar'-spravochnik* [I.A. Krylov's Fables: Quotes, Images, Catch Phrases: a reference dictionary]. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo.

2. Sidorenko, K.P. (1999) *Intertekstovye svyazi pushkinskogo slova* [Intertextual connections of Pushkin's word]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University.
3. Shulezhkova, S.G. & Dyadechko, L.P. (2015) Authors' images and maxims in lexicographic studies (commentary on the book "I.A. Krylov's Fables: Quotes, Images, Catch Phrases" by V.M. Mokienko and K.P. Sidorenko, St.Petersburg, 2013). *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 2 (40), pp. 157–163. (In Russian).
4. Sidorenko, K.P. (1998) *Tsitaty iz "Evgeniya Onegin" A.S. Pushkina v tekstakh raznogo zhanra* [Quotes from Eugene Onegin by A.S. Pushkin in the texts of various genres]. St. Petersburg: Obrazovanie.
5. Mokienko, V.M. & Sidorenko, K.P. (1999) *Slovar' krylatykh vyrazheniy Pushkina* [The dictionary of Pushkin's winged words]. St. Petersburg: St. Petersburg State University; Folio-Press.
6. Mokienko, V.M., Semenets, O.P. & Sidorenko, K.P. (2009) *Bol'shoy slovar' krylatykh vyrazheniy A.S. Griboedova ("Gore ot uma")* [The Big Dictionary of A.S. Griboedov's winged words (Woe from Wit)]. Moscow: OLMA Media Grupp.
7. Danilevskaya, N.V. (2003) Makrotekst [Macrotext]. In: Kozhina, M.N. (ed.) *Stilisticheskiiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language]. Moscow: Flinta: Nauka.
8. Krylov, I.A. (1956) *Basni* [Fables]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
9. Dyadechko, L.P. (2002) *Krylatye slova kak ob'ekt lingvisticheskogo opisaniya: istoriya i sovremennost'* [Winged words as the object of linguistic description: past and present]. Kiev: Kievskiy universitet.
10. Shulezhkova, S.G. (2002) *Krylatye vyrazheniya russkogo yazyka, ikh istochniki i razvitiye* [Winged words of the Russian language, their sources and development]. Moscow: Azbukovnik.
11. Sidorenko, K.P. (2012) Polydiscursiveness and intertext ("The wolf in the kennels" by I.A. Krylov). *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3:1. pp. 84–87. (In Russian).
12. Kenevich, V.F. (1878) *Bibliograficheskie i istoricheskie primechaniya k basnyam Krylova* [Bibliographical and historical notes to Krylov's fables]. 2nd ed. St. Petersburg: Tip. I.I. Glazunova.
13. Ashukin, N.S. & Ashukina, M.G. (1987) *Krylatye slova. Literaturnye tsitaty. Obraznye vyrazheniya* [Winged words. Literary Quotations. Figurative expressions]. 4th ed. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
14. Shulezhkova, S.G. (2011) *"I zhizn', i slezy, i lyubov'..." : proiskhozhdenie, znachenie, sud'ba 1500 krylatykh slov i vyrazheniy russkogo yazyka* ["And life, and tears, and love . . .": the origin, meaning and fate of 1500 winged words and expressions of the Russian language]. Moscow: FLINTA; Nauka.
15. Sidorenko, K.P. (2016) *Basni I.A. Krylova v assotsiativnykh reaktsiyakh* [Fables of I.A. Krylov in associative reactions]. In: *Psikholingvisticheskie aspekty rechevoy deyatel'nosti* [Psycholinguistic aspects of speech activity]. Is. 14. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 300–311.
16. Gridina, T.A. (1996) *Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo* [Language game: stereotype and creativity]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
17. Shcherba, L.V. (1974) O troyakom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperimente v yazykoznanii [On the threefold aspect of linguistic phenomena, and on the ex-

periment in linguistics]. In: Shcherba, L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka.

18. Sidorenko, K.P. (2011) [Experience of intertext typology of the dictionary of a writer]. *Literaturnaya i dialektnaya frazeologiya: istoriya i razvitie: pyatye Zhukovskie chteniya* [Literary and dialectal phraseology: history and development: 5th Zhukovsky Readings]. Proceedings of the international symposium. 4–6 May 2011. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. pp. 476–479. (In Russian).

19. Kol'tsova, L.M. & Churikov, S.A. (2009) *Krylatoe slovo A.V. Kol'tsova: opyt slovary* [Winged words of A.V. Koltsov: the experience of a dictionary]. Voronezh: Voronezh State University.

20. Dyadechko, L.P., Petrenko, O.V. & Pradid, Yu.F. (2012) *250 krylatelykh slov i vyrazheniy N.V. Gogolya: (rus.-ukr. tolkovyy slovar')*. *250 krylatelykh slov i vyrazheniy N.V. Gogolya: (ukr.-rus. tolkovyy slovar')* [250 winged words and expressions of N.V. Gogol: (Russian-Ukrainian Dictionary). 250 winged words and expressions of N.V. Gogol: (Ukrainian-Russian Dictionary)]. Simferopol: Izd. FLP Lemeshko K.A.

21. 2nd Division of the Imperial Academy of Sciences. (1847) Predislovie [Preface]. In: *Slovar' tserkovnoslavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy 2-m Otdeleniem Imperatorskoy Akademii nauk: v 4 t.* [Dictionary of Church Slavonic and Russian composed by the 2nd Division of the Imperial Academy of Sciences: in 4 vols]. Vol. 1. St. Petersburg.

Г.А. Толстова

О СЛОВАРЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ АГАФЬИ КАРПОВНЫ ЛЫКОВОЙ

Статья посвящена словарю языка старообрядки-отшельницы Агафьи Лыковой, созданному на основе ее писем. Языковая личность А.К. Лыковой характеризуется как нетипичная, сформировавшаяся в уникальных условиях узкозамкнутого семейного коллектива, вне широких социальных связей. Эпистолярные источники словаря сохраняют стиль и лексику старообрядческой рукописной литературы. Рассматриваются тип словаря, его макроструктура и микроструктура, подробно освещаются особенности словарных статей, приводятся их образцы.

Ключевые слова: языковая личность, А.К. Лыкова, диалектная лексика, старообрядческая конфессиональная лексика, словарь, словарная статья.

С о второй половины XX в. в науке о языке начинает активно развиваться антропологистика. А.А. Леонтьев отмечает: «Как бы истово мы ни верили в то, что язык – общественное явление, но вскрыть его социальную природу мы можем, только исследуя его реальное формирование и функционирование у говорящих индивидов» [1. С. 23]. В трудах Ю.Н. Караулова [2], В.П. Нерознака [3] и их последователей формируется теория языковой личности; изучаются идиолекты конкретных говорящих, в том числе диалектоносителей [4, 5], создаются словари представителей народно-речевой культуры [6–10].

Среди типов языковых личностей, привлекающих наиболее пристальное внимание ученых, – «рядовой» / «не рядовой» носитель языка; «типичный, рядовой, средний» носитель языка / «творческая» языковая личность [11. С. 3]; «стандартная» / «нестандартная» языковая личность [3. С. 114]. В основу деления при этом взят критерий наличия ярко выраженных индивидуальных черт в языке, в данном случае отличающихся от общепринятых норм языка социума.

При обращении к речи старообрядки Агафьи Карповны Лыковой (далее АЛ) – единственного живого представителя семьи отшельников, прожившей в саянской тайге несколько десятилетий – ее языковая личность была обозначена как нетипичная [12]. Она

сформировалась вне естественной языковой среды, развитие устной речи ограничивалось семейным общением, письменной – чтением сакральных текстов. Контакты с основными носителями русского языка (под которыми понимаются представители языковой общности, чье формирование и функционирование как языковой личности происходит в социуме) появились у Агафьи Лыковой в 34-летнем возрасте. Развитие ЯЛ старообрядки обусловлено экстралингвистическими факторами, связанными с принадлежностью к старообрядческой конфессиональной среде, проживанием семьи в отшельничестве, появлением новых условий (контактов с основными носителями русского языка) для функционирования говора, наличием индивидуальных способностей к языку.

Известные в лексикографии диалектные словари личности отражают словарный состав индивида без отрыва от естественной языковой среды [6–10]. Пример идиолекта Агафьи Лыковой интересен тем, что языковая личность проживает в микросоциуме в условиях ограниченной речевой практики.

Одной из первых о языке семьи Лыковых написала Г.Г. Белоусова [13]. Лингвистами Казанского государственного университета с 1983 по 1987 г. были предприняты 4 научные экспедиции, результатом стали фрагментарные лингвистические наблюдения устной и письменной речи АЛ [14, 15, 16].

Истории рода Лыковых и особенностям их языка посвящены монографии «Древо Аввакума (Житие христиан Лыковых)» [17], «Полуустав в XXI веке (коллекция писем старообрядки А. Лыковой в собрании КККМ)» [18] и ряд научных статей автора данной публикации [19, 20, 21], наиболее детально изучена старообрядческая конфессиональная лексика АЛ [22].

Обобщающим трудом, в котором отражен идиолексикон нетипичной языковой личности, стал «Словарь языка Агафьи Лыковой» [23]. Он составлен на основе письменной речи старообрядки. Источниками лексикографической обработки стали 99 писем, написанных АЛ в период с 1983 по 2003 г. Сбор материалов проводился путем комплектования в Литературном музее (филиал Красноярского краевого краеведческого музея) автором данной статьи, они хранятся в фондах этнографии и редких письменных источников.

АЛ в письмах пользуется церковнославянской графикой, сохраняет стиль и лексику старообрядческой рукописной литера-

туры; 26 писем адресовано старообрядцам и 73 – нестарообрядцам. В первых письменных текстах (начала 1980-х гг.) явная социальная дифференциация в написании писем разным адресатам не наблюдается. Более поздние тексты писем старообрядцам и нестарообрядцам отличаются структурой, содержанием, построением фраз, использованием цитат из текстов Священного писания, графикой письма. Все письма АЛ рассмотрены в словаре с учётом речевой и социальной характеристики адресатов писем А.К. Лыковой. Особенности графики и стиля Агафьи Карповны сохранены полностью: тексты АЛ никакой орфографической правке не подвергаются, кроме примеров дефисного написания: кто-то, кое-что, во-первых.

Цель «Словаря языка Агафьи Лыковой» – отражение лексики конкретной личности, сформировавшейся в локальных условиях в отсутствие постоянных контактов с основными носителями русского языка.

Основные задачи словаря: 1) представить лексический состав идиолекта языковой личности; 2) лексикографически интерпретировать его через систему словарных помет; 3) обозначить количество употреблений отдельных слов; 4) выявить специфику словарного состава через сопоставление с данными словарей русского языка.

По типу словарь является идиолектным (поскольку отражает речевую практику одной языковой личности), **полным** (включает всю лексику писем АЛ); он входит в класс **диалектных словарей** (представляет лексику старообрядческого говора южных районов Приенисейской Сибири), относится к **толково-переводным** (при толковании лексики предполагает внутриязыковой перевод), **лексико-ономастическим** (включает в том числе и собственные имена: антропонимы и топонимы, встречающиеся в письмах и записях).

Словарный запас Агафьи Лыковой, отражённый в письменных текстах, представлен в алфавитном порядке в виде 2977 словарных статей.

В структуре словарной статьи «Словаря...» выделяются четыре зоны: **зона представления, квалификационная, иллюстративная и справочно-сопоставительная зоны.**

1. **Зона представления** начинается с заглавного слова в начальной форме: существительное в форме именительного падежа единственного числа, глагол в форме инфинитива, прилагательное в

форме именительного падежа мужского рода единственного числа и т.д. Прилагательное приводится в женском роде в случае употребления только применительно к женскому полу: дойная (коза). Заглавное слово может быть представлено в формальных вариантах, имеющих один корень и тождественную семантику: крещение и крещенне; диявольский и дияволий; деньги и денги.

После заглавного слова даны все словоформы лексемы, имеющиеся в текстах, они указываются более мелким шрифтом в орфографии источника:

пойти; **пошла, пошло, пошовъ, пошли, пойдетъ, пойду.** *Глаг.*

Формы, различающиеся в источниках написанием, приводятся рядом: агафія, агафья; бѣъ, богъ.

Общепотребительная лексика современного русского языка (зафиксированная без помет в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (МАС) – базовом словаре для сравнительного сопоставления исследуемых материалов [24]) – не толкуется. В зону представления входит значение слов, имеющих у АЛ отличную от данных базового словаря семантику, и сформулированное на основании контекста:

исправиться; **исправилась.** *Глаг.; старообр.* Здесь: стать годным к употреблению после освящения чтением молитв.

В речи АЛ широко представлены устойчивые сочетания и фразеологические обороты, они помещены со знаком ◇: Изнацедиться до конца (до конца изнацедиться) – нанести ущерб здоровью тяжелой физической работой.

Толкование значения таких единиц опирается на данные «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А.И. Молоткова (М., 1986) и словаря В.И. Даля «Пословицы русского народа» (М., 1999).

2. **Квалификационная зона** представляет лингвистические сведения о слове при помощи словарных помет. В словаре даются грамматические и лексические пометы.

Система грамматических помет в словаре минимальна: указывается часть речи, выделяются имена собственные – топонимы и антропонимы:

борозда; борозду. *Сущ.*

Абаза; доабазы, вабазе, вабазу, сабазы. *Сущ., собст., топон.*

Система лексических помет в словаре характеризует следующие категории словарных единиц: а) по территориальной общности (диалектная лексика); б) социальной общности (религиозная, семейная и окказиональная лексика); в) времени использования (устаревшая лексика и новые слова); г) профессиональной общности (профессиональная лексика и медицинские термины); д) эмоциональной окраске слова (уменьшительно-ласкательные, экспрессивные и образные слова).

Определение этих помет осуществлялось на основе сопоставления лексики писем АЛ с данными уже названного «Словаря русского языка».

Диалектной считается лексика, зафиксированная в 4-томном академическом словаре с пометой *обл.*; а также отсутствующая в нем, но отмеченная с локальной пометой в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (М., 2000) либо нашедшая отражение в сводном «Словаре русских народных говоров» (М.; Л., 1965. Вып. 1 и посл.) или общих и специальных диалектных словарях Сибири и Приенисейского региона: «Словаре русских говоров южных районов Красноярского края» (Красноярск, 1988), «Словаре русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – перв. пол. XVIII в.» (Новосибирск, 1991), «Словаре русских говоров северных районов Красноярского края» (Красноярск, 1992), «Словаре русских говоров Сибири» (Новосибирск, 1999), «Материалах к областному словарю сибирского наречия; Красноярский уезд Енисейской губернии» В.И. Анучина (Красноярск, 1902), «Опыте лесного словаря на материале говоров Красноярского края» К.П. Михалап (Красноярск, 1994), «Словаре рыбаков и охотников Северного Приангарья» (Красноярск, 1994), «Словаре сибирского (челдонского) говора» В.И. Чашина (Красноярск, 2003). «Словаре лексики лесного сплава XVIII – перв. пол. XX вв.» Г.Л. Гладиловой (Красноярск, 2007). Кроме того, нами использованы рукописные словари – «Краткий

словарь кежемского говора» А.Ф. Карнаухова (Красноярский край, Кежда, 1966) и «Словарь старообрядцев титовского согласия Красноярского края» Н.Г. Сидоркиной (Красноярский край, 2002), хранящиеся в Красноярском краевом краеведческом музее.

Диалектная лексика отличается от общенародной не только более узкой сферой употребления, но и рядом других особенностей: фонетических, грамматических, лексико-семантических. В соответствии с этими особенностями выделены следующие типы диалектных слов: фонетические (*диал., фонет.*): давленне 'давление', взеться 'взяться', болной 'больной'; лексико-фонетические (*диал. лексико-фонет.*): пореду 'по ряду, по порядку', владенне 'владение, сила'; лексические (*диал., лексич.*): лапатина 'одежда', насочить 'ошкурить'; словообразовательные (*диал., словообр.*): накладавать 'накладывать', натаскавать 'натаскивать'; грамматические (*диал., грам.*): десятой 'десятый', короткой 'короткий'. Например:

желание и желанне; **желание, желаніе и желання**. *Сущ.; 2-е – диал., фонет.* Желание.

лапатина; **влапатине, влапатину**. *Сущ.; диал., лексич.* Одежда¹.

оказавать; **оказававл**. *Глаг.; диал., словообр.* Оказывать.

пчелинной; **пчелинной**. *Прил.; диал., грам.* Пчелиный.

В словаре широко представлена сакрально-богослужебная лексика, под которой понимаем лексику религиозной сферы в целом, т.е. лексические единицы, представляющие основные понятия вероисповедной сферы, именующие идеи, образы и явления главного источника христианского вероучения – Библии, отражающие обрядовую, ритуальную сторону православной религии; и сакрализованные слова – совокупность лексических единиц, во вторичном своем значении соотносимых с понятием «вера», отражающих миропонимание ЯЛ через восприятие текстов Священного писания и ориентированных на них. Сакрально-богослужебная лексика состоит из единиц, обозначенных нами, в свою очередь, как православные и старообрядческие конфессиональные. Термином «православная лексика»

¹ По мнению участников разных экспедиций на Еринат Л.С. Черепанова, Э.В. Мотакковой, И.П. Назарова и др., для Лыковых это общее название одежды, об этом же говорят материалы экспедиций автора словаря.

названа нами совокупность слов, отражающих вероисповедную сферу религии, которая включает общий для всех православных словарный фонд. Старообрядческой конфессиональной лексикой мы назвали пласт богослужбной лексики православной религии, присущий старообрядческой языковой среде.

Сакральнo-богослужeбная лексика и фразеология представлены пометой *сакр.-богосл.*, при этом старообрядческие конфессиональные словарные единицы выделены пометой *старообр.* Автор писем – глубоко верующий человек, воспитанный на библейских заповедях, сформировавшийся в особых условиях восприятия священных текстов, ведёт иноческий образ жизни, в религиозной лексике отражено мировосприятие старообрядцев. При толковании религиозных лексических единиц использовались данные богословских словарей: «Большого путеводителя по Библии» (М., 1993), «Полного православного богословского энциклопедического словаря» (М., 1992); «Полного церковно-славянского словаря». (М., 1998); энциклопедического словаря С.Г. Вургафта и И.А. Ушакова «Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы» (М., 1996):

правило; правило, правила. *Сущ.; диал., семант.; сакр.-богосл.* 1. Постановления Вселенских и Поместных соборов. 2. Установленное богослужение; молитвы, читаемые в определенных случаях.

братия; братии, братіи. *Сущ., собир.; сакр.-богосл, старообр.* Здесь: старообрядческая община. ♦ О христе братия – сообщество строгих (крепких) старообрядцев.

Квалификационная зона содержит также временную характеристику слова: устаревшая лексика отражена в пометах *устар.* (наипаче 'более всего', лани 'в прошлом году'), *истор.* (жерженка 'река в Нижегородской области, Жерженец – один из духовных центров старообрядчества'); новые понятия, вошедшие в жизнь АЛ с 1980-х гг., нашли отражение в словаре с пометой *нов.:* поезд, верталет 'вертолет', аперация 'операция':

аперацыя; саперацый. *Сущ.; диал. фонет.; мед.¹ нов.* Операция.

С целью уточнения семантики религиозной и устаревшей лексики из лексикона старообрядки она сопоставляется также с данными исторических словарей: «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» (М., 1988–2008); «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (М., 1975–2001); «Словаря русского языка XVIII в.» (Л., 1984–1995); «Словаря архаизмов» (М., 2001); «Словаря языка мангазейских памятников XVII – перв. пол. XVIII в.» Н.А. Цомакион (Красноярск, 1971).

В словаре отражена, кроме того, семейная лексика (под которой понимаются лексические единицы, бытующие только в узкосемейном кругу Лыковых; они выделялись при сопоставлении с данными региональных диалектных словарей, а также в результате общения с А.К. Лыковой: *семей.*: заоблегчивать 'полегчать', испростудить 'застудить, подвергнуть переохлаждению'); окказиональная лексика (*окказ.*: ветрадуйка 'холодная изба'); профессиональная (*проф.*: вагонка 'строительный материал, доски определенного размера'); медицинские термины (*мед.*: меновазин 'лекарственный препарат, мазь'); лексика экспрессивная (*экспресс.*: всеядовитый 'вредный, смертоносный') и образная (*образн.*: молотить 'болтать').

Имена собственные в словаре (помет. *собст.*) дают представление о сфере общения Агафьи Карповны Лыковой, ориентируют читателя в пространстве:

Абакан; наабакань, доабакана, сабакана, вабакан, абакань, вабакань. *Сущ., собст., топон.* 1. Река, правый приток Енисея. 2. Город, столица Хакасии.

Топонимы, включенные в словарь, проверены по «Топонимическому словарю Хакаско-Минусинского края» В.Я. Бутанаева (Абакан, 1995), изданию «Почему так названы: Топонимический словарь, топонимические очерки» Ю.Р. Кисловского, «Словарю топонимов и микропонимов Красноярского края» (Красноярск, 2000).

¹ Помета при медицинских терминах.

При лексикографировании антропонимов проведена тщательная работа по их атрибутированию:

Дунаева; **дунаевой**, д. Суц., *собст.* Женская фамилия. Здесь: Галина Ивановна Дунаева – пенсионерка из г. Пушкино Московской области, жила на Еринате летом 1990 г.

3. **Иллюстративная зона** представляет примеры употребления слов в контексте с указанием источника. Источник указывается в круглых скобках после примера: первая цифра – номер письма, вторая – номер страницы.

В конце иллюстративной зоны приводится количество употреблений слова. По употребительности слова подразделяются на группы: единичные – до 5 употреблений, редкие – до 10, распространённые – до 30, частотные – более 30. Данные «Словаря языка Агафьи Лыковой» по частотности лексем выявляют следующую картину: единичные: 2087 – 70,1%; редкие: 209 – 7,02%; распространенные: 204 – 6,85%; частотные: 166 – 5,57%.

Каждая лексема иллюстрируется 10 примерами. От 10 до 30 употреблений указываются в словарной статье по источникам, частотные же лексемы обозначаются пометой «и т.п.». В примерах представляются значения и оттенки значения в различных контекстах:

дело; **дело**, **деломъ**, **оделе**, **поделамаъ**, **надело**, **задело**, **дела**, **вделахъ**. Суц.

◇ Главное дело. ◇ Грешное дело. *Религ.* СМол:¹ нет. ◇ Греховно дело – поступок, приводящий к совершению греха. *Религ.* СМол: нет. ◇ Духовное дело – вероучение, богослужебные обряды. *Религ.* СМол: нет. ◇ Пустынное дело – образ жизни, поведение в уединенном безлюдном месте. ◇ Такое дело. СМол: нет. ◇ Опасное дело. СМол: Гиблое дело – ни к чему к хорошему не приведёт; опасно, губельно (делать что-либо).

самое главное **дело** чтобы вдому миръ бывъ илюбовь (10, 4–5). левъ ст ч /Степанович Черепанов/ заето **дело** взавса избавить етой

¹ Сокращение обозначает данные проверки по «Фразеологическому словарю русского языка» под ред. А.И. Молоткова.

беды (12, 1). анисимъ мне зять заанисимомъ ия сестры двоюродны ивотъ такое **дело** (16, 1–2). анисимъ тропинъ тоже поспрашевала унихъ одуховномъ **деле** (17, 1–2). я бы очень стобой хотела повидатса ипоговорить одуховномъ **деле** (18, 2). подомашнымъ **деламъ** работаю, ибѣу /Богу/ молюсь (19, 1–2). время нету писать обетомъ **деле** (21, 1–2). остановите козу дойну разыскивать, пока, ето **дело** оставить (35, 2). вотъ такое **дело** скозами (35, 8). нокогда я ето, ивану седмова августа сказава ему нипустыннымъ **деломъ** занявса надо летомято дровъ заготовит дакозамъ корму дакъ онъ страшно наменя разъяривса (120,5).

(9, 1; 21, 1–2; 21, 1–2; 28, 1; 39, 3–4; 39, 3–4; 40, 1–2; 44, 4–6; 46, 2; 48, 3–4; 48, 4–5; 48, 4–5; 53, 1–3; 54, 3–4; 54, 3–4; 54, 3–4; 59, 1–2; 60, 1; 60, 4 и т.д.).

МАС: есть.

В косых скобках дана расшифровка:

– сокращенных слов, принятых в церковнославянском языке: гДи /Господи/, ис^{тм}ыхъ оцѣ /и святых отцов/;

– букв, использованных автором писем при передаче фамилий и инициалов людей: левъ с ч /Степанович Черепанов/, игорь п /Павлович/, а н /Александра Наумовна/;

– славянских цифр при обозначении чисел и дат: выбывъ ссевера і /10/ декабря писала агафія;

– даны пояснения, уточнения к сокращённым предложениям (особенность автора писем – построение сложных, громоздких предложений): нонче они погулялись суягны, иболеють тоже /о козах/.

4. В **сравнительно-сопоставительную зону** включены для сопоставления данные МАС, диалектных, исторических, богословских, топонимических словарей, перечисленных выше. Приведем примеры сравнительно-сопоставительной зоны словарной статьи для областного слова **лапатина**:

В¹: лопоть, лопотина – верхняя одежда рабочая и особ. праздничная. Г: лопатина, лопастина с другим значением. Кар: лопать, лопатина – одежда. ДТ: тоже лопать, лопотной, лопотина – верхняя одежда; Арх., Вят., Сиб. Пан: лопотина, лопоть – одежда. СРГС: лопотина, лопоть – 1) общее название одежды; 2) верхняя

¹ Буквами и аббревиатурами в словарных статьях обозначены названия словарей, привлекавшихся для сопоставления материала.

одежда; 3) старая поношенная одежда. СРНГ: лопотина – одежда; Волог., Костром., Арх., Вят., Нижегород., Киров., Перм., Север., Свердл., Челябин., Курган., Тобол., Новосиб., Краснояр., Енис., Иркут., Забайк. СЦГ: лопотина, лопоть – одежда; лопотинка, лопотишко – одежда (*уничиж.*). СЮГ: лопотина – 1) общее название одежды; 2) предмет одежды. ССГ: лопотина – одежда. СХI–XVII: лопоть – одежда, главным образом рабочая; лопотье – одежда, старая одежда. СХVIII: лопоть и лопотье – ветхая одежда. Ц: лопоть, лопотинка, лопотишка – одежда. Ч: лопоть – одежда. МАС, А, Мих, Пет, СА, Сид: нет;

лексемы из религиозной сферы **правило**:

МАС: есть, с др. знач. – 1) положение, выражающее определенную закономерность, постоянное соотношение каких-либо явлений; 2) положение, установка, принцип, служащие руководством в чем-л. СХI–XIV: правило – 1) установленное правило, канон; 2) норма поведения жизни. Ц: правленье – 1) установленное богослужение. СХI–XVII: правило – 9) церковный канон, правило. СХVIII: 9) церковный канон, правило; 10) устав, свод правил. ПБС: правильник – богослужебная книга, относящаяся к частному богослужению и содержащая для священнослужителей, готовящихся совершать литургию, и для мирян, намеревающихся приступить к таинству евхаристии, «правило» как готовить себя к принятию св. тайн Христовых, а также самые службы и молитвословия, требуемые правилом. Правило печатается также в «Служебнике» и в Следованной Псалтири. В конце книги находится «Известие учительное», помещаемое также в конце «Служебника». ПЦС: правила или каноны церкви – утвердившись обычаем, были преданы письмени в 3 в. К 85 правилам апостольским присоединены правила вселенских и поместных соборов и знаменитейших отцов. Объяснения правил писали Зонара, Алексей Аристин, Федор Вальсамон и пр. Сборник правил с прибавлением законов византийских императоров был назван Номоканон и Кормчей книгой. В подлинном виде правила изданы в «Книге правил». Ск: последовательность молитв, читаемых в определенное время и с определенной целью. Ц: правление – установленное богослужение. БПБ, Пан, СА, Ст: нет;

топонима **Абакан**:

В: Название города от «Абакана», правого притока р. Енисей. Элемент *аба* восходит к древнему этнониму *аба, абалар; кан* нере-

док в гидронимах Сибири в значении река. Распространенное объяснение гидронима А. «медвежья кровь» ошибочно. Кис: Название города от реки Абакан. Этимология названия реки имеет несколько вариантов, в том числе народное истолкование из древних хакасских легенд. По мнению автора, первая часть происходит либо от имени древнего племени абинцев, либо от хакасского со значением «медвежий». Вторая часть его, распространённый в Южной Сибири гидроним *кан*, происходит либо от слова со значением «река, приток большой реки» (канг), либо от слова «река» (кан) на языке древних тюркских племён. Б: нет.

Как показывают данные «Словаря языка Агафьи Лыковой», лексическая система идиолекта состоит из следующих компонентов: 1) общерусская лексика; 2) диалектная лексика старожильского населения южных районов Красноярского края, сложившаяся в результате смешения говоров севернорусского и южнорусского происхождения; 3) сакрально-богослужебная лексика; 4) семейная и окказиональная лексика.

В письменной речи старообрядки доминирует книжная лексика. Её эпистолярные тексты ориентированы на традиции древнерусских житий. В лингвистических исследованиях русских народных говоров процент диалектных слов по отношению к общерусской лексике сильно колеблется: 4–5% у Г.И. Мельниченко [25. С. 4], от 12 до 20% у В.А. Сенкевича [26. С. 55], 14% (и 43,8% диалектных вариантов общерусских слов) у О.И. Блиновой [27. С. 43], около ¼ части у Н.Т. Бухаревой [28. С. 97], 32,5% у Н.А. Лукьяновой [29. 5], 10% у В.П. Тимофеева [6. С. 17, 19], 39,86% у Е.В. Иванцовой (включая диалектные варианты общерусских слов, собственно диалектные слова, диалектно-просторечные слова, диалектно-просторечные варианты общерусских слов, диалектные варианты диалектно-просторечных слов) [9. С. 40–43]. Сравнение нами данных О.И. Блиновой (43,8%) и подсчетов по «Полному словарю диалектной языковой личности» Е.В. Иванцовой (около 40%) с данными «Словаря языка Агафьи Лыковой» (524 лексемы – 17,6 % от 2977 словарных единиц) свидетельствует о значительно меньшем числе диалектных элементов в языке старообрядки. Причина этого факта, очевидно, в отсутствии живой диалектной языковой среды и в ориентации языковой личности на книжную лексику, что обусловлено чтением старопечатных книг и текстов старообрядческой литерату-

ры. В соотношении предметная / отвлеченная (абстрактная) лексика превалируют предметные лексические единицы, что связано с мировосприятием языковой личности, выросшей в строгой, консервативной старообрядческой среде. Данное явление у рядовых диалектоносителей лингвисты объясняют особенностью народного мировосприятия (см., например, [5]).

В «Словаре языка Агафьи Лыковой» лексикографически обработаны и введены в научный оборот уникальные материалы писем старообрядки-отшельницы – языковой личности, сформировавшейся в микросоциуме и сохранившей особенности развития русского языка разных эпох (полууставное письмо, диакритические знаки, лексико-семантические значения слов).

В настоящее время подготовлено второе дополненное и исправленное издание словаря, которое планируется издать под названием «Словарь языка старообрядки А.К. Лыковой». В нем отражены новые материалы эпистолярия информанта (круг источников пополнился 32 письмами АЛ), значительно расширен словник (на данный момент он составляет около 4000 словарных статей). В процессе переработки внесены исправления в толкование ряда лексических значений слов; уточнена и расширена система помет. Публикация «Словаря языка старообрядки А.К. Лыковой» даст новые ценные материалы для изучения диалектной языковой личности из старообрядческой конфессиональной среды.

Литература

1. Леонтьев А.А. Объект и предмет социолингвистики и ее отношение к другим наукам о речевой деятельности // Теория речевой деятельности. – М.: Наука, 1968. – С. 14–31.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 264 с.
3. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. – М., 1996. – С. 112–116.
4. Лютикова В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект: дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2000. – 316 с.
5. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 312 с.
6. Тимофеев В.П. Диалектный словарь личности. – Шадринск, 1971. – 141 с.
7. Лютикова В.Д. Словарь диалектной личности. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2000. – 188 с.

8. Нефёдова Е.А. Экспрессивный словарь личности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 144 с.
9. Иванцова Е.В. Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 162 с.
10. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. – Т. 1–4.
11. Чулкина Н.Л. Модель лексикона носителя русского языка как способ представления лексической системы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987. – 14 с.
12. Толстова Г.А. Условия формирования и функционирования нетипичной языковой личности старообрядки-отшельницы А. Лыковой // Материалы регион. науч.-практ. конф. «Язык и социальная динамика» 24 мая 2008 г., Красноярск, Сибирский государственный аэрокосмический университет им. М.Ф. Решетнева. – Красноярск, 2008. – С. 35–38.
13. Белоусова Г.Г. Определение диалектной основы одного сибирского старообрядческого говора по данным лингвистической географии (на примере говора семьи Лыковых) // Тез. докл. конф. Ин-та рус. яз. АН СССР. Ужгород, 1984. – С. 64–68.
14. Альмухамедова З.М., Маркелов В.С., Слесарева Г.П. и др. Из наблюдений над речью Лыковых – старожилов на реке Абакан // Фонетика и письмо. – Устинов, 1986. – С. 103–115.
15. Маркелов В.С. Письма Агафьи Лыковой // Русская речь. – 2000. – № 3. – С. 65–73.
16. Слесарева Г.П. Звуковой портрет Агафьи Лыковой // Материалы Междунар. съезда русистов в Красноярске. – Красноярск, 1997. – Т. 1. – С. 173–174.
17. Толстова Г.А. Древо Аввакума (Житие христиан Лыковых). – Красноярск, 2008. – 80 с.
18. Толстова Г.А. Полуустав в XXI веке (письма Агафьи Лыковой в собрании Красноярского краевого краеведческого музея). – Красноярск: ЛИТЕРА-принт, 2011. – 140 с.
19. Толстова Г.А. Культура языковой личности: Религиозная лексика в письмах старообрядки Агафьи Лыковой // Русский язык и культура речи: Сб. материалов семинара-конференции, Красноярск, 14–16 марта 2006. – Красноярск, 2006. – С. 246–256.
20. Толстова Г.А. Отражение сакрального мировосприятия в языке старообрядки Агафьи Лыковой // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы V Междунар. конф., 31 мая – 1 июня 2007 г., Улан-Удэ. – Улан-Удэ, 2007. – С. 262–272.
21. Толстова Г.А. Сакрализация понятий «книга» и «грамотность» «крепкими» старovernами в Приенисейской Сибири (по материалам экспедиционных исследований) // Образование и глобализация: материалы III Байкальской междунар. конф. Улан-Удэ, Бурятский государственный университет, 1–4 июля 2009 г. – Улан-Удэ, 2009. – Ч. 2. – С. 243–246.
22. Толстова Г.А. Старообрядческая конфессиональная лексика в письменной речи Агафьи Лыковой: дис. ... канд. филол. наук. – 461 с. Приложение к диссертации: Языковая личность А.К. Лыковой. – 133 с. – Кемерово, 2007.

23. Толстова Г.А. Словарь языка Агафьи Лыковой. – Красноярск: Изд-во КГПУ им. В.П. Астафьева, 2004. – 562 с.
24. Словарь русского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1981–1984.
25. Мельниченко Г.И. Характеристика словарного состава местного говора по степени употребительности слов // Докл. на научн. конф. 1962. – Ярославль, 1962. – Т. 1, вып. 2. – С. 245–254.
26. Сенкевич В.А. Исследование лексических и аффиксальных особенностей функционирования русского языка. – Челябинск, 1973. – 267 с.
27. Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. – 257 с.
28. Бухарева Н.Т. О специфике лексического состава русских говоров Сибири // Вопр. языка и литературы. – Новосибирск, 1968. – Вып. 2, ч. 1. – С. 88–100.
29. Лукьянова Н.А. Системные отношения в лексике говоров Сузунского и Ордынского районов Новосибирской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1966. – 19 с.

ON THE DICTIONARY OF THE OLD BELIEVER LANGUAGE PERSONALITY OF AGAFYA KARPOVNA LYKOVA

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography. 2016. 1 (9). 64–81.

DOI: 10.17223/22274200/9/5

Tolstova Galina A., Krasnoyarsk Literary Museum (Krasnoyarsk, Russian Federation).

E-mail: tgakras@bk.ru

Keywords: language personality, A.K. Lykova, dialect vocabulary, old believer confessional vocabulary, dictionary, lexical article.

The thought about the priority of individual language acquires increasingly more supporters. Typical and untypical language personalities are studied by linguists. The author studies the brightest example of an untypical language personality, the Old Believer Agafya Karpovna Lykova, the only living representative of the family of recluses that lived in the Sayan taiga for several decades. The formation and functioning of the language personality of the Old Believer is caused by extralinguistic factors connected with the belonging to the Old Believer confession, the family living in reclusion, the new conditions for the dialect functioning due to frequent contacts with representatives of society, the individual language ability.

A noticeable contribution to the study of the language of the Old Believer is *The Dictionary of Agafya Lykova's Language*. The sources of the lexicographical processing were 99 letters that the language personality wrote in the period from 1983 to 2003.

The purpose of *The Dictionary of Agafya Lykova's Language* is the reflection of the vocabulary of the concrete personality which was formed under the local conditions in the absence of fixed contacts with major Russian language speakers.

The basic tasks of the dictionary are 1) to present the lexical composition of the idiolect of the language personality; 2) to interpret it lexicographically through the system of lexical marks; 3) to designate the number of uses of individual words; 4) to reveal the specific character of the vocabulary through the comparison with the data of the dictionaries of the Russian language.

According to its type the dictionary is complete (since it includes the entire vocabulary of Lykova's letters); it belongs to dialect dictionaries of a language personality (it

presents the vocabulary of the Old Believer dialect of the southern regions of Yenisei Siberia), to explanatory-translation (it assumes intralingual translation) and lexical-onomastic (it includes proper names: anthroponyms and toponyms from the letters and records).

The vocabulary of Agafya Lykova, reflected in the written texts, is represented in the alphabetical order in the form of 2977 entries.

The structure of the entry includes four zones: a **zone of representation**, a **zone of qualification**, an **illustrative zone** and a **comparative zone**.

1) The **zone of representation** begins from the title word in the initial form, then word forms are given that exist in the texts.

2) The **zone of qualification** presents linguistic information about the word by the use of lexical marks.

3) The **illustrative zone** presents examples of the use of words in the context with the indication of the source. At the end of the illustrative zone the number of word uses is given.

4) The **comparative zone** uses data of 27 dictionaries (explanatory, general dialect, local dialect, toponymic, theological, historical, of obsolete words, of phrases and idioms). The basic dictionary in this case is *The Dictionary of the Russian language* (Moscow, 1981–1984). Each word of the Lykova's language dictionary is verified in this edition to attribute it to classes of lexical units.

As the data of *The Dictionary of Agafya Lykova's Language* show, the lexical system of the idiolect consists of the following components: 1) all-Russian vocabulary; 2) dialect vocabulary of the old-resident population of the southern regions of Krasnoyarsk Krai which originated as a result of the mixing of the North-Russian and South-Russian dialects; 3) sacral liturgical vocabulary; 4) family and occasional vocabulary.

The practical significance of *The Dictionary of Agafya Lykova's Language* consists in the fact that unique materials are assembled, systematized, lexicographically processed, represented in the dictionary and introduced into the scientific use: letters of the Old Believer recluse, the language personality which was formed in a micro-society and preserved special features of the development of the Russian language of different epochs.

References

1. Leont'ev, A.A. (1968) Ob'ekt i predmet sotsiolingvistiki i ee otnoshenie k drugim naukam o rechevoy deyatel'nosti [Object and The subject and object of sociolinguistics and its relation to other sciences about the speech activity]. In: Leont'ev, A.A. *Teoriya rechevoy deyatel'nosti* [The theory of speech activity]. Moscow: Nauka.
2. Karaulov, Yu.N. (2002) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian language and language personality]. Moscow: Editorial URSS.
3. Neroznak, V.P. (1996) Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny [Linguistic personality: on the determination of the status of discipline]. In: *Yazyk. Poetika. Perevod* [Language. Poetics. Translation]. Moscow: Moscow State Linguistic University.
4. Lyutikova, V.D. (2000) *Yazykovaya lichnost': idiolekt i dialekt* [Language personality: idiolect and dialect]. Philology Dr. Diss. Ekaterinburg.
5. Ivantsova, E.V. (2002) *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The phenomenon of the dialect language personality]. Tomsk: Tomsk State University.

6. Timofeev, V.P. (1971) *Dialektnyy slovar' lichnosti* [The dialect dictionary of personality]. Shadrinsk.
7. Lyutikova, V.D. (2000) *Slovar' dialektnoy lichnosti* [The dictionary of dialect personality]. Tyumen: Tyumen State University.
8. Nefedova, E.A. (2001) *Ekspressivnyy slovar' lichnosti* [The expressive dictionary of personality]. Moscow: Moscow State University.
9. Ivantsova, E.V. (2005) *Idiolektnyy slovar' sravneniy sibirskogo starozhila* [The idiolect dictionary of the comparisons of a Siberian old resident]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006–2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete Dictionary of the Dialect Language Personality]. Vols 1–4. Tomsk: Tomsk State University.
11. Chulkina, N.L. (1987) *Model' leksikona nositelya russkogo yazyka kak sposob predstavleniya leksicheskoy sistemy* [Model of the lexicon of the Russian language speaker as a method of lexical system representation]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
12. Tolstova, G.A. (2008) [Conditions of formation and functioning of the untypical language personality of the Old-Believer and recluse A. Lykova]. *Yazyk i sotsial'naya dinamika* [Language and social dynamics]. Proceedings of the regional practical-scientific conference. 24 May 2008. Krasnoyarsk: Siberian State Aerospace University. pp. 35–38. (In Russian).
13. Belousova, G.G. (1984) [Determination of the dialect basis of a Siberian Old Believer dialect according to the data of linguistic geography (based on the example of the dialect of the Lykov family)]. *Theses of the reports at the conference of the Institute of the Russian Language, USSR AS. Uzhgorod*. pp. 64–68. (In Russian).
14. Al'mukhamedova, Z.M. et al. (1986) Iz nablyudeniyy nad rech'yu Lykovykh – starozhilov na reke Abakan [From the observations of the speech of the Lykovs, old residents on the Abakan river]. In: *Fonetika i pis'mo* [Phonetics and writing]. Ustinov.
15. Markelov, V.S. (2000) Pis'ma Agaf'i Lykovoy [Agafya Lykova's Letters]. *Russkaya rech'.* 3. pp. 65–73.
16. Slesareva, G.P. (1997) Zvukovoy portret Agaf'i Lykovoy [The sound portrait of Agafya Lykova]. *Proceedings of the international congress of philologists in Krasnoyarsk*. Vol. 1. Krasnoyarsk. pp. 173–174. (In Russian).
17. Tolstova, G.A. (2008) *Drevo Avvakuma (Zhitie khristian Lykovykh)* [Tree of Habbakuk (The Life of the Lykovs, Christians)]. Krasnoyarsk: Trend.
18. Tolstova, G.A. (2011) *Poluustav v XXI veke (pis'ma Agaf'i Lykovoy v sobranii Krasnoyarskogo kraevogo kraevedcheskogo muzeya)* [Semi-uncial in the 21st century (Agafya Lykova's letters in the collection of Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore)]. Krasnoyarsk: LITERA-print.
19. Tolstova, G.A. (2006) [Culture of the language personality: Religious vocabulary in the letters of the Old Believer Agafya Lykova]. *Russkiy yazyk i kul'tura rechi* [The Russian language and the culture of speech]. Proceedings of the seminar-conference. 14–16 March 2006. Krasnoyarsk. pp. 246–256. (In Russian).
20. Tolstova, G.A. (2007) [Reflection of the sacral world view in the old believer Agafya Lykova's language]. *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi* [Old Belief: history and the present, local traditions, the Russian and foreign connections]. Proceedings of the V international conference. 31 May – 1 June 2007. Ulan-Ude. pp. 262–272. (In Russian).

21. Tolstova, G.A. (2009) [Sacralization of concepts “book” and “literacy” by “strong” Old Believers in Yenisei Siberia (based on materials of expedition studies)]. *Obrazovanie i globalizatsiya* [Education and globalization]. Proceedings of II Baikal international conference. 1–4 July 2009. Pt. 2. Ulan-Ude: Buryat State University. pp. 243–246. (In Russian).
22. Tolstova, G.A. (2007) *Staroobryadcheskaya konfessional'naya leksika v pis'mennoy rechi Agaf'i Lykovoy* [Old Believer confessional vocabulary in the written language of Agafya Lykova]. Philology Cand. Diss. Kemerovo.
23. Tolstova, G.A. (2004) *Slovar' yazyka Agaf'i Lykovoy* [Dictionary of Agafya Lykova's language]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
24. Ozhegov, S.I. (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vols 1–4. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
25. Mel'nichenko, G.I. (1962) [Description of the vocabulary of a local dialect according to the degree of word usage]. *Proceedings of the conference*. Vol. 1. Pt. 2. Yaroslavl. pp. 245–254. (In Russian).
26. Senkevich, V.A. (1973) *Issledovanie leksicheskikh i affiks'al'nykh osobennostey funktsionirovaniya russkogo yazyka* [Study of the lexical and affixal special features of the functioning of the Russian language]. Chelyabinsk.
27. Blinova, O.I. (1975) *Vvedenie v sovremennuyu regional'nuyu leksikologiyu* [Introduction to contemporary regional lexicology]. Tomsk: Tomsk State University.
28. Bukhareva, N.T. (1968) O spetsifike leksicheskogo sostava russkikh govorov Sibiri [On the specific character of the lexical composition of the Russian dialects of Siberia]. In: *Voprosy yazyka i literatury* [Questions of language and literature]. Is. 2:1. Novosibirsk. pp. 88–100.
29. Luk'yanova, N.A. (1966) *Sistemnye otnosheniya v leksike govorov Suzunskogo i Ordynskogo rayonov Novosibirskoy oblasti* [System relations in the vocabulary of the dialects of the Suzunsky and Ordynsky districts of Novosibirsk Oblast]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.

О.П. Фесенко

КОМПЬЮТЕРНЫЙ СЛОВАРЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ДРУЖЕСКИХ ПИСЕМ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ: ПРОЕКТ ДИСКУРСИВНОГО ДИНАМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

В статье рассматривается возможность создания компьютерного словаря фразеологизмов дружеских писем первой трети XIX в. Приводится его структура, описывается содержание словарной статьи: значения фразеологической единицы, стилистическая окраска (в сопоставлении с данными словарей XVIII–XXI вв.), окказиональные варианты, исчерпывающий перечень примеров употребления и т.п. Анализируются возможности словаря отражать динамику фразеологического состава языка и дискурсивные свойства фразеологизмов.

Ключевые слова: компьютерная лексикография, фразеологический словарь, дискурсивный словарь, динамический словарь.

Лексикография – активно развивающаяся отрасль современной лингвистики. Сегодня в арсенале лексикографов огромное разнообразие словарей самых разных типов и жанров. С каждым годом их становится все больше. В наши дни лексикография переживает свой расцвет, начавшийся в середине XX столетия. Если анализировать особенности развития лексикографической практики, то можно отметить, что среди множества направлений выделяется разработка компьютерных словарей и словарей новых типов, в которых авторы и составители пытаются отразить антропоцентричность речи и динамику языковой системы.

Словарная работа на протяжении всего своего существования движется «от значения к смыслу». Такое направление развития связано, прежде всего, с тем, что, как верно отмечал А. Рей, объектом описания в толковом словаре «могут выступать две разные реальности, что влечет за собой два возможных типа описаний» [1. С. 264]. Речь идет о словарях системы (или ее элементов: слов, фразеологизмов) и словарях употреблений. Это различие, по мнению ученого, для одноязычной лексикографии носит фундаментальный характер. «Толковый словарь либо может строиться как описание лексического компонента языковой системы, либо может быть нацелен на более широкое изучение, охватывающее действие этой системы в различных сферах ее употребления» [1. С. 265]. Объединить оба на-

правления в развитии лексикографии может динамический дискурсивный компьютерный словарь. Сложной задачей для исследователя становится необходимость продемонстрировать не просто динамичность конкретного языкового периода или особенности языка конкретной языковой личности. В словаре нового типа сделать это надо одновременно (в рамках одного лексикографического издания) с учётом двух важнейших составляющих:

1) тех дискурсивных особенностей, которые позволяют выявить языковую динамику;

2) необходимости показать особенности конкретной языковой личности, продукт речевой деятельности которой становится предметом лексикографирования.

Таким словарем может стать *компьютерный словарь фразеологизмов дружеских писем пушкинской поры, отражающий одновременно дискурсивные свойства фразеологических единиц и динамические особенности фразеологического состава языка*. В этой связи задача нашей статьи – показать возможности такого словаря, позволяющего отражать не только черты языковой системы (в нашем случае – фразеологии как ее части), но и различного рода ее динамические характеристики, проявляющиеся не в языке, а в речи.

В словарь вошли тексты, временные рамки которых – 1812–1858 гг. На первый взгляд может показаться, что обозначенные широкие границы лишь частично связаны с эпохой А.С. Пушкина, однако это не так. В рассмотренном нами материале содержатся письма только тех авторов, которые были современниками А.С. Пушкина, вели с ним переписку, являлись носителями общей языковой традиции. К сожалению, практически все они рано ушли из жизни. Только письма Н.М. Языкова и И.И. Пущина распространяются за пределы 30-х гг. XIX в. Таких писем немного (порядка 15 % от общей массы исследованных текстов). Но их анализ позволяет убедиться, что специфика функционирования фразеологии в пределах эпистолярного наследия одного автора не меняется с течением времени. Языковые традиции пушкинского периода отражались в эпистолярном наследии его современников еще достаточно долгое время, пережив очередной этап в развитии русского языка, связанный с именами Н.В. Гоголя и И.С. Тургенева.

Поясним некоторые особенности определения жанра словаря.

Рассмотрим, что такое динамический словарь. Сам термин «динамический словарь» появился в конце XX столетия и обозначает

способность словаря описывать «динамику слова в языке в определенный исторический период» [2. С. 389]. Происходящие в языке изменения затрагивают различные его уровни и вызваны, соответственно, разными причинами. Язык меняется с течением времени. Попытки создания динамических словарей, отражающих изменения в системе языка конкретной эпохи, известны как в зарубежной, так и в отечественной лексикографии. За рубежом это прежде всего «Словарь изменения значений», вышедший в Лондоне в 1986 г. [3], в отечественной лексикографической практике – словари языковых изменений конца XX столетия [4–8].

В названных нами лексикографических изданиях возможности проследить динамику языковой, в том числе фразеологической, системы очень ограничены. Сами авторы таких работ отмечают, что демонстрируют в словарных статьях не собственно процесс изменений, а уже их результат. Иными словами, в словарь включаются «именно те лексические разряды и группы, которые наиболее активно функционируют и формируют языковое сознание современников» [8. С. 6].

В этом отношении словарь остается всё-таки тем средством, которое содержит в себе сведения только об одном периоде развития языка. В связи с этим возникает необходимость создания динамических словарей – словарей переходных эпох (пушкинской поры, рубежа XX–XXI вв.), содержащих в себе сведения об изменении произношения, значения, сочетаемости, частоты употребления или каких-либо других параметров слов / фразеологизмов / словосочетаний и пр. на протяжении заявленного периода, но не автономно, а в сопоставлении с предыдущим и последующим этапами развития языка. Открывая такой словарь, читатель видит, что происходило с конкретной языковой единицей в описываемый период.

Динамический словарь в нашем понимании должен дать возможность проанализировать особенности функционирования языковой единицы не за конкретный период, а на протяжении гораздо более длительного времени, включающего в себя переломные, ключевые этапы, коренным образом повлиявшие на становление и развитие языка. В первой трети XIX в. происходит формирование современного русского литературного языка (в широком понимании термина), поэтому в словаре можно отразить все те особенности, которые характерны как для предыдущей языковой эпохи, так и для последующих. Таковую возможность дает, прежде всего, электронная

версия словаря. В этом смысле словарь действительно будет являться динамическим.

Другие изменения, которые печатному словарю отразить уже сложнее, связаны с конкретными ситуациями коммуникации, с дискурсом. Именно поэтому сегодня в лексикографической практике идет активная работа по созданию таких словарей, которые отражали бы особенности использования различных языковых ресурсов с учётом конкретных речевых жанров, речевых ситуаций или свойств языковой личности, процесс и результат речевой коммуникации которой тоже рассматривается как дискурс. В этом направлении работа ведется достаточно давно. Хорошо известны словари языка писателей и поэтов (А.С. Пушкина [9], Ф.М. Достоевского [10], К.Г. Паустовского [11], В.М. Шукшина [12], С. Есенина [13], М. Шолохова [14], А.Н. Островского [15], А.А. Дельвига [16], И.А. Бунина [17], А.С. Грибоедова [18] и т.д.), словари языка ученых и общественных деятелей (М.В. Ломоносова [19], В.И. Ленина [20], А. Лебеда [21]), словари языка отдельных языковых личностей – носителей диалекта (Агафьи Лыковой [22] и др.). Идет работа по составлению словарей отдельных дискурсов (языка деловых документов [23], языка средств массовой информации [24], языка города [25] и т.д.). Хотя абсолютное большинство словарей имеет традиционную структуру словарной статьи, включающую ограниченное количество примеров функционирования языковых единиц, тем не менее лексикографы ведут активный поиск той лексикографической формы, которая позволила бы отразить особенности функционирования единиц языка в дискурсе. Поясним, в чем же состоит особенность словаря дискурса (или дискурсивного словаря).

Под дискурсом мы понимаем речь, вписанную в коммуникативную ситуацию и «связанную не только с актом создания определенного текста, но и со значительным количеством экстралингвистических факторов – знаний о мире, намерений, установок и конкретных целей говорящего, который является создателем дискурсивного текста» [26. С. 6].

Попытки создания дискурсивных словарей в современной лексикографии связаны с необходимостью отразить особенности функционирования языковых единиц в живом общении (в рамках какой-либо сферы коммуникации или как результата речевой деятельности конкретного носителя языка). К числу таких работ можно отнести, к примеру, «Материалы к словарю дискурсивных единиц» [27]. Дис-

курсивными можно считать словари идиолектов, так как они представляют собой «результат речевой деятельности конкретного носителя языка» и отражают «дискурсивные практики конкретного индивида, реальной языковой личности» [28. С. 8, 11].

Кроме того, в последнее время лексикографы создают словари, которые отражают особенности функционирования языковых единиц в различных коммуникативных сферах (СМИ, городская среда и т.д.). Кроме того, следует сказать и о попытке составления когнитивно-дискурсивного словаря, который позволяет отследить не только значения отдельных языковых единиц, сколько специфику формирования дополнительных смыслов в структуре значения [29].

Дружеские письма, которые становятся источником языкового материала для нашего словаря, позволяют описать не только язык, но и дискурс. При определении дружеского эпистолярия как дискурса важным является тот факт, что последний создается в процессе взаимодействия коммуникантов и отражает на языковом уровне контакты и межличностные отношения между автором и адресатом. По нашему мнению, выявление дискурсивной природы эпистолярия дает возможность рассматривать массив дружеских писем первой трети XIX в. как целостное образование, поскольку абсолютное большинство текстов русскоязычной переписки обладает общими дискурсивными свойствами, реализующимися на всех уровнях организации писем. Именно поэтому дружеские письма становятся максимально информативным источником для дискурсивного словаря, демонстрирующего через анализ контекстов все те дополнительные смыслы, которые возникают у языковых единиц в процессе их функционирования. Компьютерная форма словаря в этом аспекте дает возможность проводить анализ контекстов как отдельных участников дискурсивного общения и сопоставлять примеры функционирования фразеологизмов в текстах разных авторов и отслеживать причины возникновения дополнительных значений у языковых единиц.

Скажем несколько слов по поводу того, почему именно фразеологизмы стали предметом описания в словаре. Фразеологизм – это «раздельнооформленная <...> единица языка, которая соотносится по общим и частным семантическим и грамматическим свойствам со словом определенной части речи, и являясь раздельнооформленной <...> единицей языка, выражает единое целостное понятие» [30 С. 4]. Это узкое понимание фразеологии, при котором в состав фра-

фразеологизмов включаются фразеологические единицы, квалифицирующиеся по теории В.В. Виноградова как единства и сращения. Фразеологические единицы достаточно консервативны по структуре и содержанию. Изменения в форме и значении фразеологизма – процесс долгий, не одномоментный. Проследить его в полном объеме удастся только тогда, когда материалом для исследования становятся тексты, функционирующие в ключевые для развития языка периоды (как в нашем случае – первая треть XIX в.). При этом эпистолярный максимально приближен к живому общению (хотя, безусловно, не совпадает с ним полностью), что позволяет увидеть изменения фразеологии именно в рамках дискурса. Дискурсивные свойства писем реализуются на всех уровнях организации текста. Фразеология не является в этом аспекте исключением. Фразеология дружеских писем первой трети XIX в. – ярчайшее средство реализации дискурсивных свойств дружеской переписки: антропоцентричности, полифункциональности, креативности и диссимметрии (см. об этом подробнее [31. С. 42; 32. С. 295; 33. С. 9; 34. С. 47]).

Источником составления словаря послужила авторская картотека, включающая в себя 1026 фразеологических единиц (далее – ФЕ) (5490 употреблений фразеологизмов), функционирующих в дружеских письмах пушкинского периода: эпистолярное наследие А.С. Пушкина (647 текстов), А.С. Грибоедова (73 текста), Н.М. Языкова (146 текстов), А.А. Дельвига (95 текстов), Е.А. Боратынского (68 текстов), И.И. Пущина (612 текстов), А.И. Одоевского (48 текстов), декабристов (24 текста). Временные рамки исследованных текстов – 1812–1858 гг. На первый взгляд может показаться, что обозначенные широкие границы лишь частично связаны с эпохой А.С. Пушкина, однако это не так. В рассмотренном нами материале содержатся письма только тех авторов, которые были современниками А.С. Пушкина, вели с ним переписку, являлись носителями общей языковой традиции. К сожалению, практически все они рано ушли из жизни. Только письма Н.М. Языкова и И.И. Пущина выходят за пределы 30-х гг. XIX в. Таких писем немного (около 15 % от общего количества исследованных текстов), но их анализ позволяет убедиться, что специфика функционирования фразеологии в пределах эпистолярного наследия одного автора не меняется с течением времени.

Итак, словарь, заявленный как динамический и дискурсивный, призван представить изменения, происходящие во фразеологическом фонде языка первой трети XIX в. с учетом тех особенностей

функционирования фразеологизмов, которые проявляются в текстах писем как в дискурсе. В полном объеме эта возможность может быть реализована в формате электронного словаря.

По нашему мнению, словарная статья такого электронного лексикографического издания должна включать сведения, касающиеся особенностей структуры, семантики, стилистики фразеологизмов не только в описываемый период, но предшествующих и последующих эпох и разницы в их значениях и особенностях функционирования в текстах разных авторов. Сделать это необходимо еще и потому, что язык пушкинской эпохи «требует пояснений, поскольку за прошедшие столетия произошло много семантических изменений, поэтому современный читатель не всегда может извлечь именно тот смысл, который в него вкладывал автор» [35. С. 2].

В словарной статье такой материал может быть представлен следующим образом (рис. 1).

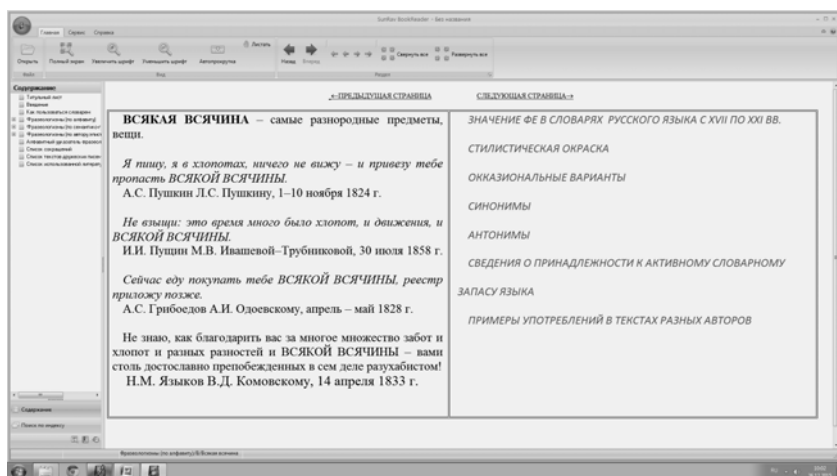

Рис. 1

Как видно из приведенного примера, словарь дает возможность в достаточном объеме получить сведения о фразеологической единице (как в динамическом, так и в дискурсивном аспектах). Динамический аспект представлен с помощью ссылок в правой части экрана (значения в словарях русского языка с XVII по XXI в., стилистиче-

ская окраска¹⁴, сведения о принадлежности к активному словарному запасу языка с точки зрения современного русского языка и, если есть возможность сделать соответствующие выводы, то и языка пушкинской эпохи). Перечисленная информация выплывает на экране при подведении курсора к необходимой читателю строке (рис. 2).

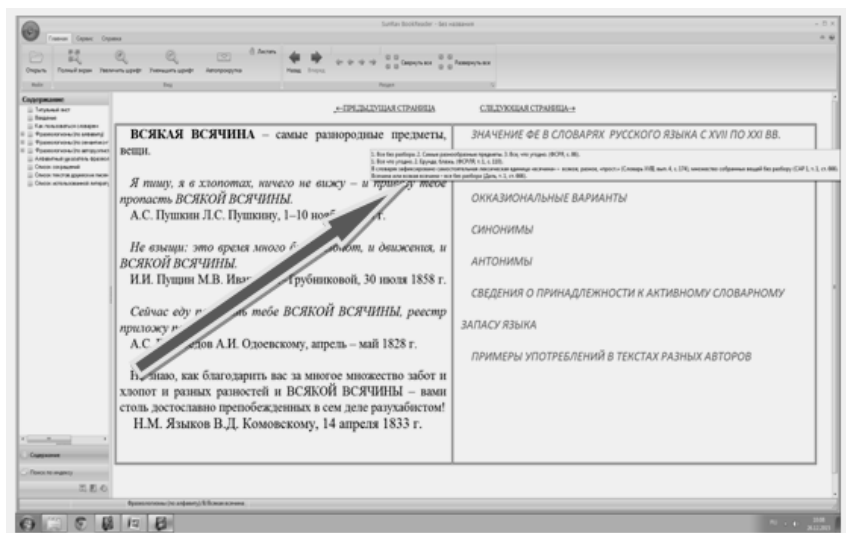

Рис. 2

Поскольку продемонстрировать особенности электронного словаря сложно, подробно представим информацию, появляющуюся в выплывающем окне «Значение ФЕ в словарях русского языка с XVII по XXI в.» (выплывающее окно с текстом расположено на слайде и отмечено стрелкой для более детального описания возможностей словаря в статье):

1. Все без разбора. 2. Самые разнообразные предметы. 3. Все, что угодно. (ФСРЯ, с. 86).

1. Все что угодно. 2. Ерунда, блажь. (ФСРЛЯ, т. 1, с. 110).

¹⁴ Анализ фразеологического значения и стилистической окраски проведен с опорой на 28 лексикографических изданий.

В словарях зафиксирована самостоятельная лексическая единица «всячина» – всякое, разное (Словарь XVIII, вып. 4, с. 174), множество собранных вещей без разбору (САР 1, т. 1, ст. 666).

Всячина или всякая всячина – все без разбора (Даль, т. 1, ст. 666).

Дискурсивный аспект фразеологизмов отражен в их окказиональных вариантах, в активности использования в пределах дружеского эпистолярия фразеологических синонимов и антонимов (если они функционируют в письмах и имеются в языке), в примерах употреблений ФЕ в текстах разных авторов. В левой части статьи приводится 3–4 примера употребления фразеологизма. В правой (при активации соответствующей ссылки) – все контексты функционирования ФЕ. Именно в этой последней части статьи представлены сведения:

1) о появлении дополнительных субъективных смыслов у фразеологизма. Например, ФЕ САХАР МЕДОВИЧ в письмах А.С. Грибоедова имеет не общеязыковое значение «льстивый, слащавый человек», а употреблено как парафраз по отношению к конкретному человеку, хорошо известному и автору и адресату своими личностными характеристиками (льстивостью) (*Ферзь тоже разочарована на счет своего САХАРА МЕДОВИЧА*. А.С. Грибоедов П.А. Катенину, январь 1825 г.);

2) об особенностях использования фразеологизмов разными авторами. Так, фразеологическая единица ВЫХОДИТЬ / ВЫЙТИ ИЗ КАРМАНА в современном русском языке не зафиксирована и может быть определена как окказиональная (встречается только в письмах И.И. Пущина). При этом в словарной статье видно, что данный фразеологизм имеет антоним НЕ ХОДИТЬ / ПОЙТИ В КАРМАН (в эпистолярии А.И. Одоевского). Хотя сведений пока недостаточно для окончательных выводов, тем не менее можно утверждать, что приведенная в словаре ФЕ известна участникам дискурса и используется ими.

В силу того, что словарь имеет электронный формат, представить в статье в полном объеме его возможности проблематично. Добавим, что навигация в словаре осуществляется двумя способами: 1) с помощью гиперссылок «СЛЕДУЮЩАЯ СТРАНИЦА», «ПРЕДЫДУЩАЯ СТРАНИЦА», «ВЕРНУТЬСЯ НА СТРАНИЦУ» с указанием ее названия и т.д.); 2) с помощью содержания, в котором подробнейшим образом расписаны все фразеологизмы (как в алфавитном

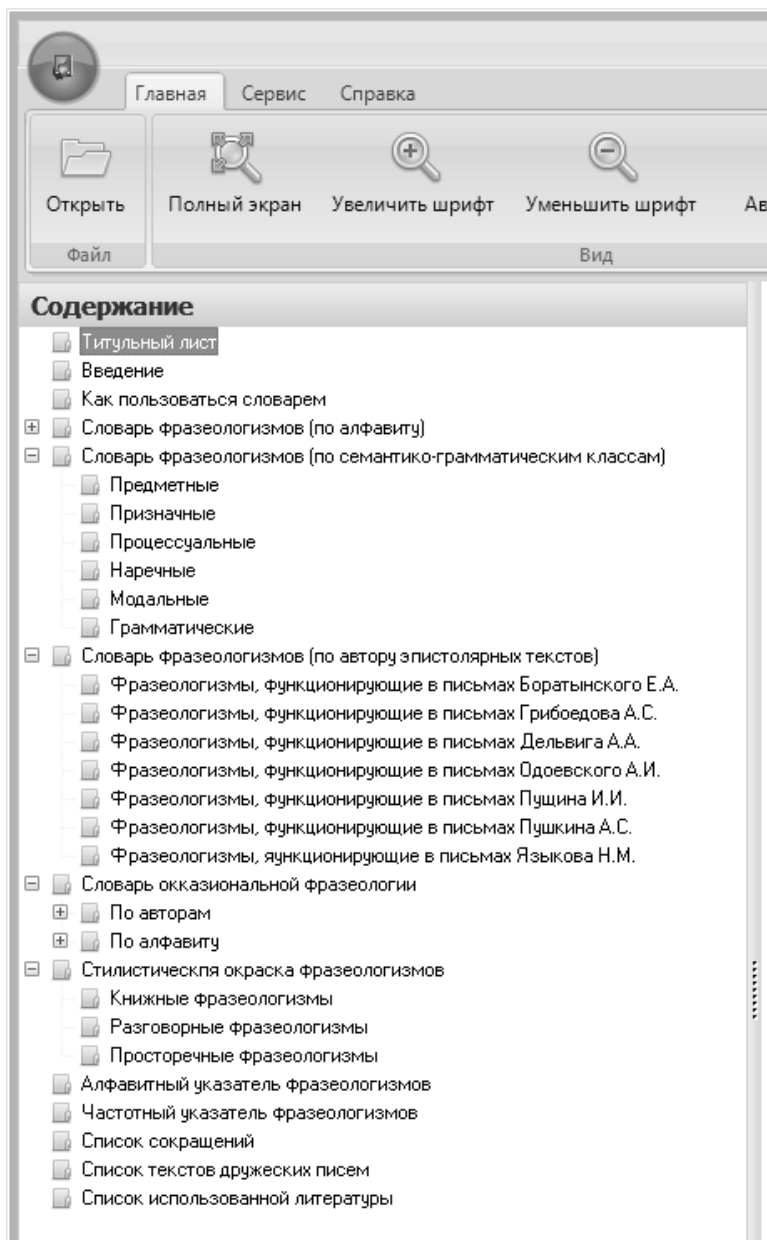

Рис. 3

порядке, так и по семантико-грамматическим классам и по принадлежности к конкретному автору эпистолярия). В словаре имеется алфавитный указатель фразеологизмов, список сокращений и использованной литературы (словарных источников и научных изданий, на которые ссылается автор словаря при уточнении значений и происхождения некоторых фразеологизмов), подробная инструкция о том, как пользоваться словарем, и т.д. Представим структуру словаря наглядно (рис. 3).

Информацию подобного рода может с успехом представлять печатный вариант словаря. Однако у него есть некоторые недостатки, связанные с тем, что объем такого издания ограничен, поэтому провести полный анализ функционирования конкретных языковых единиц сложно. Обычно авторы ограничиваются 1–2 контекстами или, в лучшем случае, указывают число зафиксированных употреблений. Компьютерная модификация словаря в этом отношении более продуктивна и функциональна. Она открывает исследователю возможности изучать особенности употребления фразеологизмов конкретными авторами, позволяя выводить на экран все найденные контексты с конкретной анализируемой единицей. Кроме того, компьютерный словарь может демонстрировать контексты выборочно, по определенным важным для исследователя критериям, например только те, которые встречаются в письмах А.С. Пушкина или исключительно в эпистолярии И.И. Пущина, А. Дельвига и т.д. Печатный фразеологический словарь чаще всего описывает единицы, представляя их в алфавитном порядке. Такое расположение удобно для большинства пользователей, особенно если они не являются специалистами в области лингвистики. Однако «алфавитный словарь – это случайный лексический массив, поскольку в сознании и, следовательно, в языке слова упорядочены путем вхождения в некий понятийный ряд, лексико-семантическую или тематическую группу» [26. С. 29]. Поэтому для лингвистов алфавитный порядок не всегда информативен, а чаще вообще неинформативен. Компьютерный словарь может, учитывая потребности пользователя, представлять материал по другим параметрам (частота употребления, стилистическая окраска, категориальное значение фразеологических единиц (предметные, призначные, процессуальные фразеологизмы и т.д.), отдельно выводить на экран окказиональные варианты и т.д.). Эти возможности безграничны и открывают самые широкие перспективы для исследователей языка.

Таким образом, компьютерный дискурсивный динамический словарь может стать максимально продуктивным источником для лингвистических исследований, осуществляемых в самых различных направлениях, давая возможность учёным максимально использовать потенциал того языкового материала, который становится предметом описания в словаре.

Литература

1. Рей А. Проблемы и антиномии лексикографии / А. Рей, С. Делесаль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии. – М., 1983. – С. 260–299.
2. Жданов Е.А. Лексикографическая фиксация неологизмов в словарях разных типов // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 3 (1). – С. 388–392.
3. Room Adrian. Dictionary of changes in meaning. – London; New York : Routledge& Kegan Paul, 1986. – 292 p.
4. Катлинская Л.П. Толковый словарь новых слов и значений русского языка : ок. 2000 слов: [слова, появившиеся в русском языке в конце XX – начале XXI века, толкование значений, грамматические формы, грамматические и стилистические пометы, словообразовательные гнезда, этимологическая справка у иноязычных слов, русские эквиваленты иноязычных слов, иллюстрации из художественной и публицистической литературы, теле- и радиопередач]. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 380 с.
5. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 2 т. / отв. ред. Т.Н. Буцева. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009 – 2014.
6. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; [Е.А. Левашов и др.]; под ред. Н.З. Котеловой. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – 876 с.
7. Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика: ок. 8500 слов и устойчивых словосочетаний / под ред. Г.Н. Складчиковой. – М.: Эксмо, 2008. – 1136 с.
8. Толковый словарь современного русского языка : Языковые изменения конца XX столетия / Рос. акад. наук. Ин-т лингв. исслед.; под ред. Г.Н. Складчиковой. – М.: Астрель : АСТ, 2001. – 894 с.
9. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; [сост.: С.И. Бернштейн и др.]. – 2-е изд., доп. – М.: Азбуковник : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 2000.
10. Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта: в 2 кн. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; [авт.-сост.: Е.Л. Гинзбург и др.]; гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Азбуковник, 2001–2002.
11. Словарь языка К.Г. Паустовского : в 8 т. – М. : Изд-во Моск. лит. музея-центра К.Г. Паустовского, 1998.
12. Байрамова Т.Ф. Словарь языка рассказов В.М. Шукшина: в 3 вып. / Т.Ф. Байрамова, В.П. Никишаева. – Бийск : НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2002.
13. Шипулина Г.И. Словарь языка Есенина : глагол. – Баку : Мутарджим, 2013. – 462 с.

14. *Словарь языка Михаила Шолохова* / [Диброва Е.И. и др.]. – М.: Словари. ру, 2014. – 377 с.
15. *Словарь языка А.Н. Островского* : [в 4 т.] [сост.: А.А. Хуснутдинов, А.А. Хуснутдинова]. – Шуя : ШГПУ, 2012.
16. *Васильев Н.Л.* Словарь языка А.А. Дельвига / Н.Л. Васильев, Д.Н. Жаткин. – М.: Флинта : Наука, 2009. – 147 с.
17. *Васильев А.И.* Фразеологический словарь языка И.А. Бунина. – Елец : Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2011. – 391 с.
18. *Поляков А.Е.* Словарь языка А.С. Грибоедова. – Т. 1. – М.: Языки славянской культуры, 2011. – 430 с.
19. *Словарь языка М.В. Ломоносова* : [материалы к словарю языка М.В. Ломоносова] : в 2 кн. – СПб.: Нестор-История, 2010.
20. *Словарь языка В.И. Ленина*: проект / отв. ред. Ф.П. Филин; АН СССР. Ин-т рус. яз. – М., 1974. – 66 с.
21. *Самотик Л.Г.* Словарь языка Александра Лебеда. – Красноярск : Амальгама, 2004. – 326 с.
22. *Толстова Г.А.* Словарь языка Агафьи Лыковой. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2004. – 558 с.
23. *Вафин Б.Д.* Россия и Восток : словарь языка документов по русско-индийским отношениям XVII века : конкорданс, обратный словоформоуказатель, частотный словоформоуказатель / Б.Д. Вафин, К.Р. Галиуллин. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2012. – 251 с.
24. *Элмор Р.Т.* Словарь языка средств массовой информации США. – М. : Рус. яз., 1992. – 668 с.
25. *Шарипова О.А.* Словарь языка города : (региональный аспект: г. Стерлитамак, Республика Башкортостан). – Стерлитамак: Стерлитамак. филиал. Башкир. гос. ун-та, 2012. – 165 с.
26. *Рогалева О.С.* Брачное объявление как речевой жанр рекламного дискурса (коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2005. – 22 с.
27. *Богданова-Бегларян Н.В.* Конструкция «скажем» в повседневной русской речи (материалы к словарю дискурсивных единиц) // Вестн. Калмыц. Ин-та гуманитар. исследований РАН. – 2012. – № 2. – С. 153–157.
28. *Иванцова Е.В.* Лексикографическое представление речи индивида: тип словаря и его реализация в словарной практике // Вопр. лексикографии. – 2013. – № 2 (4). – С. 5 –18.
29. *Убийко В.И.* Когнитивно-дискурсивный словарь в коммуникативном аспекте / В.И. Убийко, А.Р. Батталова // Когнитивные исследования. – 2012. – № 11. – С. 546–548.
30. *Чепасова А.М.* Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. – Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1983. – 92 с.
31. *Гвазав В.И.* Эпистолярное наследие элитного российского дворянства // Русский язык: исторические судьбы и современность: междунар. конгресс исследователей русского языка: труды и материалы, 13–16 марта 2001 / под общ. ред. М.Л. Ремневой, А.А. Поликарпова. – М., 2001. – С. 42.
32. *Касавин И.Т.* Миграция. Креативность: Проблемы неклассической теории познания. – СПб.: РХГИ, 1998. – 408 с.
33. *Ковалева Н.А.* Русское частное письмо XIX века: Коммуникация. Жанр. Речевая структура: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2002. – 48 с.

34. Гак В.Г. Асимметрия // Языкознание: Большой энцикл. сл. / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1998. – С. 47.
35. Дронова Л.П. Лексикографические проблемы в свете антропологической лингвистики // Вопр. лексикографии. – 2012. – № 2. – С. 26–32.

Список сокращений

- ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. яз., 1987. – 543 с.
- ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1991.
- Словарь XVIII – Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 1–14. – Л.: Наука, 1984 – 2004.
- САР 1 – Словарь Академии Российской 1789–1794: в 6 т. – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2001–2006.
- Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Прогресс: Универс, 1994.

COMPUTER DICTIONARY OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF FRIENDLY LETTERS OF PUSHKIN'S TIME: A PROJECT OF A DISCURSIVE DYNAMIC DICTIONARY

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography. 2016. 1 (9). 82–98.

DOI: 10.17223/22274200/9/6

Fesenko Olga P., Omsk Tank Engineering Institute (Omsk, Russian Federation).
E-mail: Olga.Fesenko2015@yandex.ru

Keywords: computational lexicography, dictionary, discourse dictionary, dynamic dictionary.

Dictionary work throughout its existence moves from meaning to sense. Such a direction of development is due to the fact that the object of description in an explanatory dictionary can be two different realities: language and speech. A discursive dynamic dictionary of idioms can unite them.

The source of the compilation of the dictionary was the author's card index including 1026 idioms identified by the method of continuous sampling of texts of friendly letters of Pushkin's time.

The dictionary aims to present the changes taking place in the phraseological fund of the language of the first third of the nineteenth century as a system with the features of functioning of idioms that appear in the texts of letters as in a discourse. In full this can be implemented in the format of an electronic dictionary.

The dictionary gives an opportunity to obtain information about the idiom (both in dynamic and discursive aspects) in a sufficient volume. The dynamic aspect is represented through links (meanings in the dictionaries of the Russian language from the 17th to the 21st century, stylistic colouring, details on belonging to the active vocabulary of the language from the point of view of modern Russian language and, if it is possible to draw appropriate conclusions, language of Pushkin's epoch). The listed information comes up on the screen when the cursor is on the line the reader needs.

The discursive aspect of idioms is reflected in their occasional variations in the usage activity of phraseological synonyms and antonyms within the friendly correspondence (if

they operate in letters and in language), in the examples of the usage of idioms in texts of different authors.

The dictionary is navigated in two ways: 1) using hyperlinks; 2) using the content, which exhaustively presents all the idioms (in alphabetical order, as belonging to semantic-grammatical classes, as belonging to a particular author). The dictionary has an alphabetical list of idioms, a list of abbreviations and references (dictionary sources and scientific publications the author of the dictionary uses when specifying meanings and origins of certain idioms), detailed instructions on how to use the dictionary, etc.

The computer dictionary can, taking into account the user's needs, organise the material by other parameters (frequency, style, categorical meaning of idioms (subject, attribute, process idioms, etc.), separately display occasional options, etc.). The opportunities are endless and open up broad prospects for researchers of language.

The computer discursive dynamic dictionary may become the most productive source for linguistic studies carried out in various directions, allowing scholars to maximize the potential of the linguistic material which becomes the subject of description.

References

1. Ray, A. & Delesal, S. (1983) Problemy i antinomii leksikografii [Problems and antinomy of lexicography]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Is. 14. Moscow: Progress. pp. 260 – 299.
2. Zhdanova, E.A. (2012) Lexicographical fixation of neologisms in dictionaries of various types. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 3 (1). pp. 388–392. (In Russian).
3. Room, A. (1986) *Dictionary of changes in meaning*. London; New York: Routledge & Kegan Paul.
4. Katlinskaya, L.P. (2008) *Tolkovyy slovar' novykh slov i znacheniy russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian new words and meanings]. Moscow: AST: Astrel'.
5. Butseva, T.N. (ed.) (2009–2014) *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka: V 2 t.* [New words and meanings. Dictionary of the materials of the press and literature of the 1990s: In 2 vols]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
6. Kotelova, N.Z. (ed.) (1995) *Slovar' novykh slov russkogo yazyka (seredina 50-kh – seredina 80-kh godov)* [Dictionary of new words of the Russian language (mid-50s – mid-80s)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
7. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (2008) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika: ok. 8500 slov i ustoychivyykh slovosochetaniy* [The Explanatory Dictionary of the Russian language of the early 21st century. Current vocabulary: approx. 8500 words and phrases]. Moscow: Eksmo.
8. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (2001) *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: Yazykovye izmeneniya kontsa XX stoletiya* [The explanatory dictionary of modern Russian language: Language change in the end of the 20th century]. Moscow: Astrel': AST.
9. Bernshteyn, S.I. et al. (2000) *Slovar' yazyka Pushkina: V 4 t.* [Dictionary of Pushkin's Language: in 4 vols]. 2nd ed. Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS.
10. Karaulov, Yu.N. (ed.) (2001–2002) *Slovar' yazyka Dostoevskogo: Leks. stroy idiolekta: V 2-kh kn.* [Dictionary of Dostoevsky's language: Lexical system of the idiolect: In 2 books]. Moscow: Azbukovnik.

11. Sudavichene, L.V. (ed.) (1998) *Slovar' yazyka K.G. Paustovskogo: V 8 t.* [Dictionary of K.G. Paustovsky's Language: in 8 vols]. Moscow: Izd-vo Mosk. lit. muzeya-tsentra K.G. Paustovskogo.
12. Bayramova, T.F. & Nikishaeva, V.P. (2002) *Slovar' yazyka rasskazov V.M. Shukshina: V 3-kh vyp.* [Dictionary of Shukshin's Language: in 3 vols]. Biysk: Biysk State Pedagogical University.
13. Shipulina, G.I. (2013) *Slovar' yazyka Esenina: glagol* [Dictionary of Esenin's Language: verb]. Baku: Mutardzhim.
14. Dibrova, E.I. et al. (2014) *Slovar' yazyka Mikhaila Sholokhova* [Dictionary of Mikhail Sholokhov's Language]. Moscow: Slovare.ru.
15. Khusnutdinov, A.A. & Khusnutdinova, A.A. (2012) *Slovar' yazyka A.N. Ostrovskogo* [Dictionary of A.N. Ostrovsky's Language]. In 4 vols. Shuya: Shuya State Pedagogical University.
16. Vasil'ev, N.L. & Zhatkin, D.N. (2009) *Slovar' yazyka A.A. Del'viga* [Dictionary of A.A. Delvig's Language]. Moscow: Flinta: Nauka.
17. Vasil'ev, A.I. (2011) *Frazeologicheskiy slovar' yazyka I.A. Bunina* [Phraseological Dictionary of I.A. Bunin's Language]. Elets: Elets State University.
18. Polyakov, A.E. (2011) *Slovar' yazyka A.S. Griboedova* [Dictionary of A.S. Griboyedov's Language]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
19. Kazanskiy, N.N. (ed.) (2010) *Slovar' yazyka M.V. Lomonosova* [Dictionary of M.V. Lomonosov's Language]. In 2 vols. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
20. Filin, P.P. (ed.) (1974) *Slovar' yazyka V.I. Lenina: Proekt* [Dictionary of V.I. Lenin's Language: a project]. Moscow.
21. Samotik, L.G. (2004) *Slovar' yazyka Aleksandra Lebedya* [Dictionary of Alexander Lebed's Language]. Krasnoyarsk: Amal'gama.
22. Tolstova, G.A. (2004) *Slovar' yazyka Agaf'i Lykovoy* [Dictionary of Agafiya Lykova's Language]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
23. Vafin, B.D. & Galiullin, K.R. (2012) *Rossiia i Vostok: slovar' yazyka dokumentov po russko-indijskim otnosheniyam XVII veka: konkordans, obratnyy slovoformoukazatel', chastotnyy slovoformoukazatel'* [Russia and the East: Dictionary of the language of documents on Russian-Indian relations in the 17th century: concordance, reverse word form index, frequency word form index] Kazan: Kazan State University.
24. Elmor, R.T. (1992) *Slovar' yazyka sredstv massovoy informatsii SShA* [Dictionary of the language of the US media]. Moscow: Russkiy yazyk.
25. Sharipova, O.A. (2012) *Slovar' yazyka goroda: (regional'nyy aspekt: g. Sterlitamak, Respublika Bashkortostan)* [Dictionary of the language of the city (regional aspect: Sterlitamak, Bashkortostan Republic)]. Sterlitamak: Sterlitamak Branch of Bashkir State University.
26. Rogaleva, O.S. (2005) *Brachnoe ob'yavlenie kak rechevoy zhanr reklamnogo diskursa (kommunikativno-pragmaticheskii i kognitivnyy aspekty)* [Marriage ad as a speech genre of advertising discourse (communicative- pragmatic and cognitive aspects)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Omsk.
27. Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2012) Construction (. . .) *skazhem* (let us say) (. . .) in Everyday Russian Speech (materials for dictionary of discursive units). *Vestnik Kalmytского instituta humanitarnykh issledovaniy RAN*. 2. pp. 153–157.
28. Ivantsova, E.V. (2013) Lexicographical representation of an individual's speech: type of dictionary and its use in dictionary practice. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (4). pp. 5–18. (In Russian).

29. Ubiyko, V.I. & Battalova, A.R. (2012) The discursive and cognitive dictionary in communicative perspective. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 11. pp. 546–548. (In Russian).

30. Chepasova, A.M. (1983) *Semanticheskie i grammaticheskie svoystva frazeologizmov* [The semantic and grammatical properties of idioms]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University.

31. Gvazava, V.I. (2001) [The epistolary heritage of the elite of the Russian nobility]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian language: historical destiny and modernity]. Proceedings of the International Congress of Russian Language Researchers. 13–16 March 2001. Moscow: Moscow State University. pp. 42. (In Russian).

32. Kasavin, I.T. (1998) *Migratsiya. Kreativnost'. Tekst. Problemy neklassicheskoy teorii poznaniya* [Migration. Creativity. Text. Problems of the non-classical theory of cognition]. St. Petersburg: RKhGI.

33. Kovaleva, N.A. (2002) *Russkoe chastnoe pis'mo XIX veka. Kommunikatsiya. Zhanr. Rechevaya struktura* [Russian private letter of the 19th century. Communication. Genre. Speech structure]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

34. Gak, V.G. (1998) *Asimmetriya* [Asymmetry]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. The Big Encyclopaedic Dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya.

35. Dronova, L.P. (2012) Issues of lexicography and anthropological linguistics. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2. pp. 26–32. (In Russian).

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 801.3

DOI: 10.17223/22274200/9/7

Л.Г. Гынгазова

«ПОЛНЫЙ СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СИБИРСКОГО СТАРОЖИЛА¹

В статье рассматриваются источниковедческие возможности «Полного словаря диалектной языковой личности» для описания праздничного времени в идиолекте сибирской крестьянки, типичного представителя традиционной народно-речевой культуры. Анализируются словарные статьи, посвящённые православным праздникам. Выявляются типы информации, во-первых, о самом празднике, относящихся к нему регламентациях, ритуальных действиях и предметах и, во-вторых, о связи даты праздника с имьянаречением, видами сельскохозяйственных работ, природными явлениями.

Ключевые слова: словарь, православный календарь, праздник, традиционная народная культура, языковая личность.

Антропоцентрическая направленность современной лингвистики актуализировала исследовательское внимание к феномену языковой личности (ЯЛ), что нашло отражение в выделении в последние десятилетия новой области языкознания – лингвоперсонологии. В настоящее время это самостоятельное направление, в рамках которого получает теоретическое осмысление его центральный объект – языковая личность, ведётся поиск методологических принципов описания объекта, выдвигаются концепции структуры ЯЛ, создаются её разноаспектные типологии.

В существующих лингвоперсонологических исследованиях понятие ЯЛ трактуется двояко: с одной стороны, как реальный говорящий, с другой – как обобщённый тип носителя языка, его совокупный представитель. Абстрактный подход к изучаемому объекту пока занимает доминирующую позицию. Живая речь конкретной

¹ Работа выполнена при поддержке Научного фонда им. Д.И. Менделеева НИ ТГУ № 8.1.31.2015 «Разработка концепции электронной энциклопедии "Словесная культура Сибири"».

ЯЛ – тем более рядовой, не элитарной – значительно реже становится предметом внимания лингвистов, хотя именно она репрезентирует исходную языковую реальность. Очевидно, что не последнюю роль в сложившейся диспропорции соответствующих исследований играет фактор источниковой базы.

Исходя из определения ЯЛ, под которой понимается «личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отражённая в созданных ею текстах» [1. С. 10], первичным источником её изучения должен служить максимально полный текстовый корпус, отражающий естественное коммуникативное существование индивида. Не менее важен и вторичный источник – словарь, сформированный на базе первичного. Достоинство словарного источника – прежде всего в компактном и системном представлении языкового материала, удобстве пользования и доступности широкому кругу исследователей. Но самое главное то, что заложенная в словаре информация обладает большими информативными возможностями в решении задач, способствующих разработке теории и практики описания ЯЛ.

«Полный словарь диалектной языковой личности» (ПСДЯЛ) [2] является частью масштабного проекта томских диалектологов по комплексному многоаспектному исследованию языковой личности носителя традиционной народно-речевой культуры. Объектом изучения стала языковая личность Веры Прокофьевны Вершининой 1909 г. рождения, коренной жительницы старожильского села Вершинино Томской области.

В основу словаря легли записи устной речи сибирской крестьянки, которые осуществлялись на протяжении почти четверти века методом включения в языковое существование говорящего. Материалы составляют корпус текстов, дешифрованных с магнитофонной записи, объёмом 10 тыс. печатных страниц.

Одна из важных задач проекта состоит в реконструкции языковой картины мира типичного представителя крестьянского сообщества, в том числе определении значимых черт, характеризующих традиционную культуру. Лексикографическое представление идиолексикона ЯЛ играет важную роль в решении этой задачи.

Таким образом, предпринятое описание посвящено выявлению информативных возможностей ПСДЯЛ при реконструкции картины

времени ЯЛ сибирской крестьянки, в частности одной из его разновидностей – культурного времени¹.

В темпоральной оппозиции «будни – праздник», организующей годовой круг течения времени, культурное время соотнесено с праздником. В народной среде это христианские праздники, определяемые церковью.

В противопоставлении будничному, бытовому, профанному времени праздник – время сакральное, наделённое коллективной высшей ценностью. Чередование сакрального и профанного времени регламентирует жизнь крестьянского сообщества в течение всего года. Накладываясь на календарный временной круг, оно лежит в основе народного календаря, который является неотъемлемой частью культуры традиционного типа.

Какую же информацию о народном календаре содержит ПСДЯЛ? В словаре зафиксировано более шестидесяти единиц – хрононимов, обозначающих точки и периоды календарного времени, связанные с православием. Посвящённые им словарные статьи включают заглавное слово, зону толкования значения и иллюстративные контексты. Кроме того, приводятся справочные сведения о принадлежности единицы к той или иной форме национального языка (общерусское, диалектно-просторечное, собственно-диалектное), а также сведения о количестве словоупотреблений, дающие представление о частотности данной единицы в речи диалектоносителя.

Информативные возможности каждого структурного элемента словарной статьи различны. **Заглавная часть** представляет собой название (иногда его варианты: СТРЕ'ТЕНЬЕ, УСТР'ЕТЕНЬЕ) церковного праздника, поста, мясоеда, ритуальных дней и т.п.: АРИНА-РАССАДНИЦА, БЛАГОВЕЩЕНЬЕ, ВВЕДЕНЬЕ, ВВЕДЕНЬЁ, ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ, ИВАН КУПАЛА, ИЛЬИН ДЕНЬ, КИ'РИК И УЛИТА, ЛЕКСЕЙ ТЕПЛОУХ, ЛЕКСЕ'Й БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК, МАТЕРИ АЛЁНЫ ЦАРЯ КОСТАНТИ'НА, ВЕЛИКИЙ ПОСТ, МОЛО'СНЫЙ ДЕНЬ, ПРОЩЁНЫЙ ДЕНЬ, РОЖЕСТВО' БОГОРОДИЦЫ, РОЖЕСТВО', СЕМЁНОВ ДЕНЬ, ПОКРОВ, ПРА-

¹ Исследование категории «Время», вербализованной в дискурсивной практике ЯЛ В.П. Вершининой лексическими единицами соответствующего семантического поля, позволяет выделить в его пределах такие подгруппы, как «физическое время», «биологическое время», «социальное время», «культурное время» [3].

СКОВЫИ ГРЯЗНЫ', РА'ДОВНИЦА, РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ, СО'РОКИ СВЯТЫ', СВЯТКИ и мн. др.

Совокупность таких названий позволяет «инвентаризировать» состав единиц народного календаря, реализующихся в дискурсивной практике ЯЛ, и делать соответствующие выводы с учётом их количественного состава.

При **толковании значения** единицы используется описательный способ как наиболее полно раскрывающий её семантику. В некоторых случаях семантизация осуществляется через отсылку к синонимическому названию (УСПЕНЫЕ = УСПЕНЫЕВ ДЕНЬ). Дефиниция включает церковное название в том виде, в котором оно зафиксировано в святцах, указание на ранг события, дату празднования по новому и старому стилю или длительность протекания (о постах, мясоедах и т.п.). В некоторых случаях фиксируются действия, обязательные для данного праздника.

Например: ЗВИ'ЖЕНЫЕ. Один из двенадесятых праздников, отмечаемых православной церковью 27 сентября (14 сентября); Воздвижение.

ПАСКА. Величайший праздник православной церкви, отмечаемый в течение недели; Пасха. Относится к числу передвижных.

♦ ПРАСКО'ВЫИ ГРЯЗНЫ'. День памяти мученицы Параскевы, отмечаемый православной церковью 10 (28) октября.

♦ ПРОЩЕ'НЫЙ ДЕНЬ. Канун Великого поста, когда верующие просят друг у друга прощение.

Таким образом, толкование значения включает в себе информацию, если можно так сказать, «канонического характера», на фоне которой осуществляется интерпретация смыслов, содержащихся в контекстах.

Иллюстративная часть словарной статьи включает фрагменты речи диалектоносителя, представляющие употребление заглавного слова. Обусловленность этих фрагментов сиюминутной коммуникативной ситуацией, часто – отрывочность, непроявленность каких-либо важных деталей ограничивают возможность исчерпывающего описания. Несмотря на это, иллюстративные контексты – наиболее информативная часть словарной статьи, отмеченная высоким интерпретационным потенциалом и достоверностью ещё и потому, что в ней «предоставляется слово» самому информанту.

Попытаемся прокомментировать те аспекты информации, которые можно извлечь из иллюстративных контекстов. Первое, что об-

ращает на себя внимание, это указание в них на точные даты сакральных дней и временных промежутков (часто как по старому, так и по новому стилю), а также на порядок их следования: *Ки'рик и Ули'та называют праздник, по-старому пятнадцатого; Двадцать восьмого июля Ки'рик и Ули'та бува'ют; Устре'тенье будет, второго февраля, устре'тенски морозы мама всё говорила; А вот Со'роки Святы' двадцать второго, они раньше были девятого марта, а щас двадцать второго. Трисвяти'тели будет двенадцатого, потом Стре'тенье; Масленица, после этого Великий пос[т] идёт; Рождество' Христово – оно начина'тся седьмого января, а девятнадцатого января – Хреще'нье*. Информация такого рода, содержащаяся в подавляющем большинстве статей, позволяет считать эту сторону жизни зоной актуального внимания языковой личности.

Второй аспект информации связан с ранжированием праздников. Контексты не предоставляют об этом прямых сведений. Всё же наиболее выделенными предстают те, что отражают вехи земного и небесного пути Иисуса Христа, Богородицы, св. Апостола Петра и др.: косвенным подтверждением выделенности служит то, что в традиционной культуре они сопровождаются постами, мясоедами, ритуальными действиями, приготовлением особых блюд. Это *Па'ска, Рождество' Христово, Вербное воскресенье, Благовещенье, Вознесение, Хреще'ние, Со'роки Святы', Петров день, Введенье* и др. Не все из перечисленных праздников относятся к числу двунадесятых праздников православной церкви. Более того, активно отмечается Масленица – дохристианский славянский праздник проводов зимы с блинами и различными увеселениями, а также Старинный Новый год, совпадающий со Святками. Это демонстрируют словарные статьи МАСЛЕНИЦА, СТАРИННЫЙ НОВЫЙ ГОД, СВЯТКИ: *Масленица, после этого Великий пос идёт. Блины ели на ма'сленке, мяса не едят уже. И щас празднуют. Передают: «С Масленкой вас с прошедшей». Ходили, наряжались, ну подают, зайдёшь, дак вино да всё да <...> Мы ходили раньше в Новый год, в самый старинный-то, до Хреши'нья, Святки назывались... А там это всё наряжались. Всё Святки звали. А шулю'кан наряжались на Святки, на Старинный Новый год наряжались*. Таким образом, ценностные приоритеты носителя традиционной культуры не всегда совпадают с церковным ранжированием.

Ещё один аспект информации посвящён постам, которым в народном календаре отведено значительное место. Это время опреде-

лённых пищевых ограничений либо полного запрета (что реже) на приём пищи. Смысл поста состоит, как говорили Святые Отцы, в «очищении сердца». Идея очистительного самоограничения знакома всем религиям, но «по количеству постных дней в году, по разработанности ритуала постов первое место принадлежит христианской, и, в частности православной, церкви» [4. С. 225]. В русской православной традиции на пост приходятся разные временные промежутки – большие и малые, которые чередуются со снятием запрета на употребление мясной пищи – мясоедами¹.

Контексты дают значительный материал о постах и мясоедах, их названии, длительности, порядке следования во временном круге, пищевых продуктах, разрешённых к употреблению, приготавливаемых в это время блюдах – *скоромных, моло'сных, мясных*. Эти сведения находим в словарных статьях ВЕЛИКИЙ ПОСТ, ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ, БЛАГОВЕЩЕНЬЕ, ПЕТРОВКА, ФИЛИППОВКА, ИСПОЖИ'НКА, ОСПОЖИ'НКА. МЯСНО(Е) ВОСКРЕСЕНЬЕ, ПА'СКА, МЯСОЕД, ПОСТНЫЙ, ПО'СТОВАТЬ, ПОСТИ'СЬ, ПОСТИТЬСЯ, МОЛО'СНЫЙ:

Великий пост пойдёт. Ницё не едят. Тисели' [кисели] одни; Масленица, после этого Великий пос идёт – ну, до Па'ски; Едят там только по'стно всё, в Масленку, мясо не едят уже. Ну, моло'сно так едят, а мясо не едят; Редьку, капусту там, кисели варили ра'зны – кра'сны кисели из аржано'й муки варили, ну постна пища была; Кисели от эти варили да, па'ренки варили да, похлёбку по'стну варили. Только в Вербное воскресенье да в Благовеш'ишенье рыбу ели; А щас пос идёт, Петровка, не венчают. А Петров день – моло'сный день; А Петровка нынче больша', больше месяца, однако. Но'нче двадцать девятого июня началась Петровка-то, а щас будет мясоед пойдёт. Там начина'тся – он неровный, этот мясоед, когда есть двенадцать, десять недель, восемь недель и семь недель мясоед этот; Филипповка – шесь недель, Петровка семь недель, а сцяя Испожж'нка пойдёт. Это пос пройдёт, цисла' первого декабря – там Филипповка, тоже шесь недель; Ну и раньше по'стовали мы, Боже спаси, чтоб моло'сно пои'сь; Ну я уже вза'мужем была, не ела моло'сно никогда' кода' пос; Я пости'лась два дня перед Рожество'м.

Кроме пищевых регламентаций контексты отражают запрет на работу в праздник. И то и другое соотнесено с понятием греха

¹ Темпоральная дихотомия «пост – мясоед» в среднеобских говорах описана в [5].

(А раньше даже лис маслом не мазали на поминки, еслив пос – ни в пос, ни в моло'с лис не мазали, что грех шишыта'ли; Я прям переживаю, что стирала. Лексе'й Божий человек праздник. Ладно уж, чё поделатъ, хвораю... В праздник и стиратъ! Грех!). Материал показывает, что языковая личность может отступить от запрета не только невольно, но и осознанно (*А я... топерь никого не разбираю. Постись не постю'сь, голодатъ не голодаю... ничё!*). Несмотря на это есть все основания утверждать, что греховность такого рода нарушений и сами прескрипции прочно укоренены в сознании языковой личности, и эта укоренённость обусловлена не столько религиозным чувством, сколько межпоколенной православной традицией. Однако это утверждение вытекает из интерпретации уже других словарных статей: БОГ, ВЕРА, РЕЛИГИЯ. Более подробно о развитии этой темы см. [6].

Народный календарь проявляет себя и в такой сфере, как имянаречение: православный обычай выбора имени по святам – типичная черта крестьянской культуры, получающая отражение в словаре: *А я ушла в Мико'лин день как раз к Моте – пироги настряпала, говорю, понесу. Брат-то Николай, вы его помните? Он, это, как раз именинник, день рождения у него; Ну Коля будет именинник, день рождения будет у него. Десятицатого декабря Николин день; Ну, Ильёв... «Ильин день называ'тсся. Ильи именинники, день рождения у Ильёв; Сёдня Прокофьев день, наши тятя сёдня именинник; Трисвяти'тели это будет... Трое святителей... Каких, Василия там бува'ют да ешо каки'? Григория, однако... мени'нники бува'ют.*

Статьи ПСДЯЛ содержат ещё один вид информации: в них отражено присущее традиционной культуре соединение двух систем времяисчисления – христианской и земледельческой, восходящей к дохристианскому периоду. Как пишут авторы вышедшего недавно этнолингвистического словаря хрононимов, «соединение этих систем сблизило в народном сознании христианские праздники с аграрными датами и сезонами, причём святые «подчинялись» труду и быту крестьянина. Канвой для народного словаря послужили православные святцы, дни поминовения христианских святых, а имена этих святых стали основой для запоминания сроков начала и окончания сельскохозяйственных работ» [7. С. 3].

Соотнесённость времени посевов и сбора урожая с христианскими праздниками широко представлена в материалах словаря. Так, Фролов день в крестьянском календаре связывается с окончанием

сеяния ржи: *До Фролова дня сеют рожь... Уже после Фролова дня не сеяли рожь.* Начало уборки картофеля приходится на Ивана постного: *От картошки с Ивана постного начинают копать.* Ориентиром для времени посева редьки, рассады, льна также являются дни православных праздников: *После Па'ски, через девять недель от Па'ски. Девя'та пятницу называют... И от Паски в девя'ту пятницу со'дят редьку. С Авдоке'и со'дят так, Авдоке'я первого; Арина-рассадица, рассаду сеять; А капусту сеяли раньше – Арина-рассадица. Ну, она де'-то в мае, числа' десятого ли какого, не скажу. Забыла; Кода' от лён сеять – Матери Алёны царя Костанти'на были, двадцать первого по-старому, дак от лён только говорили сеять <...> Матери Алёны царя Костанти'на назывался праздник.*

Кроме «сельскохозяйственных» дат, в словаре присутствуют наблюдения над сменой природных временных циклов и характерными для них погодными явлениями – всё это также ориентировано на церковные праздники: Покров день знаменует приход зимы, Стретенье – встречу зимы с летом. Аналогичные сведения содержатся в контекстах словарных статей ТРИСВЯТИ'ТЕЛИ, ИЛЬИН ДЕНЬ, КИ'КРИК И УЛИ'ТА и др. *Ну [морозы] должны кончиться счас. А потом опе'ть на Трисвяти'телей... Опе'ть перед Стре'теньем-то второго февраля – устре'тенски морозы; Ну, Илья «Ильин день» называ'тятся... Илья сбросит льдинку в воду – уже не купаются после Ильина дня; Ки'рик и Улита будет грозный праздник.*

Наблюдения над природой облекаются в форму включенных в ПСДЯЛ пословиц, а также становятся приметам: *Егорий с водой, а Микола с травой; Рожь в землю, а лук из земли; Вот Семёнов день хороший, дак осень будет хоро'ша, а Семёнов день плохой, то и... Первого сентября.*

Каждый православный праздник в крестьянской культуре наделяется особым содержанием, однако материалы словаря в редких случаях дают ему объяснение. Смысл праздника чаще не комментируется языковой личностью, и из контекстов не всегда ясна степень его осознания. Но в них имеются указания на ритуальные действия, предметы, особые блюда, приуроченные к тому или иному празднику. Собственно, эти внешние атрибуты, носящие ритуальный характер, и есть способ косвенного выражения истинного смысла праздника, смысла, иногда легко «считываемого», иногда «закодированного».

Приметы праздника многообразны. Чаще всего это разные виды выпечки (блины, куличи, шаньги, пироги, печенье особой формы), а также крашеные яйца, цветы и венки, ветки молодой берёзы, нарисованные на окнах крестики, произнесение ритуальных фраз и др.: *Я паски делаю. Помногу, штук по семь взбиваю белышков-то, мно-жество набью. Узю'мом обкладываю, конфетки если есь каки', всё обкладу' – красиво!; Со'роки Святы'... И вот скворчки прилетают. Мама нам тесто дас, а мы лепим. Вся'киф пташечков налепим, всё. А от кода'-то каку'-то субботу, называ'тся суббота перед Па'ской... Она [мама] каки'-то булочки стря'пат Дедушке-сусе'душке. Вот: «Дедушка-сусе'душка! Попо'й мою скотинушку, пона'стовай нас, не забува'й!» И булочки эти испечёт в печке, и отец ли кто ли пойдите положите там под сле'гу или под матку в подпо'льях; Седьмого января будет Рождество'. Стряпают сковоро'дное; То блины постряпаю... Стряпала в Родительский день; В Родительский день яйца красят, на кла'дбишие ходят; Кра'сны, чёрны [яйца], а у меня от таки', ро'зовеньки. [Разбивает пасхальное яйцо]: Христос воскрес! – [С.:] Воистину воскрес!; Хре'стики делали только к окошам, я помню. И напишут: «Хрешише'нье». [Снаружи?] Ну так, наверху, над дверью. Карандашом, намажут углём; Вот перед Троицей поминают удувленных да утопленников да. От я помню, на Троицу, эти берёзки ссека'ли [в лесу], привозили, садили, садов-то не было [в деревне]; Тоже на кла'дбишие приезжала, в Троицу.*

Итак, обобщение проведённых наблюдений позволяет сделать некоторые выводы. «Полный словарь диалектной языковой личности», ориентированный на максимально полное описание языка одного человека, даёт материал для исследования фундаментальных проблем лингвистики, в том числе проблемы миромоделирования.

Темпоральная картина мира сибирской крестьянки включает культурное время, репрезентируемое в ПСДЯЛ словарными статьями, которые посвящены православным праздникам. Анализ информации, заложенной в элементах структуры каждой словарной статьи, позволяет реконструировать представления носителя традиционной народно-речевой культуры о характере движения времени и способах его измерения. Наиболее результативным источником реконструкции является иллюстративная часть словарной статьи. Приводимые контексты отражают коллективное знание, освоенное и присво-

енное индивидом: материал свидетельствует о том, что оно составляет неотъемлемую часть жизни сибирской крестьянки.

Даты христианских праздников вовлекают в свою орбиту разные жизненные сферы. Это и высшие духовные ценности, и природа, и земледельческий труд. Обращение к каждой из этих сфер способствует выявлению черт мировосприятия языковой личности, её ценностных установок. Безусловно, в числе главных вопросов, связанных с православным календарём, стоит вопрос веры, но это уже тема отдельного исследования.

Литература

1. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Том ун-та, 2002. – 312 с.
2. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. – Т. 1–4.
3. Иванова Л.А. Формы времени в идиолекте сибирского старожила // Славянские диалоги: междунар. сб. науч. ст. молодых учёных. – Саранск, 2014. – С. 35–39.
4. Алмазов С.Ф., Питерский П.Я. Праздники православной церкви. – М., 1962.
5. Калипкина Г.В. Сакральное и профанное время в календарном круге: Томские словари в лингвокультурологическом аспекте // Европейские исследования в Сибири. – Вып. 3. – Томск, 2001. – С. 234–246.
6. Гынгазова Л.Г. Интерпретация мира языковой личностью диалектоносителя и её реинтерпретация исследователем // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2007. – № 295. – С. 15–19.
7. Атрошенко О.В., Кривошапова Ю.А., Осипова К.В. Русский народный календарь: этнолингвистический словарь / науч. ред. Е.Л. Березович. – М.: АСТ-ПИРЕСС КНИГА, 2015. – 544 с.

COMPLETE DICTIONARY OF THE DIALECT LANGUAGE PERSONALITY AS A SOURCE OF STUDYING THE TEMPORAL WORLDVIEW OF THE LANGUAGE PERSONALITY OF A SIBERIAN OLD-TIMER

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography. 2016. 1 (9). 99–110.

DOI: 10.17223/22274200/9/6

Gyngazova Liudmila G., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 4749@mail.tomsknet.ru

Keywords: dictionary, Orthodox calendar, holiday, traditional culture, language personality.

The article discusses the source study potential of the *Complete Dictionary of the Dialect Language Personality* for the study of fragments of the worldview of the language personality of a folk speech culture representative.

The *Complete Dictionary of the Dialect Language Personality* is part of a large-scale project of Tomsk dialectologists in the multidimensional study of the language personality of a Siberian old-timer. The object of the study was the language personality of Vera

Prokofyevna Vershinina, born in 1909, native of the old-timer village Vershinino of Tomsk Oblast.

The basis of the dictionary is the speech of the informant that was recorded for 24 years by inclusion in the speaker's language existence.

The description is focused on identifying the informative potential of the dictionary in the reconstruction of the temporal worldview of the language personality, in particular its variant, cultural time. It is correlated with the Orthodox holidays, and is sacred, of highest collective value. The alternation of the sacred and the profane time regulates the life of the peasant community in the year circle and represents a folk calendar.

The dictionary reflects more than sixty units indicating the points and periods of the folk calendar. The most informative part of the dictionary entries on these units is illustrative. It includes various aspects of information: numerous references to exact dates of sacred days and time periods both in the old and new style, to their order, which shows that this side of life was a focus area of the language personality.

The second aspect of information is connected with the ranking of the holidays; it revealed a mismatch of value priorities of the peasant culture and church ranking.

The contexts reflect dietary regulation and prohibition to work on a holiday. Both are correlated with the concept of sin and firmly rooted in the mind of the language personality.

The folk calendar also manifests itself in naming. In addition, it reflects the combination of the two systems of timekeeping: agricultural and Christian, inherent to the agricultural community.

Thus, the temporal worldview of the Siberian peasant includes cultural time; the analysis of the entries on this topic allows reconstructing the language personality's representations of the nature of time movement and ways of measuring it. The existing contexts reflect the collective knowledge learned and appropriated by the individual: it is an integral part of the informant's life.

Dates of Christian holidays are connected with different spheres of life: the highest spiritual values, nature, agricultural labor. The mention of each of them helps to identify features of the language personality's worldview, her value system.

References

1. Ivantsova, E.V. (2002) *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The phenomenon of the dialect language personality]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006–2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete Dictionary of the dialect language personality]. Vols. 1–4. Tomsk: Tomsk State University.
3. Ivanova, L.A. (2014) *Formy vremeni v idiolekte sibirskogo starozhila* [Time Forms in the idiolect of the Siberian old-timer]. In: *Slavyanskije dialogi* [Slavic Dialogues]. Saransk: Mordovian State University.
4. Almazov, S.F. & Pterskiy, P.Ya. (1962) *Prazdniki pravoslavnoy tserkvi* [Feasts of the Orthodox Church]. Moscow: Gospolitizdat.
5. Kalitkina, G.V. (2001) *Sakral'noe i profannoje vremya v kalendarnom krugu: Tomskie slovari v lingvokul'turologicheskom aspekte* [Sacred and profane time in the calendar circle: Tomsk dictionaries in the linguocultural aspect]. In: *Evropeyskie issledovaniya v Sibiri* [European research in Siberia]. Is. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 234–246.

6. Gyngazova, L.G. (2007) Interpretatsiya mira yazykovoy lichnost'yu dialektonosite-lya i ee reinterpretatsiya issledovatelem [Interpretation of the world by the language personality of a dialect speaker and its reinterpretation by the researcher]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 295. pp. 15–19.

7. Atroshenko, O.V., Krivoshchapova, Yu.A. & Osipova, K.V. (2015) *Russkiy narodnyy kalendar'.* *Etnolingvisticheskiy slovar'* [Russian folk calendar. An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

10.17223/22274200/9/8

Рецензия на книгу: **Словарь русской пищевой метафоры. – Т. 1: Блюда и продукты питания / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под. ред. Е.А. Юриной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – 428 с.**

Словарь включает образные средства русского языка, называющие различные явления окружающего мира по аналогии с продуктами питания и блюдами русской национальной кухни. В его составе языковые, речевые и авторские метафоры, устойчивые сравнения, идиомы, пословицы и поговорки, выражающие кулинарные образы.

Для специалистов в области русского языка, литературы и культуры, а также широкого круга любителей русской словесности.

«Словарь русской пищевой метафоры» включает образные слова и выражения, представляющие метафорический и символический фрагменты русской «пищевой» картины мира. Этот исследовательский словарь нового типа относится к области фигуративной лексикографии и тематически организованных лингвокультурологических словарей.

Теоретическое значение словаря объясняется задачей комплексного системного представления пищевых метафор как мотивационной подсистемы русского языка – «совокупности образных значений и типовых образных представлений, транслируемых образной лексикой и фразеологией русского языка» [1. С. 118]. Новый тип словаря определяется по объекту описания, интегрирующему, с одной стороны, «единицы языка и речи, реализующие иносказательный, фигуральный способ представления языка и мысли», а с другой –

процессы «метафоризации пищевой сферы в языке». Поэтому словарь представляет собой «полное собрание русских метафор, сравнений, идиом, пословиц и поговорок, отражающих метафоризацию сферы «Еда» как в национально-специфическом, так и в интернациональном, и универсальном, общечеловеческом, сегменте образной системы» [2. С. 5]. В этом заключается уникальность словаря.

Словарь антропоцентричен и культуроцентричен: «Он демонстрирует стоящие за образным словом глубинные концептуальные структуры, определяющие мышление языковой личности; отражает широкий спектр энциклопедических знаний и сведений, обуславливающих языковую семантику и погружающих ее в более широкий семиотический контекст культуры» [2. С. 6].

Издание тематически организованного лингвокультурологического словаря предполагает три тома: первые два тома («Блюда и продукты питания» и «Гастрономическая деятельность») связаны с описанием метафорического функционирования гастрономических образов и построены по теме исходной сферы-источника метафоризации. Третий том «Образ мира в зеркале пищевой метафоры» отразит образную категоризацию мира посредством метафоры еды (в этом идеографическом томе будет описана сфера-мишень метафоризации) [2. С. 5]. Первый том словаря продолжает тематическую серию описания пищевой метафоризации, представленную в монографии Е.А. Юриной «Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов» (Кокшетау, 2013), словарях «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов» (Кокшетау, 2014) и «Казахская пищевая традиция в зеркале языковых образов» (Кокшетау, 2014). В теоретическом плане данные работы развивают традиции томской лингвистической школы, определяющей образный строй языка «в контексте традиционных и новейших категорий описания единства знаковой и отражательной природы языка» [3. С. 131].

Языковая категориальная, дискурсивная и лингвокультурная стороны пищевых метафор отражаются в словаре через разработанную систему толкования образных единиц в соответствии с мотивационной интерпретацией этой особой системы метафоризации.

Лексикографическое описание пищевой образности раскрывается в словаре на материале языковых метафор, собственно образных слов, двухкомпонентных образных номинаций, устойчивых образных сравнений различной структуры, пословиц, поговорок, преедентных образных слов и выражений как знаков русской культуры.

В качестве материалов и источников формирования 821 единицы словника первого тома словаря послужили 14 толковых словарей современного русского литературного языка, фразеологические словари, словари пословиц и поговорок. Среди них «Словарь русского языка» в 4 томах под редакцией А.П. Евгеньевой (М., 1999), «Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под редакцией В.Н. Телии (М., 2006), «Большой словарь русский сравнений» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (М., 2008), «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой (М., 2010) и др. Контекстный материал отбирался в электронном интернет-ресурсе «Национальный корпус русского языка».

Представления о пище получают в словаре разную характеристику: словарь многоаспектен по способам представления лексической информации и приемам моделирования семантики. Его можно отнести к моделирующим словарям когнитивной лексикографии, поскольку в словарных статьях фиксируются различные уровни разного означивания, воссоздаются процессы когнитивного моделирования, концептуализации и категоризации, выделяющие русскую ментальность.

В словарных материалах моделируется образный компонент мотивированности русских пищевых знаков, включая дискурсивные контексты мотивационных толкований образных языковых единиц, в которых функционируют образные представления. Русские пищевые метафорические знаки как единицы русской лингвокультуры отражаются в словаре в соответствии с общей задачей создания активного лексикографического описания образного строя языка, выдвинутой в русистике во второй половине XX в. Разные зоны описания, выделенные в словаре, отражают процессы конструирования метафорических знаков и включают дескрипции правил образования, существования, текстового и дискурсивного функционирования, ментального формирования образных компонентов русской пищевой лингвокультуры.

Используемые составителями словаря способы организации словарного материала (тематический и гнездовой), принципы представления семантики образных единиц (лингвистический, когнитивный и энциклопедический) обоснованы концептуально: «...новизна словарной концепции определяется стремлением целостно описать характерный для сознания русской языковой личности фрагмент об-

разной системы в единстве концептуальных и смысловых связей между метафорически уподобляемыми явлениями» [2. С. 4]. Системный подход к образности заключается поэтому в лексикографическом моделировании когний носителей русского языкового сознания, определении культуроцентрических аспектов мотивационной характеристики русских пищевых метафор.

Новизна словаря определяется его исследовательским жанром: образный корпус концептуальной подсистемы выделен как особый лексикографический объект, верифицирующий теорию образных средств языка. В принципах сбора образных языковых единиц, анализа пищевого лексикона как системы образных средств, естественно-языковой и ментальной, заключена методика работы томских лексикологов, направленная на исследование мотивационного функционирования лексической семантики в языке и речи.

По замыслу составителей, «...построение макроструктуры словаря репрезентирует национальную пищевую традицию; позволяет сохранить единство исходного базового образа, метафорически воплощенного в системе образных лексических и фразеологических единиц языка; целостно представляет фрагмент русской общеязыковой образной системы и транслируемой ею картины мира» [2. С. 15]. Такой подход к лексикографическому описанию языковой картины мира потребовал от авторского коллектива словаря совмещения жанровой структуры толковых, идеографических и энциклопедических словарей, принципы которых отвечают главной исследовательской задаче словаря – определить систему лексикографических параметров описания образных знаков русской пищевой лингвокультуры.

Поэтическая картина мира, воссоздаваемая в словаре, максимально приближена к естественной («обиходной») категоризации носителей русского языка, что делает словарь релевантным в описательном плане. Метафорические модели интерпретации воспринимаются как элементы функциональной таксономической системы образных средств, взаимосвязанных по линии типологических концептуальных моделей.

В словарную статью включены единицы лексико-фразеологических гнезд, «объединяющие мотивирующие слово в исходном значении и серию образно мотивированных слов и выражений, транслирующих пищевую метафору» [2. С. 13]. Лексикографическое описание гнезд включает наименование вершины (заглавного слова гнезда) и четырех зон представления гнезда: исходного значения,

образных значений, лингвокультурологического комментария и типовых образных представлений. Таким образом составители словаря рассматривают мотивационно-семантические связи, классифицируют образные слова и выражения, объясняют диахронно-синхронный культурный контекст пищевой образности, проводят когнитивный семиотический анализ функционирования концептов метафоризации, систематизируют правила моделирования метафорических пищевых знаков русской лингвокультуры. Ср.:

«**ТЮРЯ**, -и, ж.

I. Исходное значение.

Кушанье из крошенного в воду, квас, молоко хлеба. – *В горячее молоко крошить хлеба. Такая **тюря**. Я это очень люблю* (Л. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе). *Зимой самое распространенное блюдо – мясной бульон с ржаной мукой (**тюря**)* («Жизнь национальностей»).

II. Образное значение.

ТЮРЯ. ЯМ. (ЯМ – языковая метафора.) *Прост.* Вялый, нерасторопный, медлительный человек, который не способен на быстрые действия, решения. *Экспр.* – **Тюря**, - плюнул с досады Иван Нефедыч, – **тюря** ты, а еще одессит! (А. Львов. Двор).

III. Лингвокультурологический комментарий.

Холодное жидкое блюдо русской и белорусской кухни, похлебка. Обычно основной в тюре является квас – ее жидкая часть. Твердой частью служат хлеб (черный), лук, соль как обязательные компоненты. К ним может добавляться тертая редька. Возможны и молочные тюри: в простоквашу крошатся отварной картофель, лук, чеснок. Иногда в народе зовется простая похлёбка.

С давних времен тюря считалась блюдом для бедняков, потому как блюдо простое в приготовлении, не содержит мяса и жиров. Употребляли тюри обычно летом, в жаркие дни. Тюри были своего рода жидкими закусками.

IV. Типовое образное представление.

Образ жидкой и вязкой тюри, которая не имеет определенной формы, растекается по поверхности, метафорически проецируется в психологическую сферу, выражая представление о вялом, нерешительном, нерасторопном человеке» [2. С. 303].

Из приведенного примера словарной статьи следует, что компоненты толкования значения исходных и образных единиц, пометы и контекстные иллюстрации определяют метафорический корпус пищевых

знаков в семасиологическом и ономасиологическом аспектах. В системе помет маркируются разряд образных средств, их стилевая природа и функции, функционально-стилевая сфера использования, эмоционально-оценочный и экспрессивный характер пищевых метафор.

Мотивологические принципы толкования образного значения определяются составителями в соответствии с задачами словаря: «Непременным условием формулировки значения является избегание метафорических определений и указание на задействованные в метафорической интеракции признаки называемых явлений, которые получили образное воплощение посредством аналогии с кулинарным феноменом» [2. С. 17]. Это позволяет определять естественные модели категоризации, характерные для русской пищевой лингвокультуры.

Ассоциативно-образный и коммуникативный потенциал образной лексики и фразеологии с исходной кулинарной семантикой иллюстрируют наиболее репрезентативные и информативные фрагменты дискурсов начиная с 50-х гг. XX в. Словарь «задуман как фиксация современного среза общезыковой образной системы, воплощенной в речевой деятельности современного русского человека и релевантной сознанию носителей современного русского языка» [2. С. 19]. В таком аспекте словарь может служить источником исследования различных статических и динамических компонентов образного строя русского языка. В частности, очевидно значение словаря как источника мотивационной ассоциативности русского пищевого знака: представленная в словаре система мотивационных ассоциаций направлена на обнаружение тенденций функционирования внутренних форм русского языка, по которым можно судить об особенностях реализации различных функций описываемого фрагмента его образной системы.

Культурный фон образных единиц словаря представляется в лингвокультурологическом комментарии и описании типовых образных представлений. Этнокультурная информация об источнике образных ассоциаций включает лингвистическую часть описания мотивированности слова. Исторический, символический, обрядовый, ритуальный компоненты функционирования пищевых знаков в традиционной культуре получают мотивологическое обоснование. В итоге определяются типовые образные представления как проявления национальной ментальности: «Типовые образные представления выявляются исследователем-лексикографом на основании анализа семантики и текстового функционирования образных средств языка.

Одно образное представление выражается серией образных единиц, транслирующих одну и ту же метафорическую модель. Это проявляется в единстве исходного базового образа, единстве номинируемой денотативной сферы, актуализации одних и тех же признаков, лежащих в основании уподобления, а также в общности, ценностной ориентации образной характеристики» [2. С. 20]. Культурные когнитивные, поясняющие значение и функции образных стереотипов, моделируют идиоэтнические компоненты образных единиц, что раскрывает типологическое значение словаря.

Изяснительная часть словарных статей наверняка заинтересует исследователей русской языковой культуры и всех изучающих русский язык. Как источник лингвокультурологических и лингвокогнитивных изысканий «Словарь русской пищевой метафоры» имеет серьёзное научное значение в контексте развития общих и прикладных аспектов русской мотивологической метафорологии.

Литература

1. Юрина Е.А., Живаго Н.А. Метафоризация поглощения пищи в образном строе русского языка // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2015. – №3 (35). – С. 107–121.
2. Словарь русской пищевой метафоры. – Т. 1: Блюда и продукты питания / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – 428 с.
3. Антипов А.Г. Рецензия на книгу: «Словарь образных единиц сибирского говора» // Вопр. лексикографии. – 2014. – №2. – С. 130–133.

А.Г. Антипов

BOOK REVIEW: YURINA, E.A. (ED.) *SLOVAR' RUSSKOY PISHCHEVOY METAFORY* [DICTIONARY OF RUSSIAN FOOD METAPHOR]. VOL. 1

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography. 2016. 1 (9). 111–117.

DOI: 10.17223/22274200/9/8

Antipov Aleksandr G., Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: sante3@yandex.ru

References

1. Yurina, E.A. & Zhivago, N.A. (2015) Metaphorization of eating in the imagery of the Russian language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (35). pp. 107–121. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/35/9
2. Yurina, E.A. (ed.) (2015) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian food metaphor]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
3. Antipov, A.G. (2014) Book Review: The Dictionary of the Siberian Dialect Figurative Units. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (6). pp. 130–133. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТИПОВ Александр Геннадьевич – д-р филол. наук, профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета.

E-mail: sante3@yandex.ru

ВЕСНИНА Галина Юрьевна – ассистент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, мл. науч. сотр. лаборатории когнитивных исследований языка Томского государственного университета.

E-mail: galina.y.vesnina@gmail.com

ГЫНГАЗОВА Людмила Георгиевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: 4749@mail.tomsknet.ru

ИВАНЦОВА Ектерина Вадимовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: ekivancova@yandex.ru

ИГНАТЬЕВА Наталья Дмитриевна – аспирант кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: nataliagashева@yandex.ru

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, зав. лабораторией когнитивных исследований языка Томского государственного университета.

E-mail: resso@rambler.ru / resso@mail.tsu.ru

СИДОРЕНКО Константин Павлович – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

E-mail: sidorenko274@yandex.ru

ТОЛСТОВА Галина Александровна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Красноярского литературного музея – филиала Красноярского краевого краеведческого музея.

E-mail: tgakras@bk.ru

ФЕСЕНКО Ольга Петровна – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных и русского языков Омского автобронетанкового инженерного института.

E-mail: Olga.Fesenko2015@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит 2 раза в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 41276 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2227-4200).

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/lex>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/lex>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Факс 8(382-2)52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал
ВОПРОСЫ
ЛЕКСИКОГРАФИИ
RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2016. № 1 (9)

Редактор *Т.В. Зелева*
Редактор-переводчик *В.В. Каишур*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 21.06.2016 г. Формат 60х84 ¹/₁₆.

Печ. л. 7,25; усл. печ. л. 6,74; уч.-изд. л. 6,54.

Тираж 500 экз. Заказ № 1935

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru